

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ЗАПРЕТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

У этой
странной истории
очень глубокие
корни...

Annotation

Смерть пожилой пациентки с хроническим заболеванием сердца в краевой больнице становится настоящим ЧП, ведь старушка была задушена! Главврач клиники Владимир Радецкий волей-неволей вынужден участвовать в процессе расследования. Открывающиеся ему факты указывают на то, что у этой трагической истории очень глубокие корни. Вместе со старой знакомой, журналисткой, и новой подругой Радецкий выясняет подробности грандиозной аферы. Ее участники уже ушли в мир иной, а вот приобретенный ими капитал по-прежнему цел и при этом соблазнительно велик... Людмила Мартова – мастер увлекательной детективной мелодрамы, автор захватывающих остросюжетных историй. Их отличают закрученная детективная интрига, лихой финал с неожиданной развязкой и, конечно же, яркая любовная линия. Героини романов Людмилы Мартовой – современные молодые женщины, которые точно знают, чего хотят от жизни.

- [Людмила Мартова](#)
 -
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Людмила Мартова

Запретные воспоминания

© Мартова Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*А то, что шло, уже настало
И так над нами и застыло.
И закипает, и вскипает,
И жжет, и лишь бы не остыло.
На перекошенных пуантах
Сама судьба заходит с тыла.
И по ее горящей милости
За все грехи и невинности
Мне из души твоей не вылезти.
Такие новости.*

Анна Озар

А.К. с благодарностью

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

* * *

Зарево заливало небо там, где и положено было начинаться зимнему восходу, – на юго-востоке. Оно было необычайно ярким: оранжевым с малиновыми

всполохами, расцвечивающими темное, словно предгрозовое небо. Хотя какая может быть гроза в январе. Да и восход – Радецкий скосил глаза на стоящие на тумбочке электронные часы – в половине четвертого утра в январе невозможен, а значит, зарево означало что-то совсем другое. Тревожное.

Он проснулся от всполохов, потому что терпеть не мог штор и никогда их не закрывал, предпочитая смотреть на небо и на бьющие в стекло ветви яблонь, а не на кусок пыльной ткани. Он вообще не терпел никаких ограничений своей свободы, будь то введенные запреты, какие-то нелепые женские требования, задраенные люки, закрытые двери или задернутые шторы. И, несмотря на любые посягательства, всю жизнь оставался ничей.

Полыхало довольно далеко. Точно не в его поселке, расположенном в тридцати километрах от города. Фантазия построить здесь дом, чтобы переехать жить «на природу» на постоянной основе, пришла ему в голову семь лет назад, и года три ушло на то, чтобы воплотить ее в жизнь до мельчайших деталей, которые Радецкий продумывал тщательно и с искренним азартом. Именно так он делал все, за что брался.

Он был уверен, что жизнь дана для того, чтобы получать от нее удовольствие, и черпал его большой ложкой отовсюду – из скрипящего под ногами свежавыпавшего снега во дворе, хорошего фильма, удачной книги, порции суши в любимом японском ресторанчике, скорости, на которой привык гонять по трассе, фитнеса и даже легкого скепсиса, с которым он относился к этим занятиям и к самому себе.

И от дома своего – добротного, основательного, комфортного, отделенного от соседей надежным забором, за который никто даже и не думал соваться, ибо все в поселке знали, что Владимир Радецкий – человек крайне замкнутый, практически нелюдимый, –

он тоже получал искреннее удовольствие, пусть с недавних пор и жил здесь один. Точнее, вдвоем с собакой.

Собаку купили дочке на день рождения, когда та училась в одиннадцатом классе. Радецкий, разумеется, был против, потому что знал жизнь. Для того чтобы предсказать, что будет дальше, не надо быть провидцем. Спустя полгода дочка уехала в Санкт-Петербург поступать в университет, откуда в их областной центр уже не вернулась, а невероятно породистая псина с красивым именем Сильва Фелисия осталась в безраздельной собственности Радецкого, которого почитала за бога. Он звал ее Фасолькой и просто обожал.

Сейчас Фасолька сидела рядом с кроватью и глядела на хозяина с вопросом: волноваться уже или пока не стоит?

– Не стоит, – вслух заверил ее Радецкий, слез с кровати, подошел к незашторенному окну.

Разбудившее его зарево становилось все ярче, занимая собой уже примерно с половину видневшегося в окне неба. Пожар, а это был именно он, полыхал с такой силой, что сомневаться в его гибельности не приходилось. Судя по направлению, откуда доносились всполохи, и легкому, но отчетливому запаху гари, горело на территории небольшого дачного товарищества, расположенного километрах в трех от его поселка.

Дачи там были старые, еще советских времен, с участками в три-пять соток и небольшими щитовыми постройками, огонь мог легко перекидываться с одной на другую и мгновенно распространяться, неся беду. Конечно, зимних домов там не было, по осени дачники консервировали свои жилища, увозя из них все мало-мальски ценное, что могло вызвать интерес граждан без определенного места жительства, но эти самые

бомжи все равно забирались внутрь в призрачной надежде поживиться хотя бы оставленными запасами круп, а также немного погреться. Скорее всего, огонь, разведенный с этой целью, как уже не раз бывало, и стал причиной пожара.

Вернувшись в кровать, Радецкий позвонил в спасательную службу, а потом, немного подумав, набрал номер врача, дежурившего сегодня в Центре катастроф. Он всегда знал, кто именно сегодня дежурит во всех отделениях областной больницы, которой руководил. Это было давно взятое за основу правило, потому что оно позволяло в нужные моменты существенно экономить время.

Трубку взяли только с пятого гудка, из чего следовал вывод, что ночь сегодня проходит спокойно.

– Да, Владимир Николаевич, – услышал он голос в трубке и улыбнулся краешком губ от сквозившей в голосе покорности злодейке-судьбе, в очередной, который уже раз, не давшей возможности выпататься на дежурстве.

– Илья Сергеевич, простите, что разбудил, но недалеко от Покровки сильный пожар. Спасатели выехали, так что, возможно, вам сейчас пострадавших привезут. Будьте готовы.

– Принял, – голос в трубке стал сосредоточенным. – Пострадавших-то много?

– Понятия не имею, – признался Радецкий, – но, судя по тому, как полыхает, могут быть. Хотя... Если честно, при такой силе огня, скорее всего, не будет.

– Будем готовы на всякий случай, – спокойно сказала трубка.

Цинизм начальника никого удивить не мог, ибо к этой форме защитной реакции – бесконечной циничности – все они приходили рано или поздно, и была она таким же обязательным атрибутом профессии, как когда-то белый халат, а сейчас цветной костюм.

Любой врач постоянно ощущает всю меру колоссальной ответственности за принятые им решения. Излишняя чувствительность же – главный враг четкой работы мысли, и тратить время на эмоции, когда каждый день видишь, насколько тонка грань, отделяющая жизнь от смерти, ей-богу, непозволительная роскошь.

Радецкий и не испытывал сейчас никаких эмоций. Бушевавший по соседству пожар не мог иметь к нему никакого отношения, поэтому, сделав все, что возможно в подобной ситуации, он снова лег в постель и тут же уснул. До звонка будильника, который каждое утро раздавался ровно в шесть, оставалось два часа.

* * *

Влада ненавидела рано вставать, причем к понятию «рано» относилось любое время до девяти утра. Проснувшись, она не спеша пила кофе, бездумно глядя в окно, потом шла в душ, контрастный, чтобы окончательно прогнать сонную одурь, затем делала обязательные упражнения на растяжку, готовила какой-нибудь полезный и, что важно, красиво сервированный завтрак, потом гуляла с собакой – одышливым мопсом Беней, которого она забрала себе после того, как его подбросили в ветеринарную клинику.

Влада тогда заехала за работавшей там подругой, потому что у них был запланирован девичник, и обнаружила ту в ярости из-за найденного под дверью клиники пса. Его поводок просто привязали к дверной ручке и ушли, несмотря на двадцатипятиградусный мороз. Хорошо еще, что заметили мопса довольно быстро, минут через двадцать, и лапы он отморозить не успел, как и простудиться, но все равно с найденным нужно было что-то делать. Они и сделали – Влада

забрала пса, которому на тот момент, судя по состоянию зубов, было около трех лет, домой, и вот уже шесть лет он жил с ней, превратившись в немолодого, но пока еще не дряхлого степенного господина, довольно привередливого, как и положено избалованному донельзя существу.

После прогулки с Беней следовало вымыть собачьи лапы, насыпать в миску корм, придирчиво подобрать себе наряд, соответствующий задачам сегодняшнего дня, соорудить на голове приличную прическу, накраситься и поехать наконец в офис. Как правило, Влада появлялась там в районе одиннадцати утра, хотя весь коллектив работал с девяти. Будучи единоличной владелицей фирмы и директором в одном лице, Влада Громова вполне могла позволить себе подобную роскошь.

Она была классической «совой» и пика работоспособности достигала часам к двум, а потому все важные переговоры назначала на вторую половину дня, зато и работать могла до восьми-девяти часов вечера, задерживаясь в офисе позже всех и оставляя под конец дня работу с документами, бухгалтерскими проводками, деловыми письмами и анализом отчетов сотрудников.

Ей нравилось, что в эти минуты она остается одна и ее никто не отвлекает сторонними разговорами, неминуемыми в любом достаточно дружном коллективе. Нет, она ценила и уважала своих подчиненных, которых вдумчиво собирала много лет, отслеживая и оценивая сильные стороны, переманивая у конкурентов и покупая по цене гораздо выше рынка, но лучше всего ей работалось в тишине.

Днем она была «зажигалкой», стимулятором, мотиватором, «жилеткой», «мамой» и старшим товарищем, удачливой бизнесвумен, не боящейся риска и готовой на самые неожиданные финансовые схемы, а

вечером становилась вдумчивым и осторожным контролером. В первую очередь для себя самой.

К счастью, работать в этом крайне удобном для себя режиме, выработанном и отточенном за много лет до мелочей, она вполне могла себе позволить, поскольку дома ее никто, кроме Бени, не ждал. Взрослый сын как уехал учиться на факультет фундаментальной медицины в МГУ, так по его окончании там и остался, поступив теперь в аспирантуру. Сыном Влада гордилась и из-за его отсутствия не скучала: во-первых, ее род деятельности подразумевал частые командировки в столицу, а во-вторых, современные технологии позволяли постоянно оставаться на связи, даже находясь в разных городах.

Беню днем выгуливала домработница, она же закупала продукты и готовила нехитрый ужин, так что в позднем возвращении домой не было ничего некомфортного. Загнав машину за ворота элитного дома, в который она переехала год назад, Влада заходила в квартиру, переодевалась в спортивный костюм, собирала волосы в хвостик, цепляла на поводок сопящего Беню, выходила на берег реки, окна на которую были решающим фактором при выборе новой квартиры, полчаса неспешно гуляла, вдыхая речной воздух и проветривая голову от всех проблем дня, после чего возвращалась домой уже насовсем, быстро ужинала, наливала чашку чаю и залезала с ногами на диван перед телевизором, где ее ждал очередной эпизод какого-нибудь сериала.

Беня укладывался в ноги и уютно похрапывал, иногда открывая один глаз, чтобы убедиться, что хозяйка никуда не делась. Это был ее способ отдыха, проверенный и любимый, и во сколько начинался вечерний релакс – в десять или в половину одиннадцатого, – не имело никакого значения. Перед сном Влада еще читала книгу и пролистывала ленту

соцсетей, выключая свет в спальне в час, а то и в два ночи, и прекрасно высыпалась до звонка будильника, установленного на девять утра. Это был удобный для нее распорядок дня, который никому не мешал и никого не касался.

Но только не сегодня. Нынче в девять утра ей уже надлежало явиться на деловую встречу к главному врачу областной больницы Владимиру Радецкому. Фирма Владиславы Громовой выиграла тендер на поставку и оснащение под ключ новой гибридной операционной. Для того чтобы уложиться в сроки контракта, который Влада подписала пятнадцатого января, начинать нужно было немедленно, и если все предварительные раунды переговоров она проводила с руководителем контрактной службы, то непосредственно ход работ собирался курировать лично главный врач.

Влада его, разумеется, знала, но не любила: эстет и сноб, он всегда смотрел свысока, что, впрочем, с разницей в их росте было вполне объяснимо, и с каким-то странным выражением в серых глазах. Однозначно назвать его презрением Влада бы не решилась, но смутное сходство было, и, будучи женщиной гордой, она всякий раз испытывала какой-то внутренний протест, заставляющий ее, нет, не избегать главврача областной больницы, но общаться с ним как можно меньше.

Его заместители, с которыми она обычно работала, знали об особенностях ее биоритмов и относились к ним с пониманием. На все деловые встречи Влада обычно приезжала в больницу к двум часам дня, но от Владимира Радецкого снисхождения к ее слабостям ждать не приходилось – встречу он назначил на девять утра, и тон его голоса в телефонной трубке почему-то совершенно отбивал желание спорить.

Будильник пришлось поставить на половину седьмого, потому что в непривычное время организм все делал гораздо медленнее, чем обычно. Контрастный душ не помогал проснуться, хотя Влада сегодня попеременно лила на себя то практически кипятком, то ледяную воду, выпала из рук и разбилась кофейная чашка, напаяленные впопыхах колготки оказались с дыркой, новые Влада зацепила ногтем, и по ним тут же поползла отвратительная дорожка. Психанув, пришлось нацепить брюки, хотя обычно на деловые встречи Влада старалась их не носить.

Она была маленького роста – метр пятьдесят семь, – и платья и юбки подчеркивали хрупкость ее фигурки, скрывая главные внутренние качества – целеустремленность, умение идти до конца, негибкую волю и цепкий деловой ум, позволивший двадцать лет назад открыть сложный, очень мужской бизнес и все эти годы не просто выживать, а состояться в нем, не давая себя не то что сожрать, а просто откусить долю больше, чем она позволяла.

Ее образ ввел в заблуждение многих сильных мира сего, выдавали Владу обычно лишь глаза – взгляд человека, за сорок семь лет много раз сталкивавшегося с подлостью, несправедливостью, предательством, обманом и разрулившего слишком много проблем. Глаза ее сокрушали имидж слабой, во многом наивной дурочки, который помогал обводить вокруг пальцев конкурентов. Обычно те обнаруживали, что имеют дело не с порхающим эльфом, уже тогда, когда вокруг их горла сжимались стальные челюсти. Платья, облегающие изящную фигурку и колышущиеся вокруг стройных ног, отвлекали внимание от глаз. Но сегодня пришлось надеть брюки, потому что возиться с колготками было уже совсем некогда.

В довершение ко всем неприятностям в брелоке от машины села батарейка, и Влада, уже отчаянно

понимая, что опаздывает, все дергала ручку дверцы, как будто это могло помочь попасть внутрь, а потом все-таки, чертыхаясь, побежала обратно в квартиру, вызвав у Бени припадок неожиданной радости оттого, что хозяйка вернулась, а потом такого же острого горя оттого, что она все-таки уходит. Когда она, визжа шинами своего BMW, вылетела со двора, едва не задев створку не успевших до конца раскрыться ворот, часы показывали 8:40. Для того чтобы добраться до областной больницы, ей требовалось не менее получаса. Представив ироничное лицо Радецкого, выразительно смотрящего на часы, она неприлично выругалась и вдавила в пол педаль газа.

– Анечка, я опоздала, уже сердится, да? – спросила она у секретарши, влетев в приемную главного врача областной больницы и кое-как пристроив шубку на вешалку.

– Ничего страшного, Владислава Игоревна, – неожиданно успокоила ее та. – Владимир Николаевич просил обождать, он как по отделениям ушел, так не вернулся еще. Вроде в хирургии случилось что-то.

Наверное, радоваться приключившемуся в больнице ЧП было некрасиво, но Влада испытала острый укол облегчения. Не придется краснеть из-за того, что она опоздала на встречу, потому что Радецкий не узнает, что ее не было в приемной вовремя.

– Ты ведь меня не выдашь? – спросила она секретаршу. Та с улыбкой кивнула, мол, какой разговор.

Влада села на стул, чинно сложив руки на коленях и придав взору смирение. Пай-девочка, да и только. Сделала она это вовремя, потому что открылась дверь и в приемную влетел Радецкий.

– Прошу прощения, – отрывисто бросил он, – проходите. Анечка, кофе.

– Мне – чай, – безмятежно пропела Влада, скорее из чувства противоречия, чем из нежелания кофе. Вторую

положенную с утра чашку она выпить не успела, и спать хотелось по-прежнему, ужасно.

– Владиславе Игоревне – чай, – легко согласился хозяин кабинета и распахнул перед Владой дверь.

Что ж, по крайней мере, он помнит ее имя-отчество. Оказавшись внутри, Влада быстро разложила на столе для переговоров принесенные документы и чертежи. Ремонт в помещении под новую операционную был уже сделан: поменена электропроводка, установлен свинцовый защитный экран, усилена конструкция потолка и пола, поскольку вес оборудования, поставляемого в рамках контракта, составлял без малого две с половиной тонны.

Под гибридные операционные вообще не годились стандартные помещения, привычные для врачей. Выполняемые в них операции требовали удобного размещения команды из восьми-двадцати человек, включая анестезиологов, хирургов, медсестер, технических специалистов, перфузиологов и другого персонала поддержки. На картинках, разложенных Владой, изображенные в 3D-проекции помещения больше напоминали центр управления полетами, чем больницу. Даже не стадии проекта Влада гордилась этим своим детищем, на подготовку к которому потратила почти год. А уж когда оно будет реализовано...

Не обращая внимания на принесенный чай, она быстро и обстоятельно докладывала о первых шагах, которые намеревалась предпринять в ближайшее время, а также о содействии со стороны персонала больницы, которое ей было необходимо. Радецкий слушал, делая пометки в лежащем перед ним блокноте. Вопросы задавал по делу, без язвительности, иронических взглядов не кидал, и на том спасибо. Через полчаса Влада чувствовала себя так, словно сдала какой-то неведомый ей экзамен.

– Мы вместе с партнерами старались продумать все до мелочей, – говорила она, вполне довольная, что голос ее звучит твердо и уверенно, – но мы готовы выслушать пожелания всех ваших специалистов, которые в будущем будут здесь работать. Ваши возможные дополнительные требования повлияют на конечный дизайн помещения, поэтому мы предлагаем провести работу в несколько итераций. В результате мы получим индивидуальное решение в той конфигурации, которая будет удобна всей вашей команде.

– Помещение вы уже осмотрели?

– Да. Конечно, и не один раз. Еще на стадии проекта. Мы выдвигали свои предложения по ремонту, Олег Павлович их учел все до единого. Мои специалисты вчера начали завозить на объект необходимые инструменты и оборудование, сегодня эта работа продолжается.

Олег Павлович Тихомиров был заместителем главного врача по хозяйственным вопросам, и, готовясь еще к первому проекту в больнице, Влада провела с ним немало времени, чтобы найти общий язык. Хороший он оказался мужик: простой, веселый, готовый до бесконечности балагурить, снимая напряжение, то и дело возникающее, когда сложных задач много, а времени на их решение совсем наоборот. Владе с ним было легко.

– Чудесно. Работайте с Олегом Павловичем, но эта операционная слишком важна для больницы, так что не обессудьте, весь процесс я буду контролировать сам, – сообщил Радецкий.

Влада открыла рот, чтобы сообщить, что ничего не имеет против, но не успела, потому что дверь распахнулась и в кабинет ввалился Сергей Королев, заведующий хирургическим отделением. То, что это именно он, Влада поняла скорее по общему образу, потому что на Королеве, что называется, лица не было.

Видимо, случилось что-то серьезное, и Влада неожиданно напряглась, хотя к ней происходящее не имело ни малейшего отношения.

– Простите, Владимир Николаевич, – скороговоркой проговорил он, – я понимаю, что вы заняты, но еще полчаса прошло. Я просто не представляю, что делать.

– Идите домой, Сергей Александрович, – ровным голосом сказал Радецкий. – Дежурство сдали? Идите домой.

– У меня сегодня три операции назначены.

– Вас сегодня к столу точно подпускать нельзя, – в голосе Радецкого прорезалась жесть, и Влада внутренне поежилась. – Перераспределите пациентов между своими хирургами и идите.

– Домой я не пойду.

– Идите куда хотите. Подозреваю, что вы отправитесь объезжать адреса, по которым может находиться эта ваша Юля. Кстати, когда она найдется, попросите ее прийти на работу с готовой объяснительной, почему она не вышла на дежурство.

– Владимир Николаевич, я же вам говорил, что наверняка с ней случилось что-то страшное. Она не могла пропустить дежурство. Тем более не предупредив меня. И родители не знают, где она. Они были уверены, что она в больнице, и теперь с ума сходят.

– Так вы, Сергей Александрович, их с ума и сводите. С собой за компанию. У исчезновения этой вашей Юли есть вполне простое объяснение, которое вы чуть позже узнаете. Как я понял, больницы и морги вы уже обзвонили?

– Да, разумеется, еще ночью.

– Значит, все хорошо. Найдется ваша красавица. Идите, Сергей Александрович, распределите операции и приведите себя в порядок. Что за детство, ей-богу.

На Королева было жалко смотреть. У него тряслось лицо, прыгали губы и мелко-мелко дрожали руки. Даже Владе было совершенно очевидно, что оперировать он сегодня не сможет. В глазах у него стояли слезы. Коротко кивнув главврачу и пробормотав что-то среднее между «спасибо» и «черт тебя подери», он скрылся за дверью.

– Детский сад, – в сердцах сказал Радецкий, – взрослый же человек, и такие страсти.

– Что-то случилось? – спросила Влада, скорее из вежливости, чем из искреннего интереса. Она редко испытывала любопытство по поводу того, что ее не касалось.

– Да ничего не случилось. Медсестра из отделения кардиохирургии не вышла на ночное дежурство. Я ее на работу-то взял перед самым Новым годом, и вот тебе, месяц прошел, а она уже такие фортели выкидывает. И не хотел же, знал, что ничего хорошего из этого не выйдет, но позволил себя уговорить.

– Почему не хотели? Она плохой специалист?

– Да хороший она специалист. Наверное. Не в этом дело. Королев очень просил, чтобы она у нас работала, пусть даже не в его отделении. Не буду вдаваться в детали, но там личное.

Влада представила бледное лицо с трясущимися губами и все поняла. У Королева с медсестричкой Юлей случился роман. Встречаться со своей пассией женатому человеку особенно некогда, а в больнице очень даже удобно, особенно если ставить в график совместные дежурства. А график оформляет кто? Завотделением, так что никаких проблем, и не важно, что отделения разные. Королев может свои дежурства под график медсестрички с соседнего отделения подогнать либо со своим коллегой из кардиохирургии договориться. А того, что всего через месяц такой совместной работы девушка вильнет хвостом

и Королева цинично бросит, да еще пропустив смену, этого Сергей Александрович, разумеется, предвидеть не мог. А зря. Из служебных романов никогда ничего хорошего не выходит.

– Владислава Игоревна, давайте вернемся к работе, – голос Радецкого вывел ее из мыслей, в которые она погрузилась, – времени осталось не так много, у меня вот-вот следующее совещание.

– Во-первых, отведенное мне время сократилось не по моей вине, – тут же парировала Влада, – а во-вторых, я почти закончила. Нам нужен перечень ваших предпочтений по этим вопросам, – она протянула Радецкому заранее приготовленный листок. – Нам обоим очень важно не выбиться из сроков, потому что они и так крайне сжатые. Ответ я бы хотела получить сегодня к вечеру, максимум завтра утром. Всего доброго, Владимир Николаевич. Не смею больше вас задерживать.

– Всего доброго, – он встал, демонстрируя хорошие манеры.

Манеры Влада ценила, особенно в мужчинах, поскольку в привычной повседневности хорошее воспитание случалось встретить нечасто. Не парились современные мужчины галантностью. Или это был побочный эффект женской борьбы за равноправие?

Свой бизнес Влада Громова открыла, когда ей было двадцать семь лет. За плечами у нее уже имелся первый развод, после которого она оказалась одна в чужом городе с пятилетним сыном на руках. В этот областной центр она приехала вслед за мужем, который был отсюда родом, и, оставшись одна, могла рассчитывать только на себя. За прошедшие с той поры двадцать лет она исколесила всю страну, одна за рулем сначала старенькой «семерки», а потом и других своих машин, которые меняла по ходу того, как рос ее бизнес.

Поставки лекарств сначала дополнились медицинскими расходниками, а потом и сложным диагностическим и лечебным оборудованием. Влада умела выстраивать отношения с поставщиками, быстро разобралась в сложном мире тендеров и госзакупок, контракты исполняла четко и быстро, открыла сервисное направление, которое сопровождало технику уже после того, как все гарантийные обязательства были исчерпаны, за длинным рублем не гналась, на качестве не экономила, а потому репутацию имела крепкую, хотя из-за негибкой воли и умения разговаривать жестко считалась жуткой стервой. С ее точки зрения, это был комплимент.

Несмотря на то что всю свою жизнь она выстроила самостоятельно и проблемы всегда решала только сама, не рассчитывая ни на чью помощь, и не родился еще тот мужчина, от которого бы она зависела, в гендерное равноправие Влада Громова не верила. В ее картине мира женщины, даже самые сильные и самостоятельные, все равно имели право на слабость, а мужчины должны были как минимум отрывать пятую точку от стула, когда дама встает, открывать ей дверь и подавать пальто. Вот такая она была несовременная.

Дверь в приемную Радецкий перед ней распахнул и невесомую шубку подал, быстрым взглядом (Влада заметила) оценив ее качество и стоимость. Легкая ухмылка, та самая, которую она терпеть не могла, на мгновение исказила его лицо и пропала. Тьфу. И почему под его взглядом ей хочется украдкой глянуть в зеркало, чтобы проверить, все ли в порядке.

Зеркало в приемной, впрочем, было, и Влада, завязывая шелковый шарфик на шее, встала перед ним с невозмутимым видом. С отражением все было хорошо, насколько это возможно при условии, что тебе сорок семь, у тебя взрослый, состоявшийся в жизни сын, а также косметолог с золотыми руками и деньги, чтобы

его услуги оплачивать. Тьфу. Она уже и не помнила, когда последний раз думала о том, как выглядит, ибо обладала железобетонной уверенностью в себе.

– Я жду перечень предложений, – чуть более жестким тоном, чем этого требовали обстоятельства, сказала Влада, – до свидания.

– До свидания, Владислава Игоревна, – ответила ей секретарша Анечка, а Радецкий молча повернулся и скрылся в своем кабинете. Конечно, он уже попрощался с ней до этого, но почему-то его безразличие Владу задело.

Чувствуя себя сердитой и от этого еще более невыспавшейся, она отправилась искать завхоза. В кабинете его не оказалось, но Владу это не смутило. Тихомиров постоянно мотался по больнице, требовавшей его хозяйского глаза. Конечно, можно было позвонить, но, немного подумав, Влада решила для начала посмотреть в помещении, отведенном под новую операционную. Ее ребята как раз перетаскивали завезенное оборудование, так что, скорее всего, Олег был там.

Местоположение для гибридной операционной выбрали таким образом, чтобы, с одной стороны, было возможно провести укрепление стен для защиты от радиоизлучения, а с другой – чтобы будущая транспортировка больных осуществлялась максимально быстро. Именно поэтому для нее отвели часть левого крыла первого этажа, грузовой лифт из которого вел на третий, к отделению хирургии, и на четвертый – в реанимацию.

Администрация больницы располагалась на втором этаже, поэтому Влада не спеша двинулась по коридору, миновала клиническую лабораторию и вышла на лифтовую площадку. Здесь же был и выход на лестницу.

На мгновение она задумалась, спуститься на два пролета пешком или все-таки вызвать лифт. Она не любила физическую активность и всегда старалась ее минимизировать, но лифтов было только два, и ждать ради одного этажа казалось довольно глупо. Кроме того, она знала, что Тихомиров лифтами никогда не пользуется, предпочитая ходить пешком. Этажей за день получалось пройти много, но он утверждал, что так борется с лишним весом.

Интересно, как с ним боролся Владимир Радецкий, в высокой, подтянутой фигуре которого не было ни одного ненужного килограмма? Тоже не пользовался лифтами? То, что ее мысли снова вернулись к главному врачу, да еще применительно к его внешности, Владу неожиданно рассердило. Из-за этой внезапно вспыхнувшей злости на саму себя она, нажав было кнопку вызова лифта, резко шагнула к двери на лестницу, чтобы в наказание себе идти пешком.

За дверью, которую она не успела открыть, кто-то шептался. Точнее, говорил, понизив голос, но так, что слова все-таки можно было разобрать.

– Он ушел. Только что. Он так расстроился, что я думала, у него гипертонический криз будет. Слушайте, мне как-то не по себе. А вдруг она не пришла на работу из-за того, что я сделала? Может быть, надо рассказать? Нет? Вы уверены?

Почему-то Влада сразу поняла, что речь идет о не вышедшей на дежурство медсестре Юле и расстроившемся из-за этого завхирургией Королеве. Впрочем, ей эта тема была ни капельки не интересна, да и подслушивание не входило в жизненные правила Влады Громовой, поэтому она сделала еще один шаг к двери, чтобы выйти на площадку к возможному смущению стоящей там девушки, ибо приглушенный голос точно был женский, однако тут наконец пришел

вызванный ею лифт и из него вышел Тихомиров собственной персоной.

– О, звезда моя, – приветствовал он Владу, раскрывая объятия, но почему-то без привычной улыбки, – я так рад тебя видеть. Не по мою ли ты душу?

– По твою, Олег, – улыбнулась она, моментально забыв про голос на лестнице, который к тому же уже стих, едва зазвучал баритон Тихомирова. – Давай вместе в будущую операционную сходим, там ребята мои должны работать, покажешь, куда и чего складывать.

– А я как раз оттуда, – сообщил завхоз. – Пацанчику, который у тебя за старшего, две связки ключей выдал, где доступ к электрощитку, показал. Обижаешь ты меня, звезда моя. Думаешь, не справится дядя Олег без контроля? Не доверяешь, да?

«Пацанчик», руливший проектом и всеми рабочими на объекте, был Владе ровесником и уж точно лет на пять старше «дяди Олега», – но указывать на это несоответствие она не стала, с некоторых пор тема возраста была для нее если не болезненной, то уж не радостной точно.

– Доверяю, Олежек, – сказала она, – разумеется, доверяю, но все-таки не сочти за труд, спустись со мной туда еще раз, вопрос слишком серьезный, чтобы мы с тобой пускали его на самотек.

– Веревки ты из меня вьешь, – пробурчал завхоз, – ладно, пошли, ни в чем не могу тебе отказать.

– Лифт вроде не уехал, – сказала Влада.

– Нет, лучше пешком, – ответил завхоз.

Да, он никогда не пользовался лифтом, и Влада вдруг застыла от осознания того, что минутой раньше Тихомиров вышел именно из него, хотя вся больница знала, что он предпочитает подниматься и спускаться по лестнице.

– Олег, а как ты в лифте оказался? – выпалила она. – Ты же их терпеть не можешь. В жизни не поверю, что ты с первого этажа на второй вдруг решил в лифте прокатиться.

– Так я и не с первого, – ответил он довольно нервно, – а с двенадцатого, у нас там капремонт урологии. Ты что, не в курсе?

– Так ты же сказал, что из будущей гибридной операционной идешь, – оторопело сказала Влада. Это было совсем неважное уточнение, но выходящий из лифта Тихомиров был явлением, прямо скажем.

– Так я сначала туда спустился, потом в урологию поднялся. Звезда моя, да тебе-то какое дело до моих перемещений, я никак в толк не возьму?

– Да никакого, – пожала плечами Влада, – ты со мной вниз пойдешь или нет?

– Да я уже пошел, это ты стоишь и болтаешь, – в сердцах сказал Тихомиров. Впрочем, тон его голоса тут же сменился на заискивающий: – Влад, ты это, никому не говори, что меня в лифте видела. Я им иногда пользуюсь, ноги-то все-таки не казенные, но только так, чтобы никто не знал. Не порти мне имидж, я тебя умоляю.

Так вот в чем было дело. Влада внезапно рассмеялась, что «мальчуковые» тайны могут быть такими же глупыми и детскими, как и «девочковые». Типа съеденного на ночь пирожного.

– Клянусь, что никому не скажу, – заверила она и приложила руку к груди. – Пошли, Олег, посмотрим вместе все еще раз.

* * *

На 9:30 утра у Радецкого было назначено ежедневное совещание с заместителями и

заведующими отделений, которые к этому времени успевали принять отчеты у дежурных бригад. В течение часа они вместе сводили «температуру по больнице». Врать никто давно не пытался, так как свой рабочий день Радецкий начинал в восемь утра с обхода отделений, в половине девятого заходил в реанимацию, поскольку именно там находились самые тяжелые больные, где-то без десяти девять возвращался в свой кабинет, чтобы в одиночестве выпить чашку кофе, сидя на диване и бездумно глядя в окно. Эти десять минут он считал своеобразной медитацией и очень ценил.

Ровно на девять назначалась первая аудиенция кому-нибудь из сторонних посетителей, как, например, сегодня Владиславе Громовой, владелице и директору фирмы «Мед-Систем», реализующей в его больнице большой и сложный контракт на оборудование гибридной операционной – ультрасовременной, сложной, требующей совершенно иных подходов и к монтажу, и к будущему лечению пациентов.

На то, чтобы убедить областное министерство здравоохранения в необходимости реализации такого амбициозного и, что греха таить, дорогостоящего проекта, Радецкий потратил больше года. У него даже поставщики были на примете – крупная московская компания, в репутации которой он не сомневался. Поэтому когда по итогу конкурса выяснилось, что победителем стала фирма «Мед-Систем», тоже в течение года разрабатывавшая свой проект, он не то чтобы расстроился, но слегка огорчился, ибо обладал немного снобистским убеждением, что ничего хорошего провинциальные специалисты сделать не могут. Не в состоянии.

Изучив историю работы «Мед-Систем» на рынке, он малость успокоился, потому что репутация у Владиславы Громовой была безупречная. Объекты она сдавала без малейших претензий, гарантийный сервис

и обучение специалистов брала на себя без дополнительных расходов больницы и послегарантийное обслуживание тоже оставляла за собой, причем делала это по очень божеским ценам, отправляя нужных специалистов, если это было необходимо, даже ночью, в выходные и праздники.

Радецкий и Громова раньше встречались, он видел ее мельком на каком-то совещании, где обсуждалась закупка для больниц региона эндоскопических стоек, но только сегодня впервые разглядел по-настоящему. Она была очень маленькой и хрупкой, но при этом от нее исходило такое ощущение внутренней силы, что становилось интересно разгадать, откуда она берется.

На совещании с заведующими отделений Радецкий вдруг поймал себя на том, что ему требуется некоторое усилие, чтобы сосредоточиться на привычных утренних отчетах, потому что мыслями он все время возвращался к тонкой гибкой фигурке в черном брючном костюме и пепельно-розовой шелковой блузке с большим бантом. Бант отчего-то хотелось развязать, что было совсем уж глупо. Так, надо сосредоточиться.

Впрочем, сосредоточиться Радецкий не успел, потому что распахнулась дверь и на пороге показалась Мария Степановна Петровская, старшая сестра кардиохирургического отделения, одна из старейших и самых уважаемых сотрудников больницы. Главной особенностью Марии Степановны была ее полная невозмутимость, которую она сохраняла даже в самых экстремальных ситуациях. Вот и сейчас лицо ее было совершенно неподвижно, только грудь вздымалась под белым халатом, который Петровская по старинке носила, не соглашаясь переходить на современные костюмы. И еще левый кулак был сжат, что выдавало наивысшую степень волнения.

Сзади маячила секретарша Анечка, не решившаяся остановить идущий напролом крейсер, коим,

несомненно, была Петровская. При взгляде на нее заведующий кардиохирургией Максим Сергеевич Петранцов вскочил со своего места, с грохотом уронив кресло. Радецкий движением брови заставил его поднять кресло и сесть. Суматохи он не любил.

– Что-то случилось, Мария Степановна? – спросил он на правах хозяина кабинета. – Аня, стакан воды принеси, пожалуйста.

Секретарша тут же исчезла, из приемной послышалось звяканье стекла и шум льющейся воды.

– Владимир Николаевич, Максим Сергеевич, у нас ЧП, – с некоторым трудом выговорила Петровская.

Радецкий вдруг напрягся, подумав, что случившееся связано с не вышедшей вчера на работу медсестрой. Мысль пришла откуда-то из глубины подсознания, хотя еще час назад до прогульщицы Юлечки, зазнобы завхирургией Королева, ему не было никакого дела.

– Что такое?

– У нас в отделении умерла пациентка. Сейчас Катя пришла капельницу ставить и обнаружила тело.

Конечно, каждый случай больничной смертности сильной радости не приносил, но и чем-то из ряда вон выходящим, могущим привести Петровскую в такое состояние, не являлся. Особенно в отделении кардиохирургии. Что-то было не так, и Радецкий вдруг отчетливо понял, что после того, как Петровская объяснится, ничего уже будет не поправить.

– Мария Степановна? – с чуть большим нажимом в голосе произнес он.

Пожилая медсестра приняла стакан с водой из рук подоспевшей Анечки, сделала несколько глотков, шумно, некрасиво, как никогда не позволяла себе, будучи всегда преисполнена чувства собственного достоинства.

– Это Ираида Сергеевна Нежинская, – сказала она наконец, сунув Анечке обратно стакан, – пациентка

восьмидесяти трех лет, поступила с приступом мерцательной аритмии в ночь на воскресенье, изначально речь шла об установке кардиостимулятора, но приступ ей сняли, готовили к выписке.

Бормотание Петровской, надо признать, мало что объясняло. Старушку готовили к выписке, а у нее случился новый приступ, который персонал прошляпил и своевременно помощи не оказал. Нехорошо, но если эта самая Нежинская не была подключена к монитору, то такое вполне могло быть. Правда, странно, почему, почувствовав себя плохо, она не нажала кнопку вызова медсестры. И странно, что Петровская так волнуется.

– Мария Степановна! – теперь в голосе Радецкого проступил металл.

Он умел разговаривать так, что сотрудники съеживались на глазах, стараясь стать невидимыми. До сего момента на старейшую медсестру больницы, на «крейсер» Петровскую этот тон никогда не распространялся. Когда-то она была его, Радецкого, хирургической сестрой, с которой он шел на свои первые в этой больнице операции, те самые, благодаря которым запатентовал свой уникальный в сосудистой хирургии метод и написал диссертацию. Тогда, после защиты, он честно сказал Марии Степановне, что добрая половина этой диссертации – ее заслуга.

Металл подействовал. Петровская встрепенулась и словно собралась. Даже кулак разжался.

– Нежинская умерла не от нового приступа, – сказала она тихо. – Она вообще не умерла, Владимир Николаевич. Ее убили. Задушили подушкой прямо в палате.

В кабинете Радецкого воцарилась гробовая тишина. Он тоже молчал, пытаясь осознать услышанное. Пациентку убили в больничной палате, задушив подушкой. Это же бред какой-то.

– С чего вы это взяли, Мария Степановна? – спросил он, вставая из-за стола, подошел к Петровской, обнял за плечи, чувствуя, как она дрожит под его руками. Не такой уж она была и «крейсер», да и не девочка уже, семьдесят два года.

– Когда Катя в палату зашла, у нее подушка на лице так и лежала, – тихо пояснила медсестра. – Катя закричала, я прибежала, девочки с поста, потом мы Александра Яковлевича позвали, Максим Сергеевич же на совещание к вам ушел.

Александром Яковлевичем звали самого опытного в их больнице кардиохирурга.

– Он сказал, что Ираида Сергеевна умерла от асфиксии. Отправил меня сюда, чтобы я вас в известность поставила. Ну, и Максима Сергеевича тоже.

Завкардиохирургией криво усмехнулся, ибо все в больнице знали об особых нежных отношениях, которые связывали Радецкого и Петровскую.

– Я, пожалуй, пойду к себе, Владимир Николаевич, – сказал он, – надо посмотреть, что к чему, палату закрыть, чтобы там ничего не затоптали, проследить, чтобы до пациентов раньше времени информация не дошла. Мария Степановна, я надеюсь, Александр Яковлевич догадался панику остановить?

– Да, он палату запер, сестрам велел пока не болтать. – Петровская уже заметно успокоилась, к ней возвращалась ее привычная невозмутимость. – Правда, Катя громко кричала, стойку с капельницей уронила от испуга, так что, думаю, пересуды по отделению уже пошли.

– Идите, Максим Сергеевич, – кивнул Радецкий. – Позвоните мне, пожалуйста, все ли действительно так обстоит, как Мария Степановна рассказывает, а то я буду смешно выглядеть, если позвоню в полицию, а потом выяснится, что мы переполох на пустом месте устроили.

– Я не устраиваю переполоха на пустом месте, уж вам-то, Владимир Николаевич, это прекрасно известно, – величаво сказала Петровская. Вот теперь он ее узнавал. – Я сама убедилась в том, что ситуация именно такова. Но воля ваша, пусть Максим Сергеевич еще раз все проверит.

– Позвоните мне, я вызову полицию и поднимусь к вам, – кивнул Радецкий. – Коллеги, пока Максим Сергеевич ходит, у нас есть с вами минут семь-восемь, чтобы обсудить самые важные вопросы. Подозреваю, потом у нас времени не будет. Итак, у кого что?

Ему показалось или Петровская посмотрела на него с уважением и какой-то почти материнской гордостью. Что ж, он всегда умел отделять важное от незначительного и время использовал максимально, каждую имеющуюся минуту. До звонка Петранцова он успел обсудить тяжелого больного, поступившего в травматологию с открытой черепно-мозговой травмой, и необходимость консультации с нейрохирургами из института Поленова в Санкт-Петербурге, которую пообещал организовать, а заодно, вспомнив утренний пожар, выяснить, что в ожоговое отделение Центра катастроф поутру никого не привозили. Значит, в том пожаре не было либо пострадавших, либо выживших.

Телефон зазвонил, и все присутствующие вздрогнули.

– Да, Максим Сергеевич, – бесстрастно сказал Радецкий, заранее зная, что услышит.

– Пациентка действительно задушена, вызывайте полицию, Владимир Николаевич, – немного задыхаясь от волнения, сказал завкардиохирургией.

– Понял. Сделаю. Иду к вам, – односложно ответил Радецкий. – Коллеги, на сегодня все. И в прямом, и в переносном смысле. Анечка, – секретарша заглянула в открытую дверь, – отмени на сегодня все остальные совещания. Как минимум до трех.

- Владимир Николаевич, в 10:30 представители территориального фонда ОМС придут. Они уже явно выехали, - напомнила девушка.

Встреча с фондом была действительно важной, но не проводить же ее в то время, когда двумя этажами выше ходит полиция.

- Звони на мобильники и отменяй. Только, ради всего святого, не говори, что у нас тут убийство, будь добра, не пугай господ чиновников раньше времени.

- Да я ж понимаю, Владимир Николаевич, - с укоризной сказала секретарша.

- Кстати, всех касается. Постарайтесь пока удержаться от того, чтобы разнести эту чудесную новость по своим отделениям, по крайней мере пока мы сами не поймем, что именно случилось. Хорошо?

Уже покидающие кабинет заведующие отделениями что-то забурчали вразнобой, но, зная человеческую природу, особо Радецкий не обольщался. Он был уверен, что информация о том, что в кардиохирургии задушили пациентку, разнесется по больнице со скоростью огня, а затем так же стремительно вырвется за ее стены, а также выплеснется в интернет. На последней мысли он поморщился и, вздохнув, начал искать в телефонной книге нужный ему номер.

Полковник Иван Бунин, возглавляющий городское управление внутренних дел, был ему, нет, не другом, но приятелем, с которым они столкнулись лет пять назад на каком-то из официальных мероприятий и с тех пор периодически общались. До этого момента Иван Александрович к помощи Радецкого пару раз прибегал, а вот оказать обратную услугу пока повода не было. Надо же, Радецкий был искренне уверен, что и не будет, а зря. Как говаривал Плиний-старший, можно быть уверенным лишь в том, что ни в чем нельзя быть уверенным.

Трубку Бунин взял после второго гудка, что при его должности и степени занятости было сродни чуду, коротко поздоровался, выслушал четкое, по-военному, сообщение Радецкого, в сантименты впадать не стал, сообщив, что все понял и группу сейчас пришлет, после чего отключился. Видимо, и правда был занят.

Телефон тут же завибрировал снова. Радецкий бросил взгляд на экран и вздохнул – звонил тот самый директор территориального Фонда обязательного медицинского страхования, встречу с которым он пять минут назад отменил. Будучи сам фактически если не чиновником от медицины, то уж администратором точно, всех околomedicalских чинуш он терпеть не мог, считая их паразитами, присосавшимися к и так обескровленному организму российского здравоохранения.

Однако финансирование больницы зависело от мнения этих похожих на снулых рыб мужчин и женщин с пустыми, ничего не выражающими глазами. Для врачей за каждым пациентом стояла его жизненная история, полная боли, страха, волнений близких. Для чинуш – только цифры горизонтального подушевого финансирования прикрепленных лиц, если речь шла об амбулаторном звене, и КПГ с КСГ, когда речь шла о стационарах.

– Слушаю, Григорий Михайлович, – смиренно сказал Радецкий в трубку.

– Нет, это я тебя слушаю, Владимир Николаевич. Ты что, совсем охренел, что за сорок минут до назначенного тобой же времени встречу отменяешь? Это мне, что ли, надо? Это же тебя доведенные тарифы не устраивают, это же ты срыв подписания тарифного соглашения пытаешься устроить, так с какого ежа ты себе такое позволяешь?

Всех людей в своем окружении, за исключением самых-самых близких, Владимир Радецкий звал по

имени-отчеству и на «вы». Это была привычка, въевшаяся в кровь с первого курса мединститута, где им, юным студентам, читали лекции по деонтологии. Панибратство он терпеть не мог и пресекал всегда жестко и бескомпромиссно.

– Вы, Григорий Михайлович, так сильно-то не напрягайтесь, – ласково сказал он, делая упор на слове «вы». – У меня, знаете ли, больница. Это хозяйство большое и довольно беспокойное. Тут много чего случиться может. Вот и случилось. У нас ЧП, из-за которого встретиться я с вами, – он снова выделил это слово, нарочито, с нажимом, – не могу. И поверьте мне, уважаемый, – последнее слово было произнесено так, что интонация полностью меняла смысл на противоположный, – вы сами потом скажете мне спасибо, что наша встреча не состоялась в запланированное время.

– Да что у вас там такое случилось-то? – с тревогой спросил голос в трубке. – Владимир Николаевич, что-то серьезное?

– Позже узнаете, мне пора идти, – ответил Радецкий и отключился.

От того, что ему предстояло, его немного знобило. Несильно, но довольно ощутимо. Убийство в больнице... Мало что могло с этим сравниться по разрушительной силе последствий. Когда это произошло? В районе семи утра сестры разносят пациентам градусники. В семь пятнадцать – семь тридцать начинается уборка палат. В восемь утра завтрак. Сейчас его тоже разносят по палатам, чтобы минимизировать общение пациентов друг с другом. Получается, что в это время Нежинская была еще жива.

После девяти утра начинается выполнение врачебных назначений. Медсестра Катя пришла в палату Нежинской, чтобы поставить капельницу, так сказала Петровская, и обнаружила старушку

задушенной. К нему в кабинет Петровская прибежала в девять сорок пять, какое-то время, разумеется, ушло на переполох, значит, можно предположить, что Катя появилась в палате старушки между девятью двадцатью – девятью тридцатью пятью. И та уже была мертва.

С восьми тридцати, когда забирают посуду после завтрака, до девяти утра, когда сестры начинают выполнять предписания, есть тридцать минут, в которые в палаты никто не заходит. Ну да, убийца мог все успеть. Времени у него было с запасом. Пожалуй, эту информацию нужно будет донести до полицейских, хотя они и сами, разумеется, догадаются спросить о больничном распорядке дня.

Самым противным во всех этих рассуждениях являлся непреложный факт, что убийцей старушки был кто-то свой, из персонала. Из-за карантина доступ посторонних в стационары был давно прекращен, да и точное время, когда в палате пациентка гарантированно находилась одна, мог знать только свой. И в палату зайти так, чтобы не вызвать подозрений, тоже мог только свой – врач, медсестра, санитарка – человек, чьему появлению на этаже никто не придал бы значения.

Никого из своих сотрудников Радецкий даже на мгновение не мог представить в роли хладнокровного преступника, накрывающего подушкой лицо пожилой женщины. И именно эта неготовность признать очевидное и не давала ему выйти из кабинета и подняться на шесть лестничных пролетов. Кардиохирургическое отделение располагалось на пятом этаже, над блоком интенсивной терапии – реанимацией, что с точки зрения логистики было удобно. Иногда, а вернее, всегда от скорости перемещения зависела человеческая жизнь.

Оба лифта были заняты, и Радецкий решил подняться в кардиохирургию пешком. По дороге он позвонил своему заместителю по хозяйственной части, чтобы тот попросил охрану на входе пропустить приехавших сотрудников полиции и проводить до места.

– Полиция? В кардиохирургию? Хорошо, – если Тихомиров и изумился, то вида не показал.

– Вы сами-то где?

– На первом этаже, в гибридной операционной, мы тут с Громовой помещения осматриваем. Я бы сам полицию встретил, но мне Владислава Игоревна претензии выговаривает по качеству ремонта, так что, если это не очень важно...

– Олег Павлович, просто организуйте все. А сами или нет, не имеет значения. И про претензии давайте вы мне рассказывать не будете, хорошо? Это ваша зона ответственности.

Не дослушав какое-то бормотание в ответ, Радецкий отключил телефон и, дойдя до нужной лестничной площадки, дернул за ручку двери, с некоторым удивлением обнаружил, что она заперта, и тут же вспомнил, что вчера в холле кардиохирургического отделения меняли половую плитку, а потому на сутки выход на лестницу был заблокирован. Попасть в кардиохирургию можно было только на лифте.

Беззлобно ругнувшись, потому что собственная забывчивость давала еще пусть и небольшую, но передышку, он спустился на четвертый этаж, к реанимации, и там вызвал лифт, на котором поднялся на нужный ему пятый. Ну да, тропинка от лифтов была огорожена красной лентой, пройти за которую к выходу на лестницу было невозможно.

У палаты номер десять толпился народ. Радецкий усмехнулся. Конечно, кто же добровольно откажется от такого развлечения. Дверь в палату была открыта, но

перед ней в позе императора стоял Петранцов, перекрывая доступ внутрь потенциальным любопытствующим. Больных в коридоре было немного, и на том спасибо.

– По рабочим местам разойдитесь, пожалуйста, – сухо сказал он, подходя ближе. – Максим Сергеевич...

– Все, что смог, – признался заведующий.

– Девочки, давайте, все за мной, – Мария Степановна и тут оказалась на высоте, взяв бразды правления медсестрами в свои надежные руки. – Жду вас в моем кабинете, поговорим.

– А как же капельницы? – робко сказала рыженькая девушка в конопушках, та самая Катя, которая нашла тело. – Я не закончила, когда, когда... – Лицо ее сморщилось. Девушка явно собиралась зарыдать.

– Лида закончит, – твердо сказала Мария Степановна. – Лидушка, заberi у Кати лист назначений, ей с полицией общаться.

– Так я еще со своими назначениями не разобралась.

– Вот и разбирайся, а не стой в коридоре столбом, – в голосе Петровской возникла жесткость. – Девочки, хлопот сегодня предстоит много, давайте сделаем так, чтобы это минимально сказалось на работе.

Толпа у палаты изрядно поредела. Сейчас здесь остались только врачи Максим Сергеевич и Александр Яковлевич.

– Посмотрите? – спросил Петранцов у Радецкого.

– Не считаю нужным топтать еще больше, – ответил тот. – Расскажите.

– Я был в ординаторской, на обход собирался, – начал Александр Яковлевич. – У меня на одиннадцать часов операция назначена, вот, хотел успеть. В коридоре послышался дикий визг, такой, знаете, по которому сразу понятно, что действительно что-то случилось. Я выскочил в коридор, увидел Марию Степановну, которая бежала к десятой палате, а на

пороге Катюшу. Она стояла в дверях и кричала. Мария Степановна подбежала, обняла ее за плечи, тут и я подроспел. В ообщем, Катя твердила «убили, убили», я никак не мог понять, что она имеет в виду, заглянул в палату и увидел.

– Что именно?

– Пациентку с подушкой на лице.

– Получается, Катя ее не поднимала?

– Нет, это сделал я. Я в первый момент не поверил, что случилось что-то плохое. Знаете, Владимир Николаевич, эта Нежинская была немного со странностями, так что я решил, что она сама положила подушку себе на лицо.

– Зачем?

– Не знаю. Может, чтобы медсестру напугать, или чтобы темнее было, или еще по какой-то неведомой причине. Когда я поднял подушку, я понял, что Нежинская мертва.

– Она ваша пациентка?

– Что? Нет, Светочки Балугевоу. Но пациентка была крайне общительна, поэтому с ней все отделение было хорошо знакомо. И врачи, и сестры.

– А Светлана Георгиевна сама где? – отсутствие на месте преступления лечащего врача выглядело странно.

– На операции. У нее сегодня первая операция, у меня – вторая.

Получалось, Балугева до сих пор не знала о том, что ее пациентку задушили.

– Понятно, что вы, с вашим опытом, с первого взгляда можете отличить мертвого человека от живого. Но как вы поняли, что она именно задушена?

– Так же, как и я, – вмешался в разговор Петранцов. – Выраженный цианоз лица и шеи, а еще на губах кровоизлияния видны от того, что их с силой к зубам прижимали.

Александр Яковлевич кивнул, соглашаясь, что да, так и есть.

– Я, конечно, пульс проверил на всякий случай, хотя и так все было понятно. И да, тело еще теплое, так что к тому моменту, как Катя ее обнаружила, времени прошло немного.

– От двадцати до сорока минут, – мрачно сообщил Радецкий. – Но точно меньше часа.

– Откуда вы знаете?

– Из нашего внутрибольничного расписания. Александр Яковлевич, подушку вы куда дели?

– На место вернул.

– Что????

– И я тоже, – вмешался Петранцов. – Было понятно, что бабушке уже не помочь, а для полиции каждая мелочь важна. Так что я тоже оставил все так, как было.

В отделении появились полицейские, сопровождаемые охранником Василием Петровичем. У Радецкого была привычка запоминать имена-отчества всех сотрудников больницы, включая охранников, которые, правда, довольно часто менялись. Но именно этот работал довольно давно, больше года точно.

Отправленную полковником Буниным оперативную группу возглавлял довольно симпатичный парень лет тридцати пяти, представившийся майором Асмоловым. Следователь назвался Михаилом Евгеньевичем Зиминим. Судмедэксперт и еще два молодых парня-оперативника никак не представились, а просто прошли в палату.

– Кто тут старший? – спросил Зимин.

– Я главный врач, меня зовут Владимир Николаевич Радецкий. Это заведующий отделением Максим Сергеевич Петранцов. Это доктор Теплицкий Александр Яковлевич, он первым констатировал смерть нашей пациентки.

- Вы нашли тело? - повернулся следователь к Теплицкому.

- Нет, наша медсестра. Катенька. Вот она, - он жестом подозвал дрожащую крупной дрожью девушку, стоявшую чуть в стороне.

- Хорошо. Для начала, Владимир Николаевич, я получил распоряжение от руководства начать разговор с вас. Сейчас я посмотрю, что там, - он кивнул в сторону палаты, из которой раздавались негромкие голоса его коллег. - Потом вы нам с Олегом все расскажете, а после этого мы уже опросим всех остальных. Можно попросить, чтобы никто не покидал больницу, пока мы не закончим?

- Да, пожалуйста, - кивнул Радецкий.

- У меня операция через полчаса, - растерянно сказал Теплицкий. - Пациента уже подготовили, я не могу на нее не прийти или опоздать.

- Идите в операционную, Александр Яковлевич, - мгновенно принял решение Радецкий. - Мы с Максимом Сергеевичем расскажем все, что знаем, да и Мария Степановна нам поможет, она же была в палате вместе с вами. Вон она идет. Господин Зимин, вы сможете поговорить с доктором Теплицким позже?

Тот полоснул всех острым, внимательным, но не злым, а скорее оценивающим взглядом.

- Да, конечно. Работайте. Владимир Николаевич, где мы можем поговорить?

- Проходите в мой кабинет, - предложил Петранцов. - Там будет удобно.

- Хорошо. Олег, - обратился следователь к Асмолову, - ты пока с девушками поговори, - он кивнул в сторону дрожащей Кати и подошедшей к ней Марии Степановны.

Та, видимо, успешно отправила остальных медсестер по рабочим местам и вернулась в эпицентр событий. Петровская всегда оказывалась именно там,

где в данный момент была нужнее всего, такая у нее имелась особенность.

В кабинете Петранцова Радецкий быстро, но обстоятельно рассказал все, что ему было известно о случившемся, а также о собственных выводах, которые он успел сделать. Следователь слушал его внимательно, не перебивая, делая пометки в своем блокноте.

– То есть вы считаете, что убийство совершил кто-то из персонала? – спросил он, когда Радецкий закончил.

– Я ничего не считаю, но с учетом карантина и особенностей внутреннего распорядка больницы у посторонних практически не было шансов попасть в палату незамеченным.

– А вы спрашивали у персонала, они видели кого-то незнакомого?

– Нет, не успел. Думаю, это ваши сотрудники сделают и без меня.

– А вы, как заведующий отделением, могли бы составить план примерных перемещений ваших сотрудников? – обратился следователь к Петранцову.

– Да, это довольно просто, – пожал плечами тот.

– Пока получается, что в палату к Нежинской точно заходила дежурная медсестра, которая разбудила старушку и принесла ей градусник, затем она же, когда забирала градусник и приносила дневную порцию таблеток, затем раздатчица, которая оставила завтрак, и снова она же, когда уносила пустые тарелки. Следующей уже была эта самая Катя, которая нашла труп. Так?

– Да, пожалуй, так, – согласился тот. – Лечащий врач была с утра на операции, поэтому обход у нее планировался позже. Да, никто больше к Нежинской не должен был заходить.

– Но, возможно, заходил, – задумчиво сказал Зимин. – Причем необязательно кто-то посторонний,

если принять во внимание слова Владимира Николаевича, это вполне мог быть кто-то из персонала больницы или даже непосредственно этого отделения.

– И кому из моих сотрудников могло прийти в голову задушить старушку, – чуть нервно, но иронически уточнил Петранцов. – Сразу скажу, что пациентка была болтливая, но совершенно беззлобная. Недовольства существующими порядками не выражала, особого внимания к себе не требовала, персонал жалобами не изводила, лечением была вполне удовлетворена. Вот ни у кого из сотрудников отделения не имелось ни малейших причин желать ей смерти. Да не просто желать, а еще и в прямом смысле слова приложить к этому руки.

– А, кстати, – Радецкий вскинул голову, как норовистый конь, решивший выяснить отношения с чужаком, – это же основной вопрос на самом деле. Кому нужно лишать жизни старую больную женщину, да еще в больнице? Может, ее наследники ждут какого-то огромного состояния?

– Разумеется, мы изучим ее семейные связи и проработаем все версии, – сухо сказал Зимин. – Однако, как вы верно заметили, в нынешние времена в больницу трудно проникнуть посторонним, да еще так, чтобы их никто не видел. Странно, что преступник даже не пытался имитировать естественную смерть. Если бы пожилая женщина, лежащая в кардиохирургическом отделении, просто умерла во сне, вряд ли это кого-нибудь удивило бы. Ему стоило всего лишь убрать подушку обратно ей под голову, и криминальный характер смерти был бы неочевиден.

– Недолго, – Радецкий пожал плечами. – Я, конечно, не патологоанатом, но моих знаний хватает для того, чтобы предположить, что именно судмедэксперты увидят на вскрытии. Во-первых, волокна ткани в дыхательных путях. Наволочки у нас не самой тонкой

выделки, так что волокна будут довольно грубыми. Плюс венозное полнокровие внутренних органов, переполнение кровью правой половины сердца, пересыщенная углекислым газом, а оттого очень темная кровь в крупных сосудах. Плюс пятна Тардые – мелкие точечные кровоизлияния под наружными оболочками сердца и легких, поскольку при обтурационной асфиксии, впрочем как и при любой другой, повышается проницаемость капилляров. Оба моих коллеги при первичном осмотре тела установили наличие характерных синяков на губах.

– У нее на щеках виден отпечаток от подушки, – с некоторым усилием сказал Петранцов. – И еще, я, конечно, смотрел не очень внимательно, но нос и губы как будто вмяты и более бледные, чем остальное лицо. Так что Владимир Николаевич прав – хоть убирай подушку, хоть оставляй, а для профессионала очевидно, что Нежинская умерла насильственной смертью. И даже если на стадии обнаружения трупа это как-то удалось бы скрыть, убедить медсестер, что смерть естественная, то при вскрытии все равно выяснилось бы, что это не так.

– Но, скажем, если бы убийцей были вы, вы бы попытались хотя бы на время оттянуть выяснение этого плачевного факта? – спросил следователь, внимательно глядя на Петранцова.

Тот побледнел.

– Я не могу быть убийцей, – сказал он с некоторым усилием. – Я привык людей спасать, а не лишать жизни, да еще так варварски – перекрывая доступ кислорода. Да и незачем мне это совсем. Эта пациентка не моя, я ее не вел и ни разу с ней даже не разговаривал.

– Но вы сказали, что она была крайне общительной. Из чего вы сделали такой вывод, если с ней не разговаривали?

Радецкий с интересом смотрел на своего заведующего отделением. Логическая нестыковка была налицо, и ему стало интересно, как Максим Сергеевич из нее выкрутится. Того, впрочем, никак не взволновал вопрос, он просто слегка пожал плечами.

– Я в курсе всего, что происходит в моем отделении. Нежинская поступила в отделение в ночь с субботы на воскресенье, мы быстро стабилизировали ее состояние, об операции речь уже не шла, так что она почти сразу смогла вставать с постели. Я дежурил в воскресенье, поэтому видел, как она активно общалась с медсестрами на посту. И в остальные дни я тоже обращал внимание на то, что она находила любые свободные уши, чтобы пообщаться. К счастью, это был не я, да и не мог быть я, потому что мой перечень служебных обязанностей довольно широк, знаете ли.

– А вы можете сказать, с кем Нежинская общалась больше всего? Я не поверю, что все люди без исключения одинаково настроены на то, чтобы тратить свое время на болтовню с надоедливой старухой. Кто был готов вести с ней обстоятельные разговоры больше других?

Надо было отдать следователю должное, он был очень профессионален и умел вычленять главное. Радецкий ценил умных и профессиональных людей, поэтому Зимин вызывал у него симпатию.

– Из сестер, пожалуй, с Юлей Кондратьевой, – сказал Петранцов, подумав. – Она как раз дежурила в воскресенье, и я видел, что Нежинская довольно долго на посту сидела и что-то рассказывала.

– Вы не слышали, что именно?

– Нет, не слышал.

– Что ж, тогда об этом мы спросим саму Кондратьеву, – кивнул Зимин. – Вы сказали, из сестер, а был еще кто-то из постоянных собеседников?

– Да, пациенты всегда разговаривают друг с другом. Конечно, у Нежинской была отдельная палата, но я во время обхода несколько раз заставал ее у моей пациентки Ольги Аркадьевны Гореловой. Она восстанавливается после операции по стентированию, лежит в палате номер восемь.

– Ясно, значит, с ней мы тоже поговорим.

– Боюсь, сегодня вам придется ограничиться одной Гореловой. С Юлей вы побеседовать не сможете.

– Почему?

– Дело в том, что она не вышла на работу. Вчера вечером не явилась на ночное дежурство и с утра тоже не давала о себе знать.

– Вот как. – Сейчас следователь был похож на большую сторожевую собаку, которая наострила уши, услышав что-то подозрительное.

Впрочем, подозрительное действительно было – в отделении убивают старушку, а наиболее часто контактировавшая с ней медсестра пропадает в неизвестном направлении. Такое совпадение Радецкому тоже категорически не нравилось.

– Ладно, видимо, придется поинтересоваться, куда затерялась эта ваша пропажа, – сказал Зимин. – Что еще вы оба можете мне рассказать?

– Я – ничего, – Радецкий пожал плечами. – Я имею привычку каждое утро выборочно обходить отделения, но в кардиохирургии сегодня не был.

– Я тоже рассказал все, что знаю, – кивнул Петранцов. – Понятия не имею, за что могли убить эту пациентку. Женщина была интеллигентная, тихая и вежливая. Убежден, что ни у кого из персонала не было ни малейшей причины плохо к ней относиться.

– И тем не менее она мертва, – мягко сказал Зимин. – И вы же оба уверяете меня, что шансов на то, что сюда проник посторонний, практически нет.

– Я не страус, чтобы прятать голову в песок при виде возможных неприятностей, – жестко сказал Радецкий. – Посторонним попасть в больницу сейчас крайне затруднительно, да и обстоятельства говорят в пользу того, что это сделал кто-то свой. Но вы же проверите все возможные вероятности, уважаемый Михаил Евгеньевич?

– Несомненно.

– Тогда, если у вас больше нет вопросов, мы с Максимом Сергеевичем вернемся к своим прямым обязанностям. Ему еще отделение успокаивать. Персонал на ушах стоит, и больные волнуются, что, с учетом специфики отделения, совсем не на пользу.

Дверь кабинета отворилась, и в него заглянула Светлана Балужева, лечащий врач убитой старушки, по всей видимости освободившаяся с утренней операции.

– Проходите, Светлана Георгиевна, – разрешил Радецкий.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич, – поздоровалась та, входя и закрывая дверь. – Максим Сергеевич, извините, что без вызова, но что за ужасы мне тут рассказывают? Я выхожу из операционной и слышу, что Нежинскую задушили. Это же бред какой-то.

– Это не бред, это явь, – сообщил ей Радецкий. – Вот, познакомьтесь, следователь, который будет вести это дело. Думаю, он захочет с вами поговорить, а я пока, с вашего позволения, откланяюсь. Максим Сергеевич, я очень вас прошу, наведите порядок в отделении, пока мы еще пару трупов не получили.

Восприняв молчаливый кивок Зимина за разрешение уйти, он вышел из кабинета и задумчиво остановился на пороге. До селектора с департаментом здравоохранения оставалось полчаса. По-хорошему их нужно было потратить на то, чтобы предупредить начальство о случившемся в больнице ЧП и визите

полиции. Не докладывать же об этом во всеуслышанье, право слово.

Оглянувшись на дверь, за которой Зимин остался разговаривать с Балуевой, он принял решение потратить эти полчаса иначе и быстрым шагом направился к палате номер восемь. В ней было четыре кровати и все, разумеется, заняты, однако Горелову он вычислил сразу, лишь бросив беглый взгляд на происходящее в палате. Три женщины, собравшись в кучку, о чем-то шептались, четвертая лежала ничком и горько плакала. Радецкий пододвинул стул и сел рядом.

– Ольга Аркадьевна, вам нельзя так расстраиваться, – мягко сказал он. – Надо успокоиться. Слышите? Я сейчас попрошу медсестру сделать вам укол.

Плачущая пожилая женщина открыла глаза и посмотрела на него.

– Вы кто? – спросила она с испугом. – Я вас не знаю.

Он почти физически считывал ее страх, практически панику. Интересно, она услышала о том, что ее приятельницу убили и так сильно испугалась? Почему?

– Я главный врач, – сказал он еще мягче. – Меня зовут Владимир Николаевич. Пожалуйста, не бойтесь меня, я не причиню вам вреда. Наоборот, мне важно, чтобы с вами и вашим здоровьем все было в порядке.

– Как же может быть что-то в порядке, когда Ираиду Сергеевну убили, – судорожно вздохнув, сказала Горелова. – Такая милая приятная женщина, мы так с ней сдружились. Она, конечно, казалась немного фантазеркой, но так увлекательно рассказывала, что я прямо заслушивалась.

– Почему фантазеркой? – Радецкий и сам не знал, почему пришел в эту палату и задает вопросы.

Это было делом полиции и следователя, но какая-то сжатая пружина внутри не давала ему просто повернуться и уйти к своим ежедневным делам,

которых, судя по бесконечно вибрирующему в кармане телефону, с каждой минутой становилось все больше.

– Мы с ней познакомились в воскресенье. Она к вечеру стала чувствовать себя лучше, вышла из палаты, чтобы с кем-нибудь перекинуться словом. Девочки, – она кивнула в сторону остальных трех соседок, которые прекратили шептаться и с интересом взирали на Радецкого, – ушли в холл смотреть телевизор, а я осталась. Я не люблю телевизор, мне кажется глупым все, что там показывают, – голос ее стал чуть извиняющимся, – и Ираида Сергеевна заглянула ко мне и стала рассказывать про свою жизнь. И знаете, она так это делала, словно пересказывала какой-то роман.

– Роман?

– Ну да. У меня было ощущение, что в обычной простой жизни так не бывает. К примеру, у меня не так, и у всех моих знакомых тоже.

– Так – это как?

– Она рассказывала какие-то невероятные истории о своем муже. Знаете, в советское время он у нее был каким-то крупным начальником, в обкоме партии работал, а потом после перестройки тоже не пропал, сначала был заместителем губернатора, а потом создал довольно крупную фирму, много зарабатывал, пока не умер скоропостижно, от инфаркта. Вот у вас много есть знакомых, которые работают заместителем губернатора?

Один из заместителей губернатора курировал социальную сферу, а потому Радецкий регулярно встречался с ним на любых профильных совещаниях, поскольку тот опосредованно являлся его начальником. Вице-губернатор в их регионе когда-то работал врачом, а потому с Радецким они часто общались и относились друг к другу с уважением. Еще один заместитель губернатора, правда отвечающий за сельское хозяйство, был его соседом и жил в том же коттеджном

поселке. Все они, с точки зрения Радецкого, были самыми обыкновенными людьми, о которых вовсе не требовалось говорить с придыханием, однако снижать уровень значимости мужа убитой в глазах лежащей перед ним пациентки он не стал.

– Несомненно, муж Ираиды Сергеевны был крайне достойным человеком, – сказал он, – но я не вижу в этом ничего особенно фантазийного.

– Да, но она говорила, что после своей смерти он оставил ей миллионы, – Горелова перешла на шепот. Чтобы расслышать, Радецкому пришлось наклониться почти к ее лицу. – Она рассказывала, что перед смертью он спрятал ключ к этим миллионам. Вот скажите, разве это не похоже на приключенческий роман гораздо больше, чем на обычную жизнь?

Ключ к миллионам? Не мог ли он быть поводом для убийства?

– Ольга Аркадьевна, а когда случилось все то, о чем рассказывала Нежинская?

– Давно, больше двадцати лет назад, в начале двухтысячных. Тогда ее муж помог повернуть какую-то аферу с продажей самолетов с военной базы в Аксеново. Помните же, какие времена были, все, что плохо лежало, утекало сквозь пальцы. Такие состояния делались, что голова кружилась. Вот и муж Ираиды Сергеевны не устоял перед искушением. Она не очень подробно рассказывала, но, кажется, было три друга, один из которых служил начальником военной базы. Он эти самолеты списал, второй сделал так, чтобы по итогу никто не сел, а Нежинский нашел покупателей и перевел деньги на счет в швейцарском банке.

Пожалуй, эта действительно интересная история вряд ли могла объяснить смерть старушки, приключившуюся в больнице спустя два десятилетия.

– Владимир Николаевич, вы, кажется, сказали, что вас так зовут, я очень боюсь.

– Чего же?

– А что, если Ираиду Сергеевну убили из-за этих денег? Преступник может решить, что я что-то знаю, и убить меня.

Она снова заплакала и начала задыхаться. Радецкий машинально посчитал пульс. Тахикардия была не критической, но весьма приличной.

– Разумеется, вас никто не тронет, – мягко сказал он. – Рассказы вашей приятельницы действительно выглядят фантазией. Если двадцать лет назад существовали какие-то миллионы, то почему она их не забрала? Почему у нее их стали искать именно сейчас? Я думаю, что вам совершенно не о чем тревожиться. Вы не одна в палате, ваши соседки не дадут вас в обиду. Да и в случае любой опасности вы всегда можете нажать на кнопку вызова медсестры.

На этих словах он чуть запнулся. А в самом деле, почему убитая Нежинская не нажала на тревожную кнопку, не закричала, в конце концов, когда к ней в палату вошел убийца? Получается, она его не испугалась? Или просто не успела? Впрочем, это было уже совсем не его дело. Пусть следствие разбирается.

– Ольга Аркадьевна, я сейчас отправлю к вам медсестру с успокоительным. Пожалуйста, не думайте ни о чем плохом, в вашем состоянии это вредно. Максим Сергеевич не для того вас оперировал, чтобы из-за волнения сошел на нет весь положительный эффект операции. С вами будет разговаривать следователь, вы просто спокойно расскажите ему все, что знаете. Но не берите это все близко к сердцу, хорошо?

– Хорошо, – сказала Горелова, заметно успокоившись.

Он знал это свое свойство – успокаивать больных одним только фактом своего присутствия. Как говорил академик Бехтерев, «если больному не стало легче после разговора с врачом, значит, это плохой врач».

Владимир Николаевич Радецкий был не просто хорошим, а отличным врачом, и знал это так же ясно, как собственное имя.

– Ольга Аркадьевна, а вчера Ираида Сергеевна не рассказывала вам ничего особенного? Может, она с кем-то поссорилась или на кого-то обиделась? На врачей? На сестер? Или, может, ее расстроил кто-то из родственников?

– Так нет же у нее никого, – всплеснула руками Горелова. – Она же бездетная была. Как муж ее умер, сразу в Москву переехала, к своей старшей сестре. Так и коротали век вдвоем. Свою обкомовскую квартиру она давно продала. Не могла жить там, где с ее мужем беда приключилась. И вот сейчас после многолетнего перерыва приехала.

– С чего это вдруг?

– Владимир Николаевич, сколько вам лет? – усмехнулась вдруг женщина.

– Пятьдесят четыре.

– А мне семьдесят шесть. А Ираиде Сергеевне было восемьдесят три. Это много, очень много. Особенно в наше непростое время, когда люди вокруг умирают как мухи. К примеру, у меня за последний год половины записной книжки не стало. Вот она и приехала напоследок сходить поклониться могиле мужа. Отдать последний долг, так она сказала. Приехала, расчувствовалась, и буквально в первую же ночь у нее приступ случился. Она «скорую» вызвала, ее в больницу привезли.

Иногородную пациентку привезли в больницу и положили в отдельную палату. Пожалуй, это было интересно. Радецкий сделал себе зарубку на память, выяснить, почему Ираида Сергеевна заслужила подобные преференции. Впрочем, разговор с Гореловой его слегка успокоил. Ольга Аркадьевна не могла рассказать следователю и оперативникам ничего

опасного для его больницы. Ее убитая приятельница ничего не знала о конфликте Нежинской с кем-то из персонала. Она вообще ничего не знала, кроме каких-то детективных историй двадцатилетней давности. Он поднялся со стула, собравшись уходить.

– Вчера Ираиду Сергеевну что-то расстроило, – сообщила ему лежащая на кровати женщина.

Он остановился.

– Что именно?

– Она не сказала. Я пришла к ней в палату, чтобы вместе перед сном выпить чаю. У нас за четыре дня сложилась такая традиция – пить чай с ватрушками. Здесь в буфете внизу продают прекрасные ватрушки. Ираида Сергеевна ходила за ними в буфет, потому что мне пока не разрешают спускаться вниз. Вернувшись, она была немного бледна, я даже предположила, что ей стало плохо, но она заверила меня, что все в порядке, и попросила отменить чаепитие из-за того, что ей надо побыть одной и подумать.

– О чем?

– Она не сказала, а я не стала навязываться. Когда я уходила, она пробормотала, что надо попросить Юлечку, чтобы она его скорее привела.

– Кого – его?

– Я не знаю, – жалобно сказала Горелова. – Я правда не знаю, Владимир Николаевич. Похоже, она в буфете кого-то увидела. Из знакомых.

– Расскажите это все следователю, – повторил Радецкий. – И ни о чем не волнуйтесь. Я вам обещаю, что мы о вас позаботимся.

– Спасибо, – сказала Горелова тихо.

* * *

Переноска и складирование оборудования шли полным ходом. В отремонтированных помещениях будущей гибридной операционной сновали люди, переносились ящики, складывались километры кабелей и проводов. Обстановка напоминала хаос, но Влада точно знала, что это впечатление обманчиво. Во всем, что происходило сейчас в этих помещениях, был четкий смысл, слаженная работа команды, которой рулил главный инженер фирмы «Мед-Систем» Павел Белов. Несколько лет назад Влада перекупила его у конкурентов, предложив зарплату в два раза больше рынка, и ни разу об этом не пожалела.

Павел был совершенно неутомим, если надо, проводил на объекте несколько суток подряд. Он одинаково хорошо разбирался в «железе» и электронике, мог ночами корпеть над нерешенной и пока не поддающейся мозгу задачей, проглатывал техническую литературу на английском языке, списывался с фирмой-производителем, если ему что-то было неясно, и не признавал слова «невозможно».

– Вон твой пацанчик, – тронул Владу за руку Тихомиров. – Давай подойдем, все обсудим, да я к себе в кабинет побегу. У меня ведь и без тебя работа есть, звезда моя.

Уже во второй раз бесцеремонное отношение к Белову почему-то болезненно резануло ухо, но делать замечания Тихомирову Влада не стала. В ближайшие пару месяцев от нормальных взаимоотношений с Олегом зависело своевременное выполнение контракта. Он мог если не испортить, то значительно усложнить жизнь представителям «Мед-Систем», а Владислава Громова никогда не шла на поводу у эмоций, ставя во главу угла исключительно интересы дела. Как говорится, назови хоть горшком, только дай работать спокойно.

– Паша, – позвала она и замахала рукой, привлекая внимание Белова, – привет. Как дела?

Увидев начальницу, тот подошел, впрочем не роняя собственного достоинства, степенно и вальяжно, как двигался всегда.

– Да все нормально, Владислава Игоревна, – сказал он, недовольно косясь на Олега. Видимо, между этими двумя уже успела пробежать кошка. Влада вздохнула. – Разгрузка заканчивается. Я все контролирую, потому что цену этого оборудования знаю. Бригада, которая будет тянуть систему медицинских газов, уже пришла, я им фронт работ очертил.

– Много бегать приходится, Паша? – спросила она.

– Да не без этого. Фигаро здесь, Фигаро там. Но это ничего, мы ж привычные.

– К Олегу Павловичу вопросы или пожелания есть? Пока я здесь, давай сконнектимся, – попросила она.

– Так как не быть. Я настаиваю на том, чтобы взять пробы с усиления пола, чтобы убедиться, что технология соблюдена, а Олег Павлович отказывается.

– Да какие, на хрен, пробы? – возмутился Тихомиров. – Все сделано как полагается, я лично работу принимал. Вы что, мне не доверяете? Так это ваши проблемы. Я вам ничего доказывать не собираюсь. И нарушать целостность только что сделанного покрытия не дам.

– Вот проблема – керн отобрать, – Белов презрительно скривился. – Владислава Игоревна, у нас тут оборудования на двести миллионов, а если под его весом пол просядет? Чтобы все работало нормально, поверхность должна быть идеально ровной, тут каждый миллиметр имеет значение. И еще, я должен быть уверен, что там баритобетон применен для рентгенозащиты. Нельзя рисковать только из-за того, что лишнее движение сделать лень.

– Кому лень? Мне? – Тихомиров вдруг покраснел, словно у него резко поднялось давление. – Я тут за все своей головой отвечаю. Керн он отберет. А дырку потом заделывать как?

– Что такое керн? – дипломатично спросила Влада, гася начинающийся скандал. Этот объект не обещал быть легким, это она понимала, но не ожидала, что первые трудности начнутся так быстро.

– Керн – проба твердого вещества. Выбуривается цилиндрический столбик, отбираемый с целью изучения состава материала. Посмотрим на соответствие техническому заданию, потом вставим обратно, швы зальем бетоном. И следов не останется. Вообще-то, Олег Павлович, это еще на стадии приемки работ у строителей нужно было сделать и протокол составить. Мы бы сейчас в него посмотрели и лишних вопросов не задавали.

– Олег, у тебя ведь есть акт выполненных работ? – уточнила Влада, повернувшись к Тихомирову. – Там есть что-то подобное, о чем Паша говорит?

– Не отбирали мы пробный образец, – буркнул тот. – Акт подписан, конечно. Что тут сложного – пол бетоном выровнять.

– К этой работе существуют определенные требования, – угрюмо сказал Белов. Он вообще почему-то был сегодня мрачнее обычного. То ли волновался перед началом большого проекта, то ли успел устать с утра. – В частности, между бетоном и баритобетоном, знаете ли, есть разница, а без керна мы этого не узнаем. Ну и хотя бы малейший перекося, и оборудование работать не будет или фонить начнет. Кто за это потом ответит? Белов с Громовой. А мне это не нужно. Либо составляем официальную бумагу, что в случае выявленных на более поздних этапах несоответствий мы ответственности не несем, либо

бурим минимум два керна. Я все сказал, Владислава Игоревна.

Вообще-то в словах Белова была логика. Он заранее видел возможные узкие места в реализации контракта и пытался их профилировать. В частности, за это Влада ему и платила.

– Олег, Паша прав, – мягко сказала она. – На кону немалые деньги и высокий уровень ответственности каждого из нас. Цена ошибки будет слишком велика. Я не очень представляю, чтобы Радецкий подписал бумагу, снимающую с нас ответственность, по крайней мере без того, чтобы вынуть из тебя душу, почему ты не даешь бурить этот самый керн. Так что, думаю, будет лучше, если мы просто дадим Павлу это организовать. Паша, ты уверен, что потом сможешь восстановить целостность пола?

– Абсолютно, – все так же мрачно сказал тот.

– Да делайте вы что хотите, – взвыл Тихомиров.

– Это еще не все, – было похоже, что угомонить сегодня Белова точно не получится. – Я нигде в отчетной документации не нашел подтверждения, что электрические кабели в стенах проложены с достаточной степенью изоляции.

– А это ты как хочешь проверить? Стену взломать? Громова, ты бы уж тогда на стадии ремонта ставила сюда своих надзирателей, чтобы они теперь к каждой ерунде не прикапывались.

– Как ты помнишь, я и собиралась, – отбрила его Влада, – ты же мне не дал. Вспомни, как ты утверждал, что раз мы еще не выиграли конкурс и не подписали контракт, то не можем появляться на объекте, чтобы нас не обвинили в сговоре.

– И что? – Завхоз уже орал в голос, ничуть не озабочиваясь тем, что вокруг посторонние уши. – Ты хочешь сказать, что было бы не так? Да тебя бы

конкуренты первую сожрали за то, что ты тут шныряешь. И меня заодно с тобой.

– Ладно, в чем-то ты прав, – примирительно сказала Влада. Не нужен был ей скандал, совершенно не нужен. – С кабелями по ходу разберемся, а керн возьмем. Все, Паша, занимайся. Олег, спасибо, что спустился сюда со мной.

Тихомиров только рукой махнул, показывая, что ему ни к чему ее благодарность. Все еще красный от злости, он повернулся и направился к выходу, оставляя Владу и Белова наедине.

– Я пойду, Владислава Игоревна? – уточнил главный инженер. – Не хочу парней без присмотра оставлять. Да и показывать им нужно, что куда заносить.

– Да, Паша, иди, конечно, – улыбнулась Влада. – И спасибо тебе за то, что так за дело радеешь.

– Не за что. Любую работу нужно делать хорошо или не делать совсем, – ответил Белов и ушел в соседний кабинет, куда заносили очередной очень тяжелый ящик.

Оставшись в одиночестве, Влада прошлась по помещениям, вызывая в памяти чертежи, которые, казалось, впечатались в мозг. Интересно, какие дополнения попросит внести в первоначальный проект Радецкий и во сколько это обойдется. Понятно, что о глобальных изменениях речи не шло, но врачам должно быть удобно, и, если для этого нужны какие-то небольшие вложения, то Влада готова на них пойти. В конце концов, с фирмы – поставщика оборудования она выбила очень неплохие преференции, поэтому можно потратить часть своей прибыли на комфорт и обучение сотрудников больницы, пусть даже сверх сметы.

Завозимое оборудование было в заводской упаковке, защищающей от повреждений. В рамках контракта новая гибридная операционная должна была быть оснащена КТ-томографом экспертного уровня,

интегрированным с системами видеонавигации в автоматическом режиме, фиксированными С-дугами, ангиографической установкой, сразу двумя операционными столами и эндоскопическими стойками. Специалистам «Мед-Систем» также предстояло установить два вида источников света над каждым из столов: хирургический направленный свет для открытых операций и рассеянный для интервенционных процедур, соблюдая при этом важное требование – располагать светильники так, чтобы они освещали весь хирургический стол, но при этом не находились на уровне головы членов хирургической бригады, а также не сталкивались при перемещении с другими установками.

Большая часть оборудования напоминала приборы для космической станции, по крайней мере в фильмах про инопланетян и космос показывали нечто подобное. Управлялось все это великолепие ультрасовременными компьютерами, а вход в систему требовал введения сложного пароля. У Влады все это вызывало чувство благоговейного восторга. Оттого, что она имела отношение к этому особому миру, в котором новейшие достижения науки тесно переплетались со спасением человеческой жизни, у нее чуть холодело в груди. В такие минуты Влада Громова знала, что выполняет очень важную и нужную работу и вообще живет не зря.

Между двумя ящиками на полу что-то блестело. Влада нагнулась и подняла небольшую прямоугольную карточку, чья ламинированная поверхность и давала замеченные Владой блики. На зеленом фоне довольно крупным шрифтом была напечатана последовательность латинских букв и цифр. Владе она совершенно ни о чем не говорила. Вряд ли карточка выпала из пока еще наглухо запечатанных коробок, однако она вполне могла быть неким паролем для входа

в какую-нибудь из телекоммуникационных систем, и оставлять ее валяться на полу было неразумно.

Влада повертела головой, чтобы найти Пашу Белова и вручить неопознанный предмет ему, но ее главный инженер успел куда-то запропасться. Кроме того, в нынешней неразберихе он мог куда-нибудь карточку сунуть и забыть, поэтому, покрутив ее в руках, Влада положила твердый, холодящий пальцы прямоугольник в сумку, решив отдать его Белову позже. Пожалуй, на сегодня ей было больше совершенно нечего делать в больнице. Ранний подъем давал о себе знать, затылок наливался тупой болью, которую могла снять чашка крепкого кофе.

До офиса, расположенного на другом конце города, она могла добраться не меньше чем за полчаса. Заехать по дороге в какое-нибудь кафе? Так там тоже придется ждать заказ, на что уйдет время. Немного подумав, Влада решила напроситься на кофе к Олегу Тихомирову. У того в кабинете стояла вполне приличная кофемашина, да и повод, чтобы не расставаться на неприятной ноте взаимных претензий, очень даже достойный. Влада чувствовала, что Олег обижен, а это было явно не полезно. Никто так быстро не превращается во врага, как обиженный друг.

Не став дожидаться лифта, она быстро поднялась по лестнице на один этаж и пошла по коридору административного блока, то и дело натываясь на толпящихся людей, что-то увлеченно обсуждающих. Это было довольно странно, потому что обычно сотрудники больницы не тратили время на досужие разговоры в коридорах. Впрочем, Владу это совершенно не касалось, поэтому ломать себе голову над некоей странностью происходящего она не стала.

Тихомиров был у себя в кабинете. Он сидел за столом, закрыв лицо руками, и, когда он отнял ладони,

Влада даже немного испугалась, таким белым и неподвижным было это лицо.

– Олег, что случилось? – спросила она с тревогой. – Тебе плохо? Может, позвать кого-нибудь?

– Не надо никого звать, – проскрежетал он.

– Воды? Валидол? Что?

– Можно подумать, у тебя есть валидол. – Он вдруг усмехнулся, и в этой ухмылке, перекосившей лицо, было что-то жуткое. – Ты же молодая и красивая, звезда моя.

– У меня есть валидол, потому что я всегда ношу в сумке лекарства, необходимые для оказания первой помощи, – сообщила Влада. – Никогда не знаешь, в какой ситуации окажешься. Так что, дать?

– Да не надо мне, – с некоторым усилием сказал Олег, – ничего у меня не болит.

– Тогда почему ты такой опрокинутый?

– Звезда моя, а какой бы ты была, если бы в твоём офисе убили человека?

– Не поняла, – осторожно сказала Влада.

– Что тут непонятного. В больнице совершенно убийство. У нас над головой ходит полиция, и все это чревато сильными неприятностями.

– Кому? Тебе? И что значит «над головой»? Над нами отделение хирургии. Там кого-то убили?

Она вспомнила дрожащее, словно стертое лицо заведующего отделением Королева и невольно вздрогнула.

– Нет, это я так, образно сказал. Убили пациентку кардиохирургии. Наверное, я не должен тебе этого говорить, но шила в мешке не утаишь. Уверен, что в интернете это уже вовсю обсуждают. А неприятности будут не у меня, конечно. Я-то тут при чем, – голос его чуть дрогнул. – Но Радецкому мало не покажется, это точно.

Почему-то мысль, что у Владимира Радецкого будут неприятности, не понравилась Владе чрезвычайно. Ее

мозгу, всегда сразу включающемуся в анализ ситуации, явно не хватало информации, однако, глянув на поникшего Тихомирова, она поняла, что расспросы бесполезны и не приведут ни к чему, кроме раздражения. Взяв со стоящего в углу холодильника бутылку воды, она молча поставила ее перед Олегом. Кофе хотелось все больше, но не хозяйничать же в чужом кабинете без разрешения.

– Чай или кофе? – спросила она, словно других вариантов и не существовало.

Тихомиров сорвал пробку с бутылки, начал пить так жадно, что вода проливалась на свитер, текла за ворот рубашки, оставляя неровные пятна. Он действительно очень переживал и волновался. Пожалуй, таким Влада заместителя главного врача областной больницы по хозяйственным вопросам никогда не видела.

– Кофе, – снова не сказал, а скорее каркнул он. – Свари кофе, если можно.

Сдерживая внутреннее ликование, Влада метнулась к кофемашине, поколдовала над кнопками, сварила две чашки эспresso, одну поставила перед Тихомировым, вторую на маленький приставной столик, с удобством уселась и полезла в интернет. За три минуты она успела не только выпить свой кофе, но и узнать о случившемся в больнице убийстве. Олег был прав, в нынешнем цифровом мире сплетни распространялись мгновенно, поэтому в одном из городских пабликов уже вовсю обсуждалась странная гибель 83-летней старушки, задушенной в больничной палате при помощи подушки.

Основные комментарии проходили по линии «врачи-убийцы», но эта глупая версия Владу не интересовала. В силу специфики работы у нее было много знакомых врачей, и все они, профессиональные и не очень, умные и дураки, душевные и циничные, все-таки стремились спасти, а не убивать. Тем не менее у любого убийства

обязательно была если не причина, то повод. «Кто шляпку спер, тот и бабку пришил», – вспомнилась ей вдруг строка из пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Не удержавшись, Влада даже пробормотала ее вслух.

– Что ты хочешь этим сказать? – взвился вдруг Тихомиров, так и не притронувшийся к своему кофе. – Ты на что намекаешь?

– Олег, тебе нервы подлечить надо, – сказала Влада, вставая. Орать на себя она не позволяла никогда и никому. – Ты сегодня так странно на все реагируешь, что я уже не знаю, что и думать. Я тебя очень прошу, в манию преследования не впадай. Никто не хочет тебе никаких неприятностей. Поэтому успокойся, пожалуйста. На сегодня я прощаюсь, вернусь, когда тут у вас обстановка будет менее нервной.

Он вяло кивнул и снова закрыл лицо руками.

Уехав из больницы, Влада отправилась на работу. За повседневными делами она и не заметила, как покатился своей чередой, а потом и закатился день. Постепенно опустел офис, закончившие свою работу сотрудники разошлись по домам, стихло гудение принтеров, легкое жужжание ламп дневного света под потолком, клацанье компьютерных клавиатур, гомон голосов, телефонные звонки, шум шагов. Повисла та самая тишина, которую Влада так сильно любила, потому что в ней ей особенно хорошо думалось и работалось. Вздохнув, она открыла бухгалтерскую программу, чтобы посмотреть проведенные за день платежи, поступления и баланс.

Негромко брякнул телефон, сообщая, что в WhatsApp пришло сообщение. Влада взяла его в руки и обомлела. «Радецкий Владимир Николаевич» было написано на экране. А, ну да. Она же сама просила дать ей предложения по гибридной операционной сегодня. Конечно, с учетом приключившегося в больнице ЧП она вошла бы в положение и не стала сильно гнуть пальцы,

но то, что даже в сложившихся обстоятельствах главврач областной больницы помнил о своих обязательствах, вызывало уважение.

Она открыла сообщение. «Владислава Игоревна, необходимые дополнения с заведующими отделениями обсужу завтра в первой половине дня. Обещаю, что к концу завтрашнего дня документ со всеми предложениями будет у вас. Простите, но сегодня было не до тюнинга. Поэтому несколько дней придется поработать в ограниченном функционале. Исправимся, не переживайте», – было написано там.

«Раз вы не переживаете, то и мы не будем», – ответила она.

«И правильно. И без этого есть из-за чего переживать», – сообщил телефон и тут же звякнул снова, выдав картинку, на которой забавный пес обнимал кота.

«Если нервничаете, возьмите себя в руки или отдайте в хорошие», – гласила подпись к картинке. Влада оторопело смотрела на экран, пытаясь понять, что все это значит. Меньше всего на свете она была готова к тому, что Владимир Николаевич Радецкий начнет с ней флиртовать. Или она все неправильно поняла?

«Второе вселяет больше надежд. А то все сама, все сама», – быстро отстучала она, отдавая себе отчет, что вступает в зыбкую трясину.

Ей не нужны были никакие сложности. На данном этапе своего жизненного пути у Влады Громовой было все, чтобы жить безбедно и спокойно: профессиональная репутация, успешный бизнес, обеспечивающий весьма приличный доход, прекрасная квартира, любимый взрослый сын, строящий свою, отдельную от материнской карьеру, а главное – полная свобода, в первую очередь эмоциональная, выстраданная в результате сложного развода.

Двадцать лет назад муж оставил ее лежать в руинах, которые погребли под собой самое важное – чувство самоуважения. Она восстанавливала его по камушку, по кирпичику, собирая остатки гордости. Ей пришлось выкупать у него собственную квартиру, которая была на ее деньги, но оформлена на свекровь. Ставить жесткий блок на попытке по-прежнему вмешиваться в их с сыном жизнь, приходить в ее дом, есть ее еду, приводить каких-то баб, чтобы уязвить ее самолюбие еще больше, заставить ревновать.

На то, чтобы собрать свое «я», ушло три года, немалые деньги были потрачены на психолога, но Влада справилась и вот уже довольно долго жила в полном ладу с собой и окружающим миром, выйдя из всех испытаний тем человеком, которым ее сегодня знали окружающие: сильным, жестким, с несгибаемой волей. Мужчин, способных пробиться сквозь ее броню, она избегала. Разумеется, романы у нее случались, но все они были необременительными, ничего не значащими, затрагивающими только тело, но никак не душу.

К примеру, сейчас где-то на заднем плане болтался Женюсик. Женечка, Евгеша, Жешенька, работающий торговым представителем в одной из фирм, с которыми сотрудничал «Мед-Систем». В ее город он приезжал по служебным делам два-три раза в месяц, и такая периодичность встреч, проходящих всегда по заранее известному сценарию, вполне Владу устраивала.

В день приезда Женюсика они сначала встречались в ресторане за обедом, где заодно обсуждали рабочие вопросы, а вечером, по дороге из офиса, Влада забирала его из гостиницы и привозила к себе домой, где готовила ужин, за которым следовал не очень разнообразный, но довольно добротный секс. Иногда любовник оставался ночевать, но чаще всего Влада вызывала ему такси и отправляла в гостиницу,

испытывая при этом некоторое облегчение оттого, что можно наконец больше не держать спину и лицо, а стать собой.

Она любила ходить по квартире голая, а Евгеша ужасно стеснялся такого ее поведения, считая его проявлением порочности. Ей нравилось собрать волосы в хвостик, перевязав их резинкой для денег, а он предпочитал, чтобы ее прическа была тщательно уложена, и даже в постели следил за тем, чтобы ничего не помять и не испортить, видимо, был эстетом, в глазах которого женщина всегда должна выглядеть идеально. От попыток сохранять идеальность еще и в постели Влада очень уставала.

Телефон снова звякнул, сообщая, что пришло новое сообщение.

«Не надо прибежаться! Где-то на горизонте наверняка маячит сильное плечо», – прочитала Влада. Да что такое происходит-то?

«Владимир Николаевич, сильное плечо, несомненно, есть и не может не быть. И это, как мне кажется, несомненный плюс. Наличие любых жизненных якорей, как известно, не мешает путешествовать, но предохраняет от уноса в открытое море. Да, и пиратам, наверное, спокойнее. Кто знает, чего ждать от сирен без якоря», – написала она и поставила смайлик. Господи боже ты мой, зачем она это делает.

Открытая бухгалтерская программа светилась на компьютере немым укором. Тяжело вздохнув, Влада отложила телефон и усилием воли заставила себя погрузиться в мир цифр, от которых зависела стабильность компании и ее собственный доход. Это было важнее любого флирта. Но телефон снова звякнул, принесся очередное сообщение.

«Наличие якорей я всегда расцениваю положительно! Они хорошо характеризуют их владелицу! Должен же кто-то нести ответственность за

все наши безобразия!» – было написано в нем. И тут же пришло следующее: «В жизни главное послевкусие», и за ним еще одно: «Я банален, к сожалению».

«Великие умы никогда не боялись банальности», – отбила свой ответ Влада и добавила: «Для меня предвкушение важнее послевкусия. Однако с годами я получаю от него все меньше удовольствия, потому что слишком хорошо все понимаю. Это главный недостаток возраста».

«Вот и договорились. Предвкушайте», – прочитала она спустя мгновение и тут же поймала себя на том, что совершенно дурацким образом улыбается во весь рот. Как пятиклассница, честное слово. Новое сообщение, впрочем, стерло улыбку с ее лица. «Вернемся к поводу, – было написано в нем. – Завтра мы оформим свои предложения в виде итогового документа и передадим его вам. Доброго вечера, Владислава Игоревна».

Почему-то от осознания, что на сегодня обмен сообщениями закончен, Владе стало грустно. «Совсем ты, мать, сдурела», – строго сказала она себе и с ожесточением защелкала мышкой, входя в бухгалтерскую программу. Она никогда не уходила домой, пока все запланированные на сегодня дела не оказывались выполненными, и это правило неукоснительно соблюдалось в любых обстоятельствах. Поэтому, выбросив из головы все, что не имело отношения к работе, Влада погрузилась в платежи и бухгалтерские проводки.

Домой она приехала, когда на часах было уже без пятнадцати девять. Под ноги клубком выкатился Бенья. Соскучившийся и выспавшийся за день, он был искренне рад хозяйке, хотел играть и гулять, а лучше все сразу. В тепле квартиры на Владу вдруг навалилась усталость. Она, в отличие от Бени, сегодня не выспалась, и гулять и играть ей совершенно не

хотелось, вот только собака в этом была совершенно не виновата.

– Сейчас пойдем, малыш, – ласково сказала она и пошла переодеваться в зимний спортивный костюм, в котором всегда ходила на прогулки с Беней.

Эти прогулки были неплохим способом скинуть напряжение дня. Идя по берегу, Влада с удовольствием вдыхала холодный, чуть колкий зимний воздух, глядя на ровную белую гладь реки, которая в темноте казалась безбрежной. Бенья скакал по сугробам, смешно проваливаясь в снег своими короткими лапками. И не было сейчас в окружающем мире ни проблем, ни забот, ни бизнес-процессов, ни тем более убийств.

Дойдя в своих размышлениях до этого слова, Влада запнулась и на мгновение остановилась. Интересно, что все-таки произошло в областной больнице? Что за старушку убили и кому она помешала? Спросить у Радецкого или не стоит? Вообще-то у них были не такие отношения, чтобы напрямую задавать подобные вопросы. Кроме того, будучи умной женщиной, Влада точно понимала, что ее мозг ищет подходящий повод, чтобы написать сообщение, несмотря на то что ей явно дали понять, что на сегодня общение закончилось.

Осознание этого факта неожиданно рассердило ее. Двадцать лет назад она дала зарок, что никогда не будет никому навязываться, и сначала потратила много лет, чтобы сдержать данное себе обещание, а потом спокойно жила, уже не думая об этом. И что изменилось? Почему ей должно быть дело до убийства человека, которого она не знала и никогда не видела?

«Тебе же может быть просто интересно, – вкрадчиво шептал тоненький голос внутри головы. – В конце концов, ты же любишь детективы. И убийство случилось на объекте, на котором ты сейчас работаешь. Поэтому, несомненно, ты имеешь к этому отношение».

Ах так! Стащив с руки перчатку, Влада полезла в карман за телефоном и решительно вошла в интернет. Есть и другие способы получить информацию, не прибегая к неудобным и несвоевременным вопросам. Она снова зашла в паблик, в который, как в канализацию, сливались все городские нечистоты, и на ходу начала скролить ленту, отыскивая то, что имело отношение к случившемуся в больнице.

Никаких новых фактов почерпнуть, правда, не удалось. С разной степенью детализации обсасывалось все то же: черствость врачей, состояние современного здравоохранения, бесправность пациентов, жуткие подробности отпечатка подушки на лице, описание приезда полиции. Естественно, что, как и при любом происшествии, в сети тут же нашлись очевидцы описываемых событий, люди, реагировавшие по принципу: «Кто свидетель? Я, а что случилось?», просто зеваки и сочувствующие. Все это было неинтересно, потому что ни на шаг не приближало к пониманию, что же произошло на самом деле.

Выйдя из ветки, посвященной убийству, Влада собиралась уже поставить телефон на блок и убрать в карман, но тут ее внимание привлек еще один пост. В нем сообщалось о пожаре в дачном товариществе «Рассвет», где в сгоревшем дотла деревянном доме был найден обгоревший труп девушки, личность которой пока не установлена. Надо же, еще одна трагедия, что ж за день-то такой. Влада поежилась. Рука без перчатки замерзла, поэтому она спрятала телефон и свистом подзвала к себе Беню, с интересом обшаривающего кусты у самой кромки речного льда.

– Пойдем домой, псина, – сказала она подбежавшей собаке, отчего-то остро ощущая, что находится в темном пустынном месте совсем одна. Во время прогулки она довольно сильно удалилась от дома, и теперь до ближайшего жилья – новых блочных

девятиэтажек, приветливо светивших окнами, – было метров триста, не меньше. Если какому-то злоумышленнику придет в голову на нее напасть, то, пожалуй, ее криков никто не услышит. А если и услышит, то на помощь точно не побежит.

«И кому ты нужна, неврастеничка», – громко сказала Влада. Этому приему – проговаривать свои страхи вслух ее научил психолог, с которым она когда-то работала. Звук собственного голоса действительно немного успокоил ее, разгоняя давящую на уши тишину. Прицепив Беню на поводок, чтобы не отставал, Влада довольно быстро пошла обратно к дому, напевая вслух песенку. Почему-то это был «Солнечный круг», непонятно как всплывший из недр памяти. Через пять минут быстрого шага она уже вышла на импровизированную набережную, обустроенную строителями, возводившими ее квартал, отчего-то именуемый «Французским».

Пятиэтажные дома с большими элитными квартирами от берега отделяла не очень широкая, выложенная плиткой дорожка с кованым заборчиком и установленными вдоль него фонарями. Здесь уже никто не мог внезапно выскочить на тебя из окружающего мрака, да и темноты, собственно, не было вовсе, и в мягком желтом свете фонарей взявшийся ниоткуда страх так же в никуда исчез, не оставив и следа.

«Не в себе ты, матушка», – пробормотала себе под нос Влада, поворачивая с набережной на улицу, ведущую к воротам. Дома она насыпала Бене корма, долила воды, переоделась в мягкий домашний костюм, легкий и уютный, собрала волосы в хвост, смыла косметику и начала неторопливо наносить вечерний уход, на котором не экономила. Вот уже несколько лет она использовала весьма дорогие японские сыворотки, но результат стоил потраченных на них денег до копейки. В принципе, своим изображением в зеркале

Влада была вполне довольна. Для ее возраста очень даже неплохо.

«Интересно, а я еще могу кому-нибудь понравиться? – задумчиво размышляла она, глядя в зеркало в ванной, и тут же рассердилась на себя за самую постановку вопроса. – Что за глупости. Конечно, можешь и нравишься. На следующей неделе придет Женюсик и это тебе докажет». Почему-то при мысли об этих унылых «доказательствах» ей стало тоскливо.

Выйдя из ванной, Влада прошлепала на кухню, открыла дверцу холодильника, чтобы выбрать что-нибудь на ужин, но есть не хотелось. Это было странно, потому что из обеда, заказанного из расположенного неподалеку от офиса кафе, она впихнула в себя только порцию вареников с картошкой и больше за весь день ничего не ела. Обычно потеря аппетита означала, что она нервничает, вот только поводов для волнения у Влады Громовой не было. Ни одного.

Критически осмотрев содержимое холодильника, она вытащила бутылку фруктового завтрака с овсяными хлопьями и прошла в спальню, стащила покрывало, залезла под одеяло, подоткнув подушку под спину, и включила телевизор, чтобы уткнуться в любимый сериал. Это был ее надежный способ утешения, хотя с чего бы сейчас-то? Просто странное настроение.

По привычке анализировать все, что с ней происходит, Влада попыталась найти его причину. Нет, абсолютно все было либо хорошо, либо под контролем. Ничто не вызывало опасений и не давало поводов для расстройства.

«Совсем ты, матушка, зажралась. Сама не знаешь, что тебе надо. Есть люди, у которых действительно проблемы. Вон, старушку задушили, девушку сожгли, а не это твоё томление духа. Давай уже, бери себя в руки, хватит дурью маяться», – сказал ее внутренний цензор. В ее психотерапевтических беседах с собой эта

рациональная часть сознания всегда одерживала верх. Но не сегодня.

«Предвкушайте!» – вспомнилось ей недавно полученное сообщение от Владимира Радецкого, и Влада вдруг поняла, что действительно находится в состоянии ожидания чего-то хорошего. И именно это ожидание, а не тревога и есть причина ее странного состояния. «Совсем с ума сошла на старости лет», – пробормотала она и погрузилась в перипетии сериала, отбросив дурацкие мысли. Уснула она около часа ночи, совершенно успокоившись.

* * *

Он и сам не знал, почему целый день то и дело возвращался мыслями к этой женщине, она словно незримо присутствовала рядом, когда он проводил планерку с замами, разбирал ворох документов, получал взбучку от начальства и даже разбирался с непонятно откуда взявшимся в больнице трупом.

Владислава Громова занозой сидела в голове, и Радецкий искренне не понимал, откуда эта заноза взялась. Он и раньше встречал ее на различных мероприятиях и даже провел пару совещаний с ее участием, но почему-то заметил только сейчас. Точнее, только сейчас она почему-то вызвала его интерес, который вылился в зачем-то посланное ей в половине седьмого вечера сообщение.

У Радецкого как раз закончился рабочий день, и, подводя его итоги, как делал всегда, он вспомнил, что не обсудил ни с кем из коллег начавшийся монтаж оборудования в гибридной операционной и связанные с этим дополнительные просьбы и предложения компании-подрядчику.

Громова просила дать ответ завтра, и время на то, чтобы проработать вопрос, разумеется, было. Более того, в свете приключившегося ЧП она вряд ли обвинила бы больницу и ее главного врача, если бы они даже и затянули сроки. Понятно, что, когда у тебя по этажам бродит полиция, делать ты будешь только то, что нельзя отложить. Вопрос «Мед-Систем» отложить было можно.

И тем не менее Радецкий все равно написал первое свое сообщение, которое являлось проявлением вежливости, не более, а следом за ним еще целую кучу других, которые были уже на грани фола. Он был готов к тому, что она не ответит или проявит холодное недоумение по поводу его вольностей, но она вступила в диалог, который из неформального довольно быстро стал пикантным. Интересно, и что все это значит?

Владимир Радецкий знал себе цену. Красавцем, в прямом смысле этого слова, он не был, но высокий, ладно сложенный, острый на язык – всегда нравился женщинам и пользовался этим, когда возникало желание, не будучи ни ханжой, ни моралистом. Правда, что именно делать с женщинами, к своим пятидесяти четырем годам он до конца так и не понял.

С ними можно было спать, их можно было любить, потом, когда они начинали заявлять на него свои права (а так происходило всегда), они начинали вызывать раздражение, а после скуку, которая рано или поздно скатывалась в полное безразличие. Еще с ними можно было работать. Вот, пожалуй, и все. Дружить с женщинами Радецкий не умел. То есть он бы дружил, разумеется, вот только всем знакомым женщинам просто дружбы рано или поздно оказывалось мало, и из ипостаси «друг» было только два пути – в любовники или во враги. Либо сначала в любовники, а потом во враги.

Последние два с половиной года, когда он остался один, ничего не изменили. Старший сын – востребованный программист – нашел работу за границей и уехал в Испанию. С женой к тому моменту они уже давно сосуществовали как партнеры, встречающиеся только за ужином, за которым обсуждались какие-то потребности детей и хозяйственные заботы, в лучшем случае – какие-то интересные медицинские казусы, случившиеся в течение дня. И если сохранить страсть после двадцати пяти лет брака вообще мало кому удавалось, то куда подевалась душевная близость, сказать было трудно. Ее почему-то просто не стало, и все.

Возможно, Радецкий сам был в этом отчасти виноват, потому что жил своей жизнью, в которой имелось много работы, связанной с повседневными нуждами огромной больницы и нечеловеческим уровнем ответственности, а еще были занятия, доставляющие удовольствие, – спортзал дважды в неделю, чтение хороших книг, охота под настроение, строительство, а потом обустройство дома, пусть редкие, но поездки в Москву и Питер на спектакли, концерты и художественные выставки. И в этой жизни он оказался сам по себе, и она не требовала постоянного присутствия в ней жены, которая превратилась в некий функционал, обеспечивающий едой, чистыми рубашками и привычным сексом.

Да, возможно, он был виноват в том, что не давал большего, но его никто ни в чем не обвинял. Просто в один прекрасный день жена спокойно сказала, что собирается полгода пожить у сына в Испании, и он даже не удивился и не возразил, потому что ничего странного в ее желании не увидел, и все эти шесть месяцев совершенно не скучал и не испытывал неудобства, возвращаясь вечером в пустой дом, где его встречала радующаяся его приходу Фасолька.

Начавшаяся пандемия, захлопнувшая границы, сделала перспективы возвращения домой туманными, но даже потом, когда приехать стало возможным, жена этого так и не сделала, полгода ее отсутствия превратились в два с половиной, и это вполне всех устраивало. Легкие необременительные связи за это время у Радецкого, разумеется, случались, да они и до этого бывали, вот только оберегать свои границы от посягательств стало в отсутствие жены еще труднее, а потому во взаимоотношениях с женщинами он сделался еще осторожнее.

И вот откуда ни возьмись появилась Владислава Громова. На первый взгляд, с ней не должно было быть никаких хлопот. Слишком самостоятельной и самодостаточной она казалась. Не женщина, а каток. Асфальтоукладчик. Такие не посягают на чужие границы, а защищают от посягательств свои собственные. Проверить эти рубежи на прочность почему-то очень хотелось.

Внешне она была податливой и по-женски мягкой, но сталь в глазах давала понять, что это впечатление обманчиво. По привычке собирать информацию, которая может когда-нибудь оказаться полезной, он краем уха слышал пару историй, как Громова кого-то сожрала, а потом выплюнула, изрядно пожеванным и обмусоленным, разумеется. Укротить ее было все равно что объездить дикого мустанга.

В прошлом году Радецкий несколько месяцев брал уроки верховой езды. Он вообще был натурой увлекающейся и постоянно искал, чем бы себя занять. Жажда жизни бурлила в нем с годами все сильнее, заставляя постоянно пробовать что-то новое, доселе неизведанное. К примеру, сейчас он решил начать играть на саксофоне и в прошлую субботу даже сходил на первое занятие. Инструмент он купил много лет

назад, еще в молодости, но до него все не доходили руки. И вот сейчас Радецкий наконец решился.

Даже самому себе он не признавался, что за его погоней за новыми ощущениями в какой-то степени скрывается страх старости. Как там писал поэт Роберт Рождественский? «Все больше когда-то, все меньше когда-нибудь». И еще «все крохотней завтра и все необъятней вчера»...

В это крохотное завтра хотелось впихнуть как можно больше впечатлений. Позитивных, разумеется, потому что негативные жизнь и так подкидывала с регулярным постоянством. Веселый и многообещающий флирт с Владиславой Громовой был как раз таким новым впечатлением. Приятным и будоражающим кровь. Очень полезным после того, как Радецкий весь день думал о случившемся в больнице убийстве.

По дороге с работы он из машины позвонил полковнику Бунину. Тот трубку снова взял сразу, хотя, судя по голосам на заднем фоне, все еще находился на службе.

- Да, Владимир Николаевич, слушаю.
- Хотел сказать спасибо за то, что утром быстро помогли, - откликнулся Радецкий.
- Да ладно, ни в чем особенном моя помощь не выражалась.
- Присланные ребята показались мне толковыми.
- Хотел бы сказать, что бестолочей не держим, да не могу, - вздохнул голос в трубке. - Теряем профессионалов в последние годы, да вы, Владимир Николаевич, это не хуже меня знаете.
- К сожалению, знаю, Иван Александрович.
- Но эти и правда толковые. Разберутся, Владимир Николаевич, не переживайте.

Радецкий хотел сказать, что не переживает, но не стал. Произошедшее в больнице убийство, разумеется, тревожило его, потому что в нем не было очевидного

смысла. Зачем лишать жизни восьмидесятитрехлетнюю старуху, имеющую к тому же довольно серьезное хроническое заболевание сердца?

– Иван Александрович, понимаю, что есть понятие служебной тайны, но все-таки был бы вам крайне признателен, если бы вы держали меня в курсе того, как идет расследование, – вместо этого сказал он. – В рамках возможного, разумеется.

– Конечно. Обещаю, что дам знать, как только появится что-то важное.

Радецкий поблагодарил и отключился, чтобы не отнимать у полковника время. Домой он приехал в половине восьмого, выпустил во двор обезумевшую от радости при его появлении Фасольку. Можно было уйти в дом, чтобы переодеться и поесть, но собака, проводившая целый день одна, заслуживала компании хозяина, поэтому Радецкий дошел до беседки, прислонился к ней спиной и достал телефон, чтобы пока позвонить дочери. Фасолька, убедившаяся, что главный человек рядом и не собирается уходить, радостно побежала в дальние кусты по своим собачьим делам. Присаживаться на дорожках она себе никогда не позволяла.

У дочери все было хорошо. Впрочем, в этом Радецкий и не сомневался. Если бы с ней что-то случилось, он бы сразу почувствовал, потому что со своим младшим ребенком у него была особая связь, та, что возникает только между папой и дочкой. Убрав телефон в карман, он задрал голову и посмотрел в очень темное, очень зимнее небо. Сквозь тучи не было видно звезд, и почему-то это огорчило Радецкого, хотя огорчаться по такому несущественному поводу было совсем уж глупо.

Хотелось есть. А еще выпить виски. Он терпеть не мог алкоголь и почти никогда не пил. У этого было объективное объяснение, ибо, живя за городом,

Радецкий находился в постоянной готовности сесть за руль. С его работой вызов в больницу мог поступить в любой момент. Но и субъективная причина тоже имелась – от любого количества спиртного его неумолимо клонило в сон, так что ни поддержать компанию, ни просто насладиться вкусом дорогого элитного коньяка или виски он не мог. Не успевал.

Но сейчас глоток виски, с легким жжением прокладывающий себе дорожку по пищеводу, совершенно точно мог растворить поселившийся за грудиной камень. Точнее, хотя бы попытаться это сделать.

«Выпью, – решил Радецкий, глядя на копошащуюся у дальнего забора Фасольку, – ясная голова сегодня точно уже не понадобится. Сегодня ничего случиться просто не может. Не попадает снаряд дважды в одну воронку».

Зазвонил телефон, словно насмехаясь над его самонадеянностью. Вытащив смартфон из кармана, он глянул на экран и нахмурился. Звонил следователь Зимин, с которым Радецкий провел сегодня гораздо больше времени, чем хотел. И от этого позднего звонка вряд ли можно было ждать чего-то хорошего.

– Да, Михаил Евгеньевич, – сказал он с легким вздохом, – слушаю.

– Добрый вечер, Владимир Николаевич, – откликнулся голос в трубке. – Понимаю, что время уже нерабочее, но решил, что лучше вам узнать это сегодня и от меня, чем из интернета.

– Не то чтобы я имел привычку залезать в интернет за новостями. Что еще случилось, Михаил Евгеньевич?

– Сегодня утром вы сказали, что одна из ваших сотрудниц не вышла на работу. Медсестра Юлия Кондратьева, та самая, которая больше всего общалась с убитой Нежинской. Теперь причина ее отсутствия совершенно ясна.

Странно, но Радецкий слушал спокойно, никакие плохие предчувствия его не терзали, хотя обычно он был довольно чувствителен к малейшим колебаниям вселенной.

– Сегодня утром в одном из дачных кооперативов случился пожар, в котором погибла молодая девушка. Тело довольно сильно обгорело, установить личность жертвы удалось не сразу, но сейчас можно с уверенностью сказать, что это Кондратьева. Родные ее уже опознали.

Очень темное, очень зимнее небо, в котором ничего не осталось от разбудившего Радецкого ночью огненного зарева, стремительно опускалось, заливая мозг какой-то булькающей вязкой субстанцией. Радецкий помотал головой, чтобы отогнать дурноту. Что там говорится про снаряд, не падающий в одну воронку дважды? У него в больнице два трупа, а не один. Пожилая пациентка и проявляющая к ней внимание молодая медсестра. Получите – распишитесь! Перед глазами встало лицо заведующего хирургией Королева, такое, каким оно было сегодня утром. Расплывшееся, дрожащее, словно полустертое от волнения и тревоги. Интересно, он уже знает? Хотя, конечно, знает. Он же обрывал телефон родителям Юли, значит, в курсе.

– Владимир Николаевич, – услышав голос Зимина, Радецкий понял, что слишком долго молчит.

– Я здесь, Михаил Евгеньевич. За информацию спасибо. Могу я спросить, как именно она погибла?

Теперь следователь молчал, словно взвешивал, о чем сообщать главврачу, а о чем не стоит.

– Ее убили, – наконец сказал он, – ударили чем-то тяжелым по голове. Поджог был совершен для того, чтобы скрыть совершенное убийство.

– Как Кондратьева вообще оказалась на этой даче? У нее было ночное дежурство, и хотя она работала у нас

недавно, успела зарекомендовать себя как ответственного человека, да и отзывы с прошлого места работы у нее были прекрасные. Иначе бы я ее не взял, несмотря на все просьбы.

Он осекся, но тут же вздохнул, понимая, что роман Кондратьевой с Королевым все равно не скрывать. Такие вещи никогда не скроешь, а уж в больнице, где романы между врачами и медсестрами вспыхивают и гаснут с завидной регулярностью, особенно.

- Вас кто-то попросил взять Кондратьеву на работу? Кто?

- Заведующий хирургическим отделением Сергей Александрович Королев. Полтора месяца назад. Он в свободное время подрабатывал в частной клинике, где Юлия трудилась до этого, у них начался роман, и Королев попросил меня взять девушку в штат, чтобы иметь возможность чаще ее видеть.

- Вы не производите впечатления человека, претендующего на славу Купидона, сводящего влюбленных.

- Разумеется, нет. Но у меня была вакансия, мне предложили взять на нее человека с подходящей квалификацией, не скрывая, что просьба носит личный оттенок. Разумеется, если бы профессиональные качества девушки не подходили, я бы ее не взял, но ее резюме не вызвало сомнений, заведующий кардиохирургией после собеседования остался вполне доволен, а что касается всего остального, то я, знаете ли, не моралист. И все-таки почему она, интересно, оказалась на даче вместо больницы?

- Идут следственные мероприятия. Думаю, со временем мы получим ответы на все вопросы. Но пока факт остается фактом. Медсестру, которая общалась с Нежинской, убили за несколько часов до того, как задушили саму Ираиду Сергеевну.

- Это может быть простым совпадением.

– А может и не быть. Поэтому пока оба дела отданы мне, чтобы не пропустить связь между двумя преступлениями, если, конечно, она есть.

– Болтливая старушка могла рассказать Юлии что-то важное. И неведомый преступник, услышав их разговор, решил избавиться от обеих, – задумчиво сказал Радецкий. – Так?

– Или наоборот. Девушка могла поведать Нежинской о чем-то серьезном. Тогда основной жертвой была именно она, а Ираида Сергеевна пострадала от того, что стала участницей случайного разговора.

– Хрен редьки не слаще, – задумчиво сказал Радецкий. Ноги в щегольских ботинках (он признавал только такие, от немецкой фирмы «Ллойд») от долгого стояния на месте начали подмерзать, и он потопал ими, понимая, что это вряд ли поможет. – И в том, и в другом случае свидетелем их разговора мог быть только сотрудник больницы, а это означает, что в моем коллективе работает хладнокровный убийца, готовый задушить подушкой старушку и хладнокровно сжечь дом с телом своей жертвы. Плохо укладывается в сознании, знаете ли.

– Человеческая подлость вообще плохо укладывается в сознании. Я по роду своей службы сталкиваюсь с ней каждый день на протяжении многих лет и никак не могу привыкнуть. Даже цинизм, который поневоле натягиваешь как панцирь, мало помогает.

– Всегда считал, что цинизм прирастает панцирем только к врачам. Просто не думал, что, к примеру, следователям такая вторая шкура тоже не помешает. Ладно, оставим философствование тем, у кого много свободного времени. Я правильно понимаю, что завтра снова увижу в больнице вас и ваших коллег?

– Конечно, увидите. – Зимин вздохнул. – В свете открывшихся обстоятельств вы теперь будете видеть нас постоянно. Владимир Николаевич, пожалуйста,

подумайте до утра, что такого важного могла знать Кондратьева. Кому она могла помешать за те полтора месяца, что работала в больнице? Что именно она могла увидеть или услышать?

– Я могу думать над этим до морковкина заговенья, – Радецкий засмеялся. Получилось плохо: скрипуче, натужно. – И ничего не придумаю. У меня довольно много обязанностей, поэтому я не могу знать, что видят и слышат медсестры одного из отделений. Думаю, что в этом плане гораздо больше пользы будет от Марии Степановны Петровской, старшей сестры кардиохирургии. Она удивительно умная, наблюдательная и выдержанная женщина.

– Разумеется, мы с ней уже поговорили и еще пообщаемся, – согласился Зимин. – И все же, Владимир Николаевич, вы капитан, с вашего мостика обзор прекрасный, поэтому проанализируйте все. Возможно, ваши наблюдения, даже самые неожиданные, окажутся полезными.

Заверив, что сделает все от него зависящее, Радецкий распрощался со следователем и отключился. Фасолька уже жалась к его ногам, словно спрашивая, когда они наконец вернутся домой, в тепло и к еде.

– Замерзла? Пошли домой, – сказал он так ласково, как разговаривал только со своей собакой. – Будем думать, что происходит и как с этим жить.

Мысль, что языки пламени, зарево от которого разбудило его в четыре утра, сжигали тело Юлии Кондратьевой, не выходила из головы, несмотря на то что эту девушку Радецкий видел-то всего пару раз в жизни. Один раз ему представили ее, когда она вышла на работу, а он пришел в отделение с привычным утренним обходом. Второй – пару недель спустя, когда на таком же обходе он спросил, как прошла ночь, и дежурившая тогда Кондратьева отчиталась – буднично, спокойно и очень толково. Вроде бы они еще несколько

раз сталкивались то на входе в больницу, то в коридоре. Об этих случайных встречах он помнил только потому, что у него была хорошая зрительная память и он запоминал лица.

Вернувшись в дом, Радецкий насыпал собаке сухой корм, разделся, кинув рубашку в корзину для белья и аккуратно убрав в шкаф брюки и тонкий кашемировый джемпер, натянул спортивный костюм и прошел на кухню, чтобы разогреть себе еду. После отъезда жены вопрос с бытом решался просто. Три раза в неделю приходила домработница Валентина Ивановна, живущая здесь же, в поселке: делала уборку, стирала белье, покупала продукты по отправленному Радецким заранее списку и готовила еду. Сегодня в меню ужина значилась цветная капуста и треска на парú. Все это Радецкий истово ненавидел, но с того момента, как признал, что поддержание нормальной формы и веса – вопрос жестких ограничений и насилия над собой, ел безропотно.

Жареная картошка и макароны остались в прошлом, так же как и любые формы сладостей. И если с потерей жареной картошки он еще мог смириться, то отказ от тортов и мороженого переносил с трудом, потому что всегда любил и продолжал любить сладкое. Щелкнула микроволновка, докладывая, что ужин разогрелся. По кухне поплыл запах цветной капусты.

Усевшись за стол, Радецкий стал без всякого удовольствия поглощать свой ужин, словно кидая уголь в топку. От идеи выпить хотя бы немного виски пришлось отказаться, поскольку ему следовало подумать, а для этого голова должна была оставаться ясной. Да и день этот, странный донельзя, все еще не кончился, так что от него вполне можно было ждать еще какой-нибудь подлянки, требующей немедленного реагирования.

Впрочем, вечер прошел спокойно. Поев, Радецкий разжег камин, уселся на диване напротив, натянул на голову наушники и включил музыку. Звучащий в ушах джаз одновременно успокаивал, умиротворял и настраивал мозг на ясность. Взяв лист бумаги, Радецкий принялся рисовать на нем квадраты и круги, систематизируя имеющуюся у него в голове информацию.

Квадраты были причиной, круги следствием, он пытался выстроить их в четкую схему, чтобы увидеть взаимосвязи, заставившую пазл сложиться именно так, а не иначе. Иногда фактуры не хватало, поэтому круги и квадраты оставались пустыми, а над ведущими к ним стрелками он четко формулировал вопрос, на который не было ответа. Хотелось бы верить, что пока.

Если исходить из того, что основной жертвой стала Юлия Кондратьева, а старушку убили из-за того, что девушка с ней была излишне откровенна, то что такого могла натворить простая медсестра? Из фактов имелся лишь роман с Сергеем Королевым, но даже если предположить, что за адюльтер убивают, то душировать пациентку, которая о нем узнала, совсем уж странно. Конечно, Юлия могла узнать, что беременна, требовать, чтобы любовник ушел из семьи, а несчастная Нежинская оказалась носителем этой страшной тайны. Но тогда получалось, что хладнокровным убийцей был именно Королев.

Радецкий представил своего заведующего хирургией и засмеялся, хотя ничего забавного в ситуации, разумеется, не было. В убийцы Сергей Александрович не годился категорически. Впрочем, смех смехом, но над одной из стрелок он все же записал вопрос о беременности Кондратьевой. Руководителя областной судмедэкспертизы, располагавшейся в соседнем с больницей здании, Радецкий знал, а потому

был уверен, что ответ на свой вопрос получит сразу после вскрытия.

Если любовная линия ни при чем, тогда Юлия могла прознать что-то неллицеприятное о ком-то из сотрудников больницы и была убита за это. С учетом, что работала она всего полтора месяца, что могло произойти? Неудачная операция, когда сотрудники отделения скрыли, что что-то пошло не так? Нет, никаких ЧП в кардиохирургии в последнее время не происходило. И в хирургии, если допустить, что Кондратьева и Королев во время дежурств встречались там, тоже.

Что еще изменилось в больнице буквально в последние дни? Кроме начала монтажа гибридной операционной, пожалуй, ничего. И что? Юлию Кондратьеву убила и сожгла Владислава Громова? Версия была такой бредовой, что Радецкий перечеркнул соответствующий квадратик. Черта получилась жирной, толстой, нарисованной с нажимом, чуть не порвавшим бумагу. И все же как версия пусть остается.

У кого в отделении еще могли быть какие-то тайны, случайной обладательницей которых могла стать Кондратьева? Или Нежинская? Тут на листе бумаги появился еще один большой вопросительный знак. В конце концов, сунуть свой нос куда-то не туда могла как раз любопытная и сильно скучающая старушка, а уже потом поделиться своими наблюдениями с Юлей, не зная, что тем самым обрекает ту на гибель. Радецкий сделал пометку обстоятельно поговорить по душам с Петровской. Та знала многое, если не все. Просто никогда не разводила сплетен.

Радецкий был убежден, что Мария Степановна не скажет полиции и десятой доли того, что знает, если будет считать, что эта информация может каким-то образом повредить репутации больницы или ему лично. Вот только с ним ей придется быть откровенной. А там

они уже вместе что-нибудь придумают. Или все-таки основным объектом была Нежинская и тайну ее смерти стоит искать в далеких девяностых годах прошлого века, когда ее муж заработал мифические миллионы, распродав оружие с какого-то стратегического объекта?

Пожалуй, об этой истории нужно узнать побольше. Наверняка в архивах или библиотеке остались какие-то следы. Военная база у них в области была одна – в Аксеново, и если с нее массово распродавали самолеты, то, возможно, в газетах что-то про это писали. На листе с записями появилось еще одно имя – журналистки областной газеты «Курьер» Инессы Перцевой, в миру Инны Полянской, с которой Радецкого несколько лет назад познакомил полковник Бунин.

Журналистов Радецкий не любил, поскольку считал, что профессия эта вызывает такие же необратимые изменения в поведенческих реакциях, как и врачебная. Журналисты были даже циничнее врачей и куда более беспринципными. По крайней мере, та же Перцева в погоне за эксклюзивом могла зайти столь далеко, что полковник Бунин только кричал в немой досаде. Вот только в поиске информации ей равных действительно не имелось.

Когда Бунин их познакомил, Перцева попыталась устроить мужа на операцию в одну из московских клиник. Средства у них были, вот только в медицине связи решают гораздо больше, чем деньги, позволяя выиграть самое главное – время. К счастью, диагноз не подтвердился, но Радецкий тогда Полянским здорово помог, поэтому теперь считал себя вправе обратиться к Инне за ответной услугой.

Пока он думал, Фасолька блаженно сопела во сне, свернувшись в клубок на коврике у его ног и положив голову на босые ступни хозяина. Она обожала лежать именно так, утверждая полный контроль над ситуацией

и его передвижениями, и это существо было единственным, кому Владимир Радецкий позволял себя контролировать. Глянув на часы, он присвистнул: они показывали половину двенадцатого. Ложился он всегда в полночь, стараясь соблюдать график, потому что был уверен, что от мелочей зависит общая дисциплина, которая, в свою очередь, и приводит к успеху.

В английском языке, которым Радецкий владел довольно скромно, но достаточно для того, чтобы объясняться на международных конференциях, было понятие *daily routine*, которое он понимал как последовательность повторяющихся привычных действий, из которых складывался день, и старался упорядочивать все, с чем сталкивался. Жить по расписанию было привычно, удобно и безопасно, что ли. Ну да, безопасно. В первую очередь для души.

Отложив лист бумаги и ручку, он вытащил ноги из-под собачьей тушки (Фасолька при этом недовольно перевернулась на спину в надежде, что хозяин почешет ей пузо), не оправдывая собачьих надежд, потушил огонь в камине, выключил свет и прошел на второй этаж. Душ и чтение лент в социальных сетях тоже входили в ежевечернюю рутину, набор действий, которые необходимо было осуществить перед сном.

Интернет был полон обсуждений случившихся сегодня двух убийств. Для их небольшого по российским меркам губернского города это, разумеется, стало событием. Правда, пока никто не связывал убийства между собой. Из-за того, что Кондратьева работала в больнице совсем недавно, информация об этом еще не успела разойтись широко, поэтому ее называли работницей частной клиники, сходясь лишь во мнении, что неспроста карающая божья десница коснулась сразу двух лечебных учреждений.

Интересно, спит ли уже Владислава Громова? Мысль о ней пришла в голову неожиданно, поскольку не имела

никакого отношения к тому, что он только что читал. Искушение написать ей сообщение было таким сильным, что Радецкий снова взял в руки телефон, который успел положить на тумбочку. 00:00 показывал экран. Во-первых, пора ложиться спать, а во-вторых, писать в такое время малознакомой женщине неприлично. Включив будильник, он легонько вздохнул, выключил свет и спустя минуту уже крепко спал.

Это умение – засыпать сразу и в любых условиях – было выдрессировано годами ночных дежурств, когда любые пятнадцать минут сна могли считаться благословением. Про войну даже говорить не стоит, но еще в молодости он подрабатывал на «скорой», поэтому из тридцати ночей в месяце дежурил в общей сложности двенадцать, и мало какие из них выдавались спокойными настолько, чтобы выспаться. Именно тогда он привык спать хоть стоя, лишь бы удавалось на что-то опереться спиной и затылком. И несмотря на то что уже много лет мог позволить себе не брать ночных дежурств, засыпал по-прежнему без малейших проблем, сразу, как только голова касалась подушки. И никогда не видел снов.

* * *

Проснулась Влада в прекрасном настроении. Во-первых, она отлично выспалась, открыв глаза, когда часы показывали десять минут десятого. Во-вторых, сегодня была пятница, а этот день недели она любила больше всего, испытывая почти детское предвкушение выходных. От слова «предвкушение» она чуть зажмурилась, вспомнив вчерашнюю переписку с Радецким. На всякий случай зачем-то проверила телефон, но никаких непрочитанных посланий там не обнаружила.

Легкий укол разочарования, впрочем, не испортил ей настроения, поэтому привычные утренние дела она совершала, напевая под нос, что бывало нечасто. Мопс Беня смотрел на нее чуть удивленно, привыкнув к тому, что большей частью поутру хозяйка мрачная. А тут надо же, поет.

Одеться сегодня тоже хотелось с каким-нибудь вывертом. Немного подумав, Влада вытащила из шкафа свое любимое темно-синее платье с неровным подолом. Красиво облегая фигуру сверху, оно немного расширялось внизу за счет дополнительных вставок ткани. Эти вставки крутились вокруг икр, то открывая, то облегая их, и выглядело это чертовски сексуально.

Для кого именно она одевается, она и сама не знала. Пятница, как правило, была офисным днем, когда подбивались остатки на складе, оформлялись заказы на поставки следующей недели, закрывались все дедлайны и подводились итоги. Никакие важные встречи на пятницу никогда не планировались, потому что, по горькому опыту, шестьдесят процентов их отменялось и переносилось, поскольку большинство заказчиков, поставщиков и партнеров норовили пораньше закончить дела и уехать за город.

Будь у Влады загородный дом, она тоже бы так делала, но своей дачи у нее не имелось. После развода имевшаяся загородная недвижимость отошла к бывшему мужу, а на то, чтобы затеять новую стройку, не было ни сил, ни желания. Строительство дома требовало мужских рук и пригляда, и, несмотря на то что характером Владислава Громова обладала вполне крепким, вот этой работы – ругани с подрядчиками, покупки стройматериалов, постоянных срывов сроков и связанной со всем этим нервотрепки – ей было не нужно совершенно.

Самое смешное, что год назад компания «Мед-Систем» начала строительство нового офиса, и, хотя

под это в компании и было открыто отдельное направление, во главе которого стоял очень дельный руководитель, Влада все равно контролировала возведение кирпичного особняка фактически в историческом центре города самостоятельно, не упуская из виду ни одной детали.

То есть ругань со строительными бригадами, покупка стройматериалов и нервотрепка присутствовали все равно, и вести одновременно два объекта, один из которых был бы ее загородным домом, руководитель направления Николай Шумков вполне мог, более того, не раз и не два предлагал ей это делать, но она все равно никак не решалась.

Поэтому приходилось либо проводить выходные в городе, либо напрашиваться на дачи к подругам. Те, разумеется, были рады и никогда не отказывали, но навязываться Влада не любила, тем более что шумных компаний избегала, предпочитая пустым и ненужным разговорам комфортное спокойное одиночество. Если организму требовался отдых, то она просто прибавляла к выходным пятницу и уезжала в какой-нибудь подмосковный санаторий с хорошим спа-комплексом или отправлялась в Москву, чтобы сходить с сыном на хорошую выставку днем и спектакль вечером, в промежутке посидев в дорогом ресторане.

Она вообще плохо умела отдыхать, считая праздность пустой потерей времени. Поэтому в зимние выходные охотно ходила на лыжах по реке, на берегу которой жила, а в летние каталась на велосипеде. Не имея дачи, она выращивала огромное количество комнатных цветов и в выходные с удовольствием возилась с ними, пересаживая или удобряя. Два года назад она купила себе пианино, современное, электронное, но тем не менее пианино, на котором с удовольствием восстанавливала навыки, полученные в музыкальной школе.

А еще с недавнего времени пристрастилась к рисованию, купив мольберт и краски. Другими словами, ей было чем заняться в выходные и никогда не бывало скучно самой с собой. Эту самодостаточность и умение не скучать в своей собственной компании она искренне считала одним из слагаемых успеха.

Женственное платье требовало соответствующей обуви и, разумеется, другой сумки. Их коллекция у Влады была внушительной. Она обожала сумки и покупала их с удовольствием и азартом, не ленилась по утрам перекидывать из одной в другую все то, что имеет обыкновение носить с собой успешная деловая женщина. Впрочем, она не была бы собой, если бы и тут не придумала, как «автоматизировать» процесс. Все нужное у нее было разложено по различным удобным косметичкам: синяя с документами, красная с лекарствами, зеленая с косметикой, желтая со всякими мелочами плюс кошелек. Перекидывать из одной сумки в другую эти косметички было несложно, да и опасность забыть что-то нужное при таком подходе равнялась нулю.

К синему платью Влада надела розовые ботильоны с меховой оторочкой и перекидала косметички в пепельно-розовую сумку со щегольским логотипом достаточно известного бренда. Не «Келли» от «Гермес», конечно, но тоже весьма приличный. На сумках Влада не экономила.

Закончив все утренние дела и бросив последний взгляд в зеркало, отразившее ее неземную красоту, она дала Бене прощальную печенку, скрашивающую печаль от ее ухода, поставила квартиру на сигнализацию, села в машину и выехала за ворота своего дома. Часы показывали без десяти одиннадцать, и, с учетом пятницы, предстоящий день обещал быть таким же беспроblemным, как и утро.

В офисе, как и положено, было уже многолюдно и шумно. Новое здание Влада задумала строить потому, что в старом они уже не помещались. В результате инженеры, бухгалтерия, служба мониторинга госзаказов и снабженцы сидели практически друг у друга на головах. Из-за создаваемого ими гомона Влада и предпочитала оставлять работу, требующую сосредоточения, на вечер, но в целом эту кипучую, чуть сумасшедшую атмосферу любила.

Поздоровавшись с сотрудниками, она прошла в свой кабинет, небольшой, но уютный. Пристроила шубку на вешалку, бросила сумку на подоконник, нажала на кнопку кофемашины, по кабинету поплыл волшебный привычный запах. В дверь заглянул Павел Белов, посмотрел вопросительно, мол, можно ли.

– Заходи, Паш, – кивнула ему Влада. – Ты почему здесь? Я думала, ты в больнице неотлучно, чтобы за всем приглядывать. Что-то случилось?

Он неопределенно пожал плечами.

– По нашей линии все в порядке. Разгрузку вчера закончили, газы тянем, сегодня начали монтаж стационарных светильников, с передвижными пока не замораживаемся, ждем, пока больница своими пожеланиями разродится.

– Сегодня обещали, – кивнула Влада. – Сам понимаешь, им вчера не до этого было.

– Ну да. Отбирание керна я заказал. Приедут сегодня в два, так к тому времени я птицей обернусь отсюда туда. А заехал кое-какую документацию забрать. Ну, и с ребятами повидаться, как без этого.

Сотрудники компании «Мед-Систем» были одной дружной семьей. Влада много усилий прикладывала к тому, чтобы это было так, да и денег, чего скрывать, тоже. Она была убеждена, что одной материальной мотивацией невозможно удержать лояльность сотрудников. Их вера в компанию, преданность своему

делу зависели и от взаимоотношений внутри коллектива, и усилия Влады, направленные на то, чтобы эти отношения оставались здоровыми, приносили свои плоды. Большинство сотрудников дружили семьями, с удовольствием проводили вместе выходные и праздники, да и за Владу были готовы глотку порвать. В разумных границах, разумеется.

Она ласково улыбнулась своему главному инженеру.

– А не по нашей линии?

– Что?

– Ты сказал, что по нашей линии в больнице все в порядке. А что не так?

– Так ясно, что не так, – фыркнул Белов. – Владислава Игоревна, вы же интернет читаете. У них вчера в одном и том же отделении убили пациентку и медсестру. Вся больница гудит, все разговоры только об этом. Если честно, атмосфера для работы невыносимая. Я с утра заехал, указания рабочим дал и сбежал, потому что вокруг все невменяемые. Ходят с опрокинутыми лицами, ни на один вопрос толком ответить не могут.

– Ты про Тихомирова, что ли? – догадалась Влада.

Ее главный инженер просто не мог особо общаться ни с кем другим. Не главного врача же он видел с опрокинутым лицом. Она попыталась представить лицо Владимира Радецкого, к которому подходило бы подобное описание, и не смогла.

– Да, про него, – в голосе Белова отчетливо прозвучала неприязнь, которую он испытывал к заместителю главного врача по хозяйственной части. – Он, конечно, никогда у меня особых симпатий не вызывал, но сейчас просто ведет себя как истерик. Взгляд блуждает, руки ходуном ходят. Будь я на месте правоохранительных органов, задумался бы, с чего он такой нервный.

- Паша, не играй в сыщика, - засмеялась Влада, - занимайся своей работой и не портить отношения с Олегом Павловичем. Я тебя прошу, просто умоляю. Нам в больнице практически жить минимум три месяца, а Олег может сильно испортить нам жизнь, если захочет. Не ссорься на пустом месте, пожалуйста.

- Да я и не собираюсь, - голос Белова теперь звучал чуть виновато. - Владислава Игоревна, я вас не подведу, я ведь все понимаю.

- Влада, машина с кислородными клапанами пришла. - В кабинет заглянула начальница отдела работы с госзаказами Ира Веретьева, совсем недавно вышедшая из декрета. Вернее, в декрете она тоже, разумеется, работала, потому что без дела сидеть не умела, да и Влада без нее была как без рук, но пару месяцев назад наконец вернулась с удаленки на полный рабочий день в офис.

Чуть меньше трех лет назад Ира по вине первого мужа попала в лихой детективный переплет, из которого вышла с честью и немалым профитом в виде второго мужа, бизнесмена Александра Веретьева^[1]. Владу эта история неизменно приводила в восхищение каждый раз, когда она про нее вспоминала, потому что было в ней много романтики и в то же время земных ценностей, а еще надежности, которую Громова ценила в людях больше всего.

Надежным как скала был Александр Веретьев, ставший для Ирины утешением и опорой, главным подарком судьбы, наградой за все перенесенные страдания. Но и сама она была верной и надежной, потому что, попав в трудную ситуацию, предпочла сбежать, уводя преступников за собой, как за приманкой, но не предать Владу, не подставить фирму, не сделать остальных сотрудников заложниками, не сдать их беспринципным бандитам. Конечно, когда

правда вскрылась, Влада злилась на Ирину из-за того, что в трудную минуту та не обратилась за помощью к ней, не рассказала правду. Влада точно сумела бы ее защитить, потому что, в отличие от Ирины, никак не годилась в жертвенные олени, но та справилась сама, и теперь Влада испытывала к ней благодарность вкупе с глубоким уважением.

– Смотреть будешь или принимать самой? – уточнила от дверей Ира.

– Буду. – Влада начала решительно выбираться из-за стола, потому что предпочитала контролировать даже таких сверхответственных людей, как Веретьева. – У конкурентов, выигравших поставку в другую больницу, одна партия бракованная пришла. Я предпочитаю подстраховаться.

– Тогда пошли, а то их фура весь двор перегораживает.

– Паша, если у тебя ко мне больше ничего нет, то я побежала, – сказала Влада Белову.

– Нет, я ж говорю, по большому счету, просто так приехал.

– Тогда отправляйся в больницу, и еще раз тебя прошу – не ссорься с Тихомировым. Когда будет готов результат взятых проб, сразу мне сообщи. Понял?

– Так точно. – Белов шутливо отдал честь, признавая ее право командовать.

С кислородными клапанами, к счастью, все оказалось в порядке, и Влада, подписав акт приемки, отправила машину на разгрузку. До обеда она успела справиться с кучей дел, а на обед девчонки заказали в офис пиццу, и Влада с неожиданным удовольствием приняла приглашение присоединиться, хотя пиццу не любила и ела крайне редко. Но сегодняшняя была вкусная, и Влада как раз примеривалась к тому, чтобы взять третий кусок, когда у нее звякнул телефон, сообщая, что пришло сообщение в WhatsApp. Радецкий.

Отчего-то у Влады сильно-сильно забилося сердце. Открыв сообщение, она обнаружила в нем прикрепленный документ, а в нем – перечень пожеланий врачей, которым в будущем предстояло работать в гибридной операционной: дополнительные источники света, их расположение, схема расстановки оборудования, чтобы им было максимально удобно пользоваться, неучтенные поставщиками столики и стулья для персонала, какие-то держатели, тележки для белья и много других мелочей, о которых, это было видно, подумали обстоятельно. Такой подход к делу Владе импонировал.

Никакого сопровождения к документу не прилагалось, и ее это слегка задело. Деловой этикет требовал реакции, поэтому, немного подумав, она написала в ответ сухое слово «Принято». Примерно с час ничего не происходило, и она успела забыть про областную больницу и ее главного врача, переправив, разумеется, присланный документ себе на почту, а оттуда Ире Веретьевой, которая и отвечала за весь проект поставки и установки гибридной операционной. Задачей Иры было обдумать поставленную дополнительную задачу, составить смету, утвердить ее у Влады и заказать. Ничего сложного.

В начале пятого, когда большинство сотрудников, закончив дела, начали расходиться по домам, Влада получила новое сообщение: «Хорошо. Мы обсудим этот документ обязательно. Нужно же с чего-то начинать разговор». И три улыбочки, черт бы их подрал.

«Думаете?» – быстро отбила она, чувствуя, что совершает глупость. Документ был получен и запущен в работу, ей-богу, обсуждать больше было нечего. И незачем. И тем не менее она все дальше и дальше углублялась в диалог, разворачивающийся на экране ее телефона.

«Уверен! При общении с понравившейся женщиной будь настойчив и предлагай ей всякую хрень. Женщины любят настойчивых и постоянно ведутся на всякую хрень».

«Настойчивость – это прекрасно», – закусив губу, написала она.

«Я настойчив, как молодая гусеница».

«По-моему, обсуждение оборудования для гибридной операционной – это не начало разговора. По крайней мере, мне так кажется». Ферзь сделал свой ход. То есть, разумеется, королева.

«Конечно. Мы обсудим его после всего, что случится».

Внутренняя сигнализация вопила и мигала всеми имеющимися лампочками, призывая Владу остановиться.

«Как-то примерно так я себе это и представляю, – вместо этого ответила она. – Вы очень красочно рисуете перспективу».

«Чего хочет женщина – того хочет Бог».

С каждым новым звяканьем телефона переписка становилась все фривольнее, а щеки Влады пунцовой. Ханжой она не была, но столь вольготное поведение с в общем-то незнакомым человеком оказалось для нее внове. Более того, эта фривольность становилась причиной какого-то странного состояния, внутри закручивалась тугая спираль физического желания, практически немыслимого в данных обстоятельствах.

Человек, вызывающий это состояние, находился на другом конце города и не делал ничего, кроме быстрого набора текста на экране телефона, и тем не менее Влада осознавала себя фактически в обмороке. Ее ответные сообщения тоже становились все откровеннее и бесстыднее. И это тоже было так на нее не похоже, что она фактически не узнавала сама себя. Женюсик бы точно сошел с ума, если бы Влада написала ему хотя бы

отдаленно что-то похожее. Вот только думать о Женюсике сейчас не хотелось совершенно.

«Сделаю комплимент. Вы талант, Владимир Николаевич», – она отправила очередное сообщение, потянувшись за бутылочкой газированной французской воды, которую очень любила и всегда держала под рукой, сорвала металлическую пробку и залпом выпила половину.

«Я знаю», – ответил он.

Интересно, он понял, о чем она? Или его самомнение не нуждается в детальном подкреплении?

«Завести, не прикасаясь, в общем-то легко. Но на расстоянии и письменно... Талант. Непонятно только одно, вы сознательно это делаете?» – уточнила она и замерла в ожидании.

«Сознательно», – звякнул телефон, словно издеваясь.

Неожиданно Влада рассердилась. Умница, красавица, акула бизнеса Владислава Громова, привыкшая казнить и миловать соперников, как девочка, сидела, уставившись в телефон, вот уже больше часа, и впервые за долгое время мысли ее были заняты чем угодно, но только не деловыми вопросами.

«То есть у вас эксперимент и вы за мной наблюдаете холодным взглядом вивисектора? Или это безумие взаимно?» – спросила она.

«Этого я не говорил. Мне просто делать это очень приятно, несмотря на работу. Но контроль над собой я не теряю практически никогда. Кто-то должен все контролировать и за все отвечать», – ответил Радецкий.

В этот самый момент Влада вдруг почувствовала, что ее накрывает какой-то непонятной волной, названия которой она не знала. С того момента, как она уехала из дома, чтобы поступить в институт, она всегда и за все отвечала сама. Учиться в Питере, почти в тысяче километров от дома, провинциальной девочке было

непросто. И жить приходилось почти впроголодь, и в трудную минуту посоветоваться совсем не с кем. С высоты лет тогдашние ее заботы и проблемы казались смешными и совсем незначительными, но для семнадцатилетней Влады каждая из них приобретала размер катастрофы, и с каждой из них она разбиралась сама, одна.

Замужество и переезд в новый для нее город вслед за мужем. Рождение сына. Открытие собственного бизнеса, его развитие с нуля, в ситуации, когда ходить приходится фактически по минному полю. Бартеры и деньги в коробках из-под ксерокса. Как-то Влада Громова проехала одна в машине полстраны, везя в спортивной сумке на заднем сиденье миллион долларов. Сейчас она и сама не понимала, почему тогда даже не боялась ничего, отправляясь в столь опасное путешествие, но страха точно не было, только какой-то безумный драйв и уверенность в том, что она справится.

Иногда ей, сорокасемилетней Владиславе Игоревне Громовой, было безумно жаль тогдашнего драйва, безвозвратно утраченного с годами. Сейчас она продумывала и выверяла каждый свой шаг, все ее решения и поступки строились на холодной жесткой логике, и весь ее бизнес, хлопотный, высококонкурентный, был сопряжен с огромным количеством юридических тонкостей и, что греха таить, безусловной коррупционной составляющей, ибо в медицинское оборудование по всей стране государство вкладывало огромные деньги и желающие откусить изрядный куш от бюджетного пирога никак не переводились.

Среди них были и бывшие бандиты, перековавшиеся, конечно, в бизнесменов, но использующие старые подходы в решении проблем, и это наглядно показывала история, приключившаяся с Ирой Веретьевой. Но, что гораздо страшнее, среди них

были и представители самой власти, улыбчивые, рассуждающие о высоких материях, перерезающие красные ленточки с заботой о народе, а на деле готовые вцепиться в глотку и рвать на куски, не в силах остановиться при вкусе первой крови.

Владислава Громова умела вести переговоры и вступать в коалиции, она могла из любого свинства вырезать свой кусок ветчины, и делала это филигранно, меняя союзников и партнеров, наживая врагов и теряя друзей. За все в своей нелегкой жизни, выстроенной с нуля, она отвечала сама, постоянно балансируя на краю пропасти, за которым была бездна. Покачнись чуть сильнее – и упадешь без всякой надежды на спасение.

Никогда ни один мужчина в ее жизни, а было их, надо признать, немало, потому что она привыкла брать то, что ей нужно, без лишних рефлексий, не говорил Владе, что готов все контролировать и за все отвечать. Или она просто неправильно его поняла?

«Я тоже почти никогда не теряю над собой контроль, – ответила Влада, понимая, что сейчас наглым образом врет, потому что в данный момент совершенно точно себя не контролирует. – А еще я точно знаю себе цену. И редко что-то доказываю».

«Ничего не нужно доказывать и объяснять. Все и так чудесно», – ответил ей Владимир Радецкий.

Кажется, фразу о ее волшебном самообладании он пропустил мимо ушей как несущественную, да и вообще ушел из чата, оставив растерянную Владу в одиночестве. Сейчас она чувствовала себя как выброшенная на берег озера рыба, разевающая рот и раздувающая жабры в бесплотной попытке вдохнуть немного воздуха. Глупо она себя чувствовала, если честно, и это ощущение было для Владиславы Громовой незнакомым.

«Новый эмоциональный опыт», – пробормотала она себе под нос. Когда-то именно такими словами один из

ее любовников мимоходом охарактеризовал любовный треугольник, сложившийся внутри компании «Мед-Систем». Один из менеджеров, мужчина, разумеется, закрутил роман сразу с двумя сотрудницами и умело морочил им головы примерно с полгода.

Потом ловеласу все-таки пришлось определяться с пристрастиями, и если для одной девушки все закончилось свадьбой, а потому коварного изменника она легкомысленно простила, то для второй случившееся стало трагедией, со слезами, нервным срывом и увольнением из компании, потому что работать вместе со «сладкой парочкой» она, разумеется, больше не могла.

Влада сопереживала ей ужасно, мерзавца из фирмы уволила, потому что была убеждена, что нечистоплотность в личной жизни рано или поздно обязательно проявится и в отношении к работе. Если уж человек мерзавец, то навсегда. Ее же приятель, с которым она как-то за ужином поделилась своими мыслями, лишь пожал плечами, бросив мимолетную фразу про новый эмоциональный опыт, низведя тем самым трагедию до уровня простой житейской неурядицы.

С приятелем Влада рассталась, потому что душевной черствости не терпела. Отсутствие сострадания к постороннему человеку когда-нибудь вылилось бы в равнодушие по отношению к ней. Ждать этого не хотелось, поэтому Влада просто попросила больше не звонить, и все. Почему-то именно сейчас ей вспомнилась эта откровенная в своей жестокости фраза, потому что никакие другие слова не описывали ее состояние лучше.

Опыт так опыт. Ну и ладно. Посмотрим, что будет дальше.

Дальше, впрочем, ничего не происходило, телефон молчал, поэтому Влада, закусив губу, закончила

рабочие дела, накинула пуховое пальто, дутое, толстое, очень модное, купленное совсем недавно, а потому особенно любимое, и задумалась, что делать дальше.

Можно было поехать домой, выгулять собаку и завалиться перед телевизором, чтобы продолжить смотреть любимый сериал. Однако впереди были два выходных и масса свободного времени, кроме того, надетое с утра любимое платье так и не удалось «выгулять», поэтому, немного подумав, Влада решила отправиться не домой, а в ресторан.

Самым любимым ее заведением общепита был ресторан «Буррата», принадлежащий известному в их городе бизнесмену Феодосию Лаврецкому. Попасть туда в пятницу вечером без предварительной записи было практически нереально, но компаньоном Феодосия был муж Иры Веретьевой, а потому вопрос со столиком решался одним телефонным звонком, который Влада и сделала.

Взяв с подоконника сумку и перчатки, она выключила свет, поставила офис на сигнализацию и заперла дверь. В ресторан она приехала в состоянии какой-то непроходящей легкой задумчивости, но волевым усилием заставила себя выкинуть из головы любые мысли. Вкусную еду, бокал белого вина и приятную живую музыку она точно заслужила.

То, что ей придется ужинать в одиночестве, Владу совершенно не напрягало. Ей было достаточно своего общества, не тяготила необходимость оставаться наедине с собой, потому что со своим внутренним миром она находилась в полной гармонии. Влада действительно знала себе цену, не позволяя никаким внешним факторам сказываться на своей самооценке. Если ты королева, то вполне можешь себе позволить поужинать одна. Правда, довольно быстро выяснилось, что у вселенной на нее сегодня другие планы.

- Влада, привет, - услышала она, с удобством расположившись за оставленным для нее столиком в самом углу ресторанного зала и пристроив сумку на специальный низенький стульчик. Это было удобно, и в других ресторанах Владе такого приспособления теперь всегда не хватало.

За соседним столиком восседала Инна Полянская, самая известная в их городе журналистка. С Инной Влада сотрудничала на взаимовыгодных условиях. Ее специалисты мониторили систему госзакупок, а потому подбрасывали журналистке лакомые кусочки для будущих статей, поскольку спрятанные в технических заданиях схемы, фирмы и возможный профит Влада видела насквозь. Разумеется, Инна за наводку была благодарна, в свою очередь создавая фирме «Мед-Систем» образ успешной, прозрачной, социально ответственной, а главное - крайне экспертной компании, благодаря чему Влада получила уже не одного выгодного нового партнера.

- Добрый вечер, Инна, вот не ожидала тебя здесь увидеть, - искренне улыбнулась она. - Но я рада.

- И я. Ты одна или кого-то ждешь? Если у тебя намечается романтический вечер, то не буду мешать. И никому не скажу, - журналистка лукаво улыбнулась.

Она всегда оставалась сама собой, собирая любую информацию по крупицам и откладывая ее в дальние закутки памяти, чтобы вытащить в нужный момент как недостающий кусочек пазла. Влада не сомневалась, что ее спутника, если бы он был, Инна просканировала и запомнила бы обязательно.

- Нет, я одна. Решила, что имею право побаловать себя мясом от шефа, которое здесь просто волшебное. А ты?

- Ты что, - в голосе Инны засквозило веселое недоумение, - забыла, что местный шеф - мой зять? Это практически мой домашний ресторан, и волшебное мясо

я здесь получаю всегда, когда захочу. Настя позвала поужинать, видимся редко. У нее пятый курс, диплом, да и работы полно. Я тоже вся в делах, как всегда. Вот, завели полезную привычку выбираться в ресторан хотя бы иногда.

Настя, дочка Инны Полянкой, была вторым знакомым Владе человеком, три года назад попавшим в детективный переплет. До этого Влада, любившая читать и смотреть детективы, была уверена, что все это творческий вымысел, не встречающийся в реальной жизни. Лихие девяностые с настоящими бандитами остались в прошлом, нынешние лощеные коррупционеры для детектива не годились совершенно, потому что были плоскими и скучными, как стертый пятак.

Однако в жизни Иры Веретьевой и Насти Пальниковой случились настоящие криминальные истории со злонамеренными убийцами, интригой, а в случае Насти еще и с похищением^[2], и это вызывало у Влады любопытство. Каково это – оказаться внутри детектива? Но спрашивать она стеснялась, не желая ненароком причинить боль неприятными воспоминаниями.

– Раз ты одна, пересаживайся за наш столик, – предложила Инна. – Настя задерживается, у них в адвокатской конторе редко рабочий день заканчивается вовремя. Я уж приготовилась скучать в одиночестве, но тут мне тебя бог послал.

– Конечно, – легко согласилась Влада, обрадовавшись неожиданной компании.

Несмотря на то что она была готова провести вечер в одиночестве, непонятно откуда поселившееся в душе беспокойство требовало отвлечения, а для этих целей Инна Полянская, то есть журналистка Инесса Перцева, подходила как нельзя лучше. Она владела огромным

количеством самой разной информации, и с ней было очень интересно разговаривать.

– Что нового? – спросила Влада, пересев за соседний стол. – Над чем сейчас работаешь? Нет, постой, давай угадаю: над двойным убийством в областной больнице.

– Конечно, – засмеялась Инна, – такая история богатая, что грех пройти мимо. А ты, я вижу, тоже в курсе.

– Весь город в курсе, – пожала плечами Влада. – Но моя фирма к тому же сейчас работает в больнице как на объекте. Поэтому, сама понимаешь, интерес двойной.

– О, вот нашелся и еще один источник информации, – засмеялась Инна. – Ты уж, по старой дружбе, позвони, если что-то интересное увидишь или услышишь.

– Хорошо, хотя слова «еще один» показывают, что с источниками информации у тебя и так все в порядке.

– Как всегда, как всегда, – не без некоторого самодовольства сказала Полянская. – Но в этот раз все оказалось вообще круто. Вот уж никак не ожидала, что моим основным источником окажется Радецкий.

– Кто? – глупо спросила Влада, чувствуя, что у нее обрывается сердце.

– Владимир Николаевич Радецкий. Представляешь, сам позвонил мне утром и назначил встречу. Я так обалдела, что не могла ногой в брючину попасть, когда одевалась.

– Где одевалась? – Влада чувствовала, что бьет какие-то неведомые рекорды тупости.

Бурная фантазия, с юности доставлявшая ей массу проблем, ибо за сотые доли секунды Владислава Громова умудрялась представить то, чего нет, в малейших деталях, поверить им и расстроиться, уже рисовала картину, как Инна Полянская надевает брюки, вылезая из постели Владимира Радецкого. Инна с легким недоумением посмотрела на нее.

- Где я, приличная замужняя женщина, могу одеваться утром? Дома, разумеется. Он позвонил - еще восьми не было, из машины, по дороге на работу. Ну, я, естественно, быстро собралась и поехала в больницу. Это ж эксклюзив. Не говоря уже о том, что вообще-то Радецкий терпеть не может журналистов и никогда с ними не общается. А тут сам попросил приехать. Любой бы с места сорвался и побежал, роняя тапки.

- И что он тебе рассказал? - в голосе Влады зазвучало неподдельное любопытство.

Инна оценивающе посмотрела на нее, видимо прикидывая, стоит проявлять откровенность или нет.

- Ладно, расскажу, но только, Влада, ты же сама понимаешь, что это очень закрытая информация.

- Конечно, понимаю. И уверяю тебя, что никому не расскажу, тем более что других знакомых журналистов, кроме тебя, у меня все равно нет.

- В общем, Радецкий узнал, что Нежинская вернулась в наш город из Москвы, куда уехала двадцать лет назад, всего за десять дней до убийства.

- Нежинская - это кто?

- Ох ты боже мой. Это бабка, которую подушкой задушили.

Нет, у Инны Полянской не было ни малейшего уважения к старости.

- В общем, когда-то она была женой советского партийного бонзы, я даже фамилию такую смутно помню, хотя архивы, конечно, все равно поднимать придется. И ее муженек имел какое-то отношение к распродаже военных самолетов с военной базы в Аксеново. Якобы он с другими участниками этой аферы заработал какие-то огромные миллионы, а потом то ли умер, то ли еще что-то случилось, но деньги эти он бабке оставил. Понимаешь?

- Не совсем, - честно призналась Влада. - Ты же сама говоришь, что это более двадцати лет назад было.

Что, кто-то ждал, пока эта самая Нежинская в город вернется, чтобы ее миллионы забрать? Странно это. Было проще ее сразу убить, а не ждать невесту сколько.

– Странно, – покладисто согласилась Инна, – именно поэтому Радецкий не уверен, что следствие вообще примет во внимание эту версию. И в общем-то прав. Я после разговора с ним поехала к Ваньке Бунину, ты же знаешь, мы нежно дружим много лет, и повиныюхивала, чего и как. Полиция действительно склонна считать, что основной жертвой была медсестричка, а бабушку укололи только потому, что она оказалась в ненужный момент в неправильном месте.

– Может, так оно и есть?

– Может, разумеется, но эту версию следствие отрабатывает как основную. И делает это на вполне себе профессиональном уровне. Что я, Ваньку не знаю. И пока они роют в этом направлении, мне никто не мешает посидеть в архивах, поискать описание событий четвертьвековой давности, что там была за история с самолетами, куда они подевались, почему Нежинский помер, а жена его в столицу переехала. Глядишь, и узнаю что-то полезное, что потом можно веером козырных карт на стол перед Ванькой и его орлами выложить. Опять же перед Радецким я в небольшом долгу, не могу ему отказать в столь незначительной просьбе. Да мне и самой любопытно, если честно.

Их необыкновенно интересный разговор прервался с приходом Насти. Влада не видела девушку довольно давно и должна была признать, что та стала еще красивее. Замужество придало ее чертам какую-то спокойную уверенность. В памяти Влады Настя была порывистой, как породистый конь.

Она так горячо пыталась доказать, что не является тенью своей знаменитой матери, а сама что-то из себя представляет, что это чуть не закончилось бедой. Спасший ее Денис Менделеев, тот самый шеф-повар

ресторана «Буррата», вернул девушке веру в собственные силы, после чего она стала гораздо спокойнее, перестав наконец соревноваться с матерью. И эта перемена явно пошла ей на пользу.

– Прекрасно выглядишь, – сказала Влада, поздоровавшись.

– Спасибо, вы тоже, – вежливо ответила девушка.

– Я пригласила Владиславу Игоревну присоединиться к нам, чтобы не скучать одной, – сказала Инна.

– Да, конечно, очень приятно.

Втроем они провели действительно приятный вечер. И Инна, и Настя были прекрасными собеседницами, рядом с которыми не чувствовалось ни малейшего напряжения. Блюда, приготовленные Денисом, были выше всяких похвал. Один бокал вина, который Влада, будучи за рулем, могла себе позволить, оказался именно таким, как она любила. Музыка играла негромко, не мешая беседе, и даже постоянно снующие вокруг люди (ничего удивительного, что в пятницу вечером ресторан пользуется такой популярностью, не было) не мешали и не раздражали.

– Чья это сумка? – вдруг услышала Влада, но даже не повернулась, поскольку никогда не реагировала на то, что не имело к ней отношения. – Граждане, тут чья-то сумка упала, и из нее все рассыпалось.

– Ой, Влада, это же твоя, – сказала вдруг Инна, в отличие от Громовой сидевшая лицом к ее бывшему столику. – Ты, пересаживаясь, сумку там оставила, а она упала.

Точно, пересев на соседний стул, Влада забрала с собой только телефон и номерок из гардероба, которые лежали на столе, совсем забыв о своей пепельно-розовой сумке внушительных размеров. У нее все сумки были такими, чтобы влезало все необходимое. Вот только рассыпаться из нее ничего не могло, потому что

все содержимое всегда было разложено по разноцветным косметичкам.

Она повернулась и увидела, что на полу под соседним столом действительно лежат две из них – красная и зеленая, с лекарствами и косметикой, но рядом почему-то валялось содержимое желтой: ключи от машины и от квартиры, флешка, пилочка для ногтей, медицинский респиратор, ручка и еще какие-то мелочи, которые она совала внутрь специально отведенной для этого косметички, которую разбирала примерно раз в месяц.

То, что все это валялось прямо на полу, могло означать только одно – в сумку, а потом и в косметичку кто-то влез, воспользовавшись тем, что Влада оставила вещи без присмотра. Вообще-то в сумке лежал еще и кошелек, и оставить ее без внимания было верхом головотяпства. Ругнувшись на себя и свое странное состояние, ставшее причиной несвойственной ей беспечности, Влада полезла под стол собирать свое добро. Большая кожаная синяя косметичка, скорее даже папка, в которую Влада складывала документы, тоже оказалась открытой, зато кошелек был на месте, впрочем как и все остальное содержимое.

– Пропало что-нибудь? – спросила Инна.

– Если пропало, то я Дениса вызову, надо будет в полицию, наверное, обратиться, – поддержала ее Настя.

– Нет, на первый взгляд, все на месте, – немного нервно ответила Влада, вернулась на стул, еще раз придирчиво покопалась в содержимом сумки, привела там все в порядок и убедилась, что ничего не пропало. – Я просто не закрыла отделения, по которым у меня все разложено. Обычно так не делаю, но последние два дня все вообще очень странно, поэтому я даже не удивляюсь.

После этого маленького происшествия они выпили чаю с очень вкусными десертами, которые в «Буратте»

тоже были на высоте, и распрощались, весьма довольные друг другом. Садясь в машину, Влада боковым зрением заметила какую-то знакомую фигуру и вгляделась получше. Через три машины от нее в свой автомобиль усаживался Олег Тихомиров. Странно, в ресторане Влада его не видела.

Впрочем, как именно заместитель главного врача по хозяйственной части проводит свой досуг, ее совершенно не интересовало. Часы показывали начало десятого, дома уже наверняка нетерпеливо ждал прогулки Беня, поэтому Влада подавила возникшее вдруг желание прокатиться по пустым вечерним улицам, сделав несколько кругов по городу, и поехала прямо домой.

Езда за рулем всегда успокаивала ее, отвлекая от неприятных мыслей. Вот и сейчас, несмотря на вполне приятный вечер, она вновь чувствовала какое-то странное, идущее изнутри чувство, названия которому не знала. Не тревога, не волнение, не печаль, не ожидание. В голове вдруг опять всплыло слово «предвкушение», и Влада покосилась на телефон, который, разумеется, молчал.

Искушение залезть в WhatsApp и проверить чат с Владимиром Радецким оказалось сильнее голоса разума. Тот почему-то вообще отключался, когда речь заходила об этом человеке. Он был в сети, и Влада тут же испытала острый укол разочарования оттого, что он общался с кем-то другим, не с ней.

«Не в себе ты, матушка, не в себе, – сердито сказала она вслух и бросила бесполезный телефон на соседнее сиденье, – таблеточек тебе надо попить каких-нибудь. От нервов».

Оказавшись дома, она немного успокоилась, потому что привычная атмосфера квартиры, где все было сделано под хозяйку, соответствуя ее взыскательному вкусу, всегда приводила ее в умиротворение. Сняв

наконец свое шикарное, совершенно бесполезное платье, она натянула спортивный костюм, привычным жестом собрала волосы в хвост и отправилась гулять с изнывающей уже собакой, на морде которой явственно читалось нетерпение.

– Сейчас, малыш. Сейчас пойдем, – виновато сказала она псу. – Извини свою хозяйку, которая шатается по ресторанам, не думая, что кто-то сильно хочет писать. Я обещаю, что больше так не буду.

Помня свой взявшийся ниоткуда вчерашний страх перед неосвященным берегом реки, она пошла в другую сторону, по улице, вдоль которой стояли дорогие частные особняки. Сооруженный в стороне от основных магистралей новый микрорайон был надежно спрятан от людских глаз. Влада была уверена, что большая часть горожан понятия не имела о масштабах развернувшегося тут строительства. Она помнила, как удивилась Инна Полянская, когда Влада привезла ту в гости, показать новую квартиру, в которую только что переехала, и по дороге упомянула о столь любопытном соседстве. Ее дом и такие же соседние здания стояли на самом виду и благодаря своей элитности не раз становились темой для обсуждения в интернете. А эти особняки оставались словно скрытыми под некоей паранджой, придававшей им невидимость.

До этого подобную приватность обеспечивал лишь один микрорайон в их городе – «Сосновый бор», доступ в который ограничивался шлагбаумом. Попасть туда могли только жильцы и их гости по специально оформленному приглашению. Но здесь все было совершенно иначе, потому что отдельной территории и шлагбаумов не имелось, только поворот на неприметную улицу, деревянные бараки на которой за последние пять лет полностью сменились очень дорогими, а оттого с виду скромными и неприметными особняками. Только опытный взгляд мог оценить их

стоимость. Взгляд Влады был опытным. Ну, и Инны, разумеется, тоже. Та, когда отошла от шока, выяснила фамилии всех, кто тут живет, и положила на дальнюю полочку памяти, авось пригодится.

Улица была неприметной, но довольно широкой, хорошо очищенной от снега и ярко освещенной. Идти по ней оказалось одним удовольствием. Влада и бродила почти час, решив заменить автомобильную прогулку пешеходной. Обрато она повернула только тогда, когда Беня начал особенно выразительно вздыхать, а еще присаживаться на толстую мопсячью попу, всем своим видом давая понять, как сильно он устал.

Уходя на прогулку, ставить квартиру на сигнализацию Влада, разумеется, не стала. Она и уезжая на работу, делала это не всегда. Иногда машинально нажимала на кнопку охраны, иногда нет, ответственно подходя к безопасности собственного жилища только тогда, когда уезжать приходилось на несколько дней, сдавая Беню домработнице.

Войдя в квартиру, она присела у порога, чтобы вытереть от налипшего снега Бенины лапы и снять намерзшие между пальцами сосульки, доставлявшие ее чувствительной собаке явный дискомфорт. Полотенце лежало рядом, на маленькой скамеечке, и, потянувшись за ним, Влада вдруг увидела чуть дальше на одной из плиток пола не растаявшую до конца кучку снега.

Она не могла оставить ее, когда пришла с работы и переодевалась, чтобы вывести собаку. Она просто не заходила так далеко, снимая уличную обувь на коврик у порога и тут же убирая ее в шкаф, на специально отведенное место. Снег упал с ботинок кого-то, кто ходил по квартире, не снимая обуви, и было это совсем недавно, потому что иначе он бы успел растаять, оставив в лучшем случае лишь лужицу. А вдруг этот неизвестный все еще в квартире?

Холодок, впервые появившийся в груди во время вчерашней прогулки, снова вернулся, разрастаясь, разбухая, заполонил собой всю грудную клетку, мешая дышать, словно горло забило тем самым снегом, что таял сейчас на полу. Влада покосилась на Беню, который совершенно спокойно сидел, вывалив набок розовый язык, и ждал, пока хозяйка наконец соизволит заняться его многострадальными лапами.

Пусть и давно, но все-таки преданный людьми, ее пес до истерики не любил и боялся чужих, подозревая каждого проходящего в дом незнакомца в том, что тот заберет его из этой замечательной сладкой жизни, в которой можно и объедаться вкусностями и, развалившись кверху пузом, дрыхнуть на диване в гостиной и кровати в хозяйской спальне. Именно поэтому всех чужаков Беня облаивал, срываясь в визг и истерику, и успокаивался только после длительных уговоров хозяйки и выдачи гостем какого-то лакомства.

Сейчас он молчал, не показывая ни малейших признаков беспокойства, из чего можно было сделать осторожный вывод, что незванный посетитель, кем бы он ни был, уже покинул квартиру. Ключи от нее имелись только у Влады, ее сына, с которым она разговаривала с работы и который совершенно точно находился в Москве, запасной хранился в офисе, и еще один был у домработницы.

Та приходила сегодня днем, это Влада знала совершенно точно, потому что Надежда позвонила, чтобы сказать, что закончила, и Влада перевела ей деньги, как делала всегда. Могла она вернуться вечером, потому что забыла что-то? Наверное, да, хотя, скорее всего, предупредила бы о неурочном визите. Могла она пройти по вымытому ею же коридору, не сняв ботинок и оставив снег на полу? Нет, ни за что на свете.

Вытерев Бене лапы и отпустив наконец собаку, Влада быстро разделась, сунула ноги в тапочки и

отодвинула дверцу шкафа, чтобы повесить на место пуховик. В шкафу царил, конечно, не кавардак, но все-таки вещи лежали не так, как она их оставляла. Кто-то рылся там, потому что что-то искал. Когда Влада, переодеваясь, вешала в шкаф пальто и доставала куртку, в нем царил идеальный порядок. Итак, она права, кто-то побывал здесь в тот промежуток времени, пока она гуляла с Беней.

В мыслях она возблагодарила бога, что сегодня ей пришла в голову блажь подышать свежим воздухом. Думать, что было бы, вернись она, пока злоумышленник еще оставался в квартире, не хотелось. Восстановив в шкафу нужный порядок, она пошла по комнатам, пытаясь понять, пропало ли что-нибудь, и спустя пятнадцать минут пришла к невероятному выводу, что странный визитер обыскал только прихожую и гардеробную, да и то не очень тщательно, словно искал что-то конкретное и достаточно крупное. И что это, интересно знать, такое? А главное, как неизвестный попал внутрь?

Она вспомнила упавшую на пол в ресторане сумку, из которой высыпалось ее содержимое, изначально аккуратно разложенное по разным косметичкам. В том числе и ключ. Можно ли было успеть незаметно сделать слепок, потом выточить по нему ключ и, дождавшись, пока она вернется из ресторана, снимет квартиру с сигнализации и уйдет на прогулку с собакой, быстро проникнуть внутрь? Теоретически да, но для этого нужно было иметь просто стальные нервы. Хотя откуда ей знать, может, неведомый враг вполне ими обладает.

Странно, но в ресторане она не заметила никаких манипуляций у соседнего столика. Если кто-то и обыскивал ее сумку, чтобы снять слепок с ключа, то сделал это так профессионально, что не привлек внимания – ни ее, ни, что гораздо важнее, Инны Полянской, которая мало того, что обладала

потрясающей способностью замечать детали, так еще и сидела лицом к злополучному столику. Что ж, надо признать, что внезапный неприятель – профессионал, и удвоить бдительность. Первым делом – врезать новый замок. Вторым – не оставлять квартиру не на сигнализации, даже если выходишь вынести мусор.

По большому счету, нынешняя ситуация не вызывала у нее удивления. Именно сейчас «Мед-Систем» находился в стадии подготовки к борьбе за два крупных контракта, на кону стояли полмиллиарда, поэтому неожиданных поползновений в свой адрес от конкурентов Влада вполне себе ожидала. Вот только что можно искать в ее квартире, если все важные документы и материалы хранятся в офисе?

Впрочем, за офис можно было не переживать. Она точно помнила, что, уходя, сдала его на охрану, а значит, при малейшем сигнале тревоги специально обученные люди приедут на объект в течение трех минут. Да и в бумагах в офисе, по большому счету, тоже не было ничего столь важного, чтобы за этим охотиться.

Обойдя всю квартиру, Влада окончательно убедилась, что в ней никого чужого нет. Покормив собаку, которая тянулась за ней хвостом, явно не понимая странного пренебрежения хозяйки, она наконец сходила в ванную комнату, смыла с лица косметику, постояла под горячим душем, потому что холод внутри перешел в озноб, натянула любимую пижаму и улеглась в кровать. Часы показывали пятнадцать минут первого.

Для Влады время было еще «детским», но сегодняшний день так эмоционально вымотал ее, что, немного подумав, она выпила таблетку успокоительного, которое на всякий случай держала в прикроватной тумбочке, выключила свет и тут же уснула, словно выключилась. Снился ей Владимир Радецкий, и настолько неприлично, что около двух

часов ночи Влада пробудилась, тяжело дыша. Озноб, донимавший ее в течение вечера, сменился жаром, который заливал тело от макушки до пяток, особенно концентрируясь в тех местах, где и положено после неприличного сна. Да что ж такое-то.

Влада вылезла из кровати, сходила на кухню, чтобы достать из холодильника бутылочку с холодной газировкой. То, что с ней происходило, не поддавалось логике, а Владислава Громова не любила, когда чего-то не понимала.

«Возраст, матушка, – сказала она вслух. Голос в темноте пустой квартиры прозвучал тонко и как-то жалобно, – возраст и связанный с ним гормональный сбой. Успокойся и прекрати вести неравный бой с надвигающейся старостью». Несколько глотков ледяной воды привели ее в чувство, перестало бешено колотиться сердце, начали подмерзать босые ноги. На цыпочках Влада вернулась в спальню, залезла под одеяло и снова уснула. До самого утра никакие сновидения ее больше не тревожили.

* * *

Владимир Радецкий не любил понедельники. Лентяем он не был, работу неизбежным злом не считал. Он вообще ее ценил – свою выматывающую, зачастую неблагоприятную, трудную, но такую необходимую людям работу, и делал ее хорошо и знал об этом, не нуждаясь больше ни в чьем одобрении или признании. Он вообще все про себя знал, и удивить его чьей-то любовью или, наоборот, ненавистью было невозможно.

И все-таки понедельники он терпеть не мог, потому что именно в этот день проходили все нудные, долгие и зачастую бессмысленные планерки с Минздравами – федеральным и региональным, на которых в очередной

раз приходилось убеждаться, как «узок был круг этих людей, страшно далеки были они от народа». Кажется, так говорил вождь мирового пролетариата, и ничего ведь не изменилось за сотню с лишним лет.

Выходные Радецкий провел как и планировал – с удовольствием. В субботу с утра сел в машину и уехал в Питер, где пообщался с дочерью, пообедал с ней в ресторане, сходил на концерт (в этот раз это был джаз), переночевал на диване в купленной им же несколько лет назад, когда стало понятно, что в родной город ребенок точно не вернется, квартире, аккуратно выяснил, что замуж ребенок пока не собирается и делать его дедом тоже, облегченно выдохнул, потому что к подобным нововведениям был пока не готов, и в воскресенье с утра отправился в обратный путь, чтобы успеть проехать семьсот километров если не засветло, то хотя бы не в кромешной тьме.

На трассе он всегда отдыхал. Ему нравилось рулить, включив любимую музыку и позволяя мыслям свободно течь в голове. Почему-то в дороге он никогда не размышлял о чем-то плохом или просто раздражающем, только о приятном, приносящем удовлетворение, например о вчерашнем концерте, о том, что дочь стала совсем взрослой и что из нее получилась очень даже разумная барышня, за которую можно не волноваться.

Он думал о том, насколько хорошо они с машиной чувствуют друг друга, как будто автомобиль был его частью, третьей рукой, что ли. Иногда он говорил, что живет с бензином вместо крови, и по большому счету за город переехал жить только для того, чтобы иметь возможность два раза в день разгоняться, выплескивая адреналин.

Меньше ста пятидесяти он не ездил никогда, то и дело разгоняясь до ста семидесяти, благо BMW такой скоростной режим вполне допускал, обеспечивая должную безопасность. С того момента, как Радецкий

впервые смог позволить купить себе автомобиль такого класса, других марок он не признавал. Не из снобизма, нет, исключительно из личных пристрастий, в которых был постоянен.

В этот раз его мысли большую часть пути занимала Владислава Громова, а точнее, анализ того, связываться с ней или нет. По большому счету, он уже связался, перейдя в пятничных сообщениях ту тонкую грань, которая отделяла легкий флирт от прямого заигрывания. Он просто не ожидал, что она так легко примет эту игру, довольно быстро ставшую неприличной. Впечатления легкомысленной особы Громова не производила. Или он просто не все о ней знает?

По правде говоря, он вообще ничего о ней не знал, кроме того, что среди бизнес-партнеров у нее репутация акулы, а в среде заказчиков ее ценят, потому что она делает все быстро и не дерет втридорога. Это Радецкий знал и по себе, потому что в прошлом году у них в больнице сломался на тот момент единственный ангиограф, купленный в неврологическое отделение.

Заму по хозяйственной части было дано задание найти фирму, которая сможет починить оборудование в кратчайшие сроки, потому что больные-то ждать не могли, и такой «спаситель» быстро нашелся, запросив за свою работу полтора миллиона рублей и две недели на устранение неполадок.

Лишь по своей привычке все подвергать сомнению, а еще всегда и обо всем спрашивать как минимум в двух местах Радецкий тогда заставил зама позвонить в фирму «Мед-Систем», специалисты которой через час уже были в больнице и за пять дней устранили поломку. Ремонт обошелся в четыреста тысяч, и от столь ощутимой разницы Тихомиров едва не вылетел с работы. Радецкий небезосновательно подозревал своего зама в сговоре с первым исполнителем, вот

только доказательств у него не было ни одного, а сам Олег Павлович клялся и божился, что стал жертвой своей же расторопности и просто недоглядел.

Если вернуться к Громовой, то работала она хорошо, и, пожалуй, это было все, что Радецкий о ней знал. Даже убеждение, что она не замужем, зиждилось не на знании, а на случайной фразе кого-то из коллег, брошенной на одной из областных конференций. Мол, надо же, красивая же баба, а муж не выдержал характера, сбежал. С точки зрения Радецкого, мужчина, который сбегал, не выдержав женский характер, не мог считаться никем, кроме как слабаком. Но это было не его дело. До недавнего времени.

Он не мог избавиться от мыслей о Владиславе Громовой, и это было странно. А еще довольно опасно, потому что каким-то шестым чувством он знал, что легко не будет и просто тоже. Она не походила на женщину, относящуюся легко хотя бы к чему-то в жизни. А Радецкому не нужны были никакие сложности и трудности, ибо их у него в жизни и так было хоть отбавляй. Правильнее всего было остановиться, и, приняв такое решение по дороге в Питер, он только укрепился в нем по пути обратно и не писал ей все выходные, уговаривая себя, что это совершенно правильно. И разумно.

Он не любил понедельник, и этот не был исключением, потому что в больнице, оставленной без присмотра на два дня, произошла куча мелких неприятностей, разумеется несопоставимых с двумя убийствами, но все-таки требующих проявления начальственного гнева.

Гневался он, как и положено, в полном соответствии с ролью, с громами и молниями, и обе стороны знали, что это не то чтобы понарошку, но и не на полном серьезе, и что и проштрафившиеся, и наказывающие относятся друг к другу с уважением и внимательной

заботой. Радецкий действительно ценил и берег своих подчиненных, которые все как один являлись исключительными профессионалами. А случившиеся за выходные «косяки», так куда же без них.

Остался позади обход отделений и посещение реанимации, «разбор полетов» и планерка с замами, один из двух запланированных селекторов с региональным Минздравом (было страшно вспомнить, что еще два года назад все эти бесконечные совещания требовали физического присутствия и времени съедали в два раза больше). Предстоял еще один селектор – по цифровизации здравоохранения, теперь уже с федеральным министерством, где Радецкий числился экспертом, потому что в своей больнице эту самую цифровизацию и телемедицину наладил одним из первых.

Оборудуемая сейчас фирмой «Мед-Систем» гибридная операционная была последним шагом в этой цепи новшеств, которые он внедрял в своей больнице последние три года, и еще и поэтому все должно было пройти без сучка без задоринки, потому что на них, в прямом смысле слова, смотрела вся страна. Если не брать федеральные центры, разумеется.

До второго совещания оставалось пятнадцать минут, следовало успеть поехать, потому что дальше день был расписан тоже по минутам, как всегда по понедельникам, но, убеждая себя, что его действия вызваны исключительно желанием лучше подготовиться к селектору и быть готовым к ответу на любой каверзный вопрос, Радецкий не стал просить секретаршу придумать что-нибудь с едой, а взял телефон и отправил сообщение Владиславе Громовой: «Владислава Игоревна, добрый день! Что-то где-то как-то не сработало. Устраивает ли Вас тот документ, который я отправил Вам в пятницу? И когда мы сможем его обсудить?»

Она ответила сразу, как будто держала телефон в руках.

«Здравствуйте, Владимир Николаевич. По моей информации, сегодня мой отдел закупок составит дополнительную смету, и я смогу сказать, какие обязательства мы можем на себя взять. Думаю, что завтра буду готова обсуждать детали ваших пожеланий».

«Хорошо, тогда жду вас завтра. И главное – не бойтесь ваших желаний», – написал он. Кажется, в выходные он пришел к выводу, что ступать на тонкий лед не стоит.

«Я не боюсь», – сообщил телефон.

«Когда ваши мечты будут сильнее ваших страхов – они начнут сбываться».

«Это фактически мой девиз. Я всегда перевожу мечты в цель», – доложила Владислава Громова.

«Надеюсь, мы избежим разочарований в этой части. Если не будем тянуть кота за хвост еще несколько лет».

Продолжать хотелось и дальше, но установленный на компьютере зум показывал, что начинается селектор.

«Вынужден прерваться, потому что иногда все-таки работаю, – с сожалением написал он. – До скольких вам можно писать по вечерам, чтобы это было удобно?»

«До бесконечности. Обычно если я не сплю и не под наркозом, то отвечаю сразу», – быстро ответила она и тут же добавила: «Выходных тоже касается».

Так, значит, она ждала его сообщений в выходные. Что ж, это чудесно.

«Хорошо, я это учту. И буду находиться в том же режиме», – отстучал он, глядя, как на экране монитора на свое место усаживается министр здравоохранения, и отложил телефон в сторону.

Пока шел селектор, ему дважды звонила Инна Полянская. Несмотря на то что Радецкому было

интересно узнать, что именно удалось накопать настырной журналистке, он был вынужден скидывать ее звонки, ненавидя в этот момент и Минздрав, и цифровизацию, и все здравоохранение.

Над его головой все еще работала полиция. И в хирургии, и в кардиохирургии продолжались опросы сотрудников, люди дергались, работа стопорилась, и на данный момент найти убийцу было гораздо важнее всего остального, и почему-то Радецкий был уверен, что собранная Инной информация обязательно поможет.

Когда селектор наконец закончился, в приемной уже сидели люди. Некоторых он вызвал сам, другие пытались попасть на прием к главврачу, чтобы решить какие-то рабочие проблемы, и в этой деятельности не было и не могло быть мелочей, потому что из них складывался огромный живой организм, называемый областной клинической больницей.

Через сорок минут у Радецкого было назначено то самое совещание с Фондом обязательного медицинского страхования, которое на прошлой неделе пришлось отменить из-за убийства Ираиды Нежинской. И все-таки любопытство оказалось сильнее жесткого правила делать все вовремя и укладываться в график. Дав указание секретарше попросить людей в приемной подождать, он набрал телефон Полянской.

– Добрый день, Инна Сергеевна. Простите, не мог раньше ответить. Вам сейчас удобно говорить?

– Да, вполне, Владимир Николаевич, – откликнулась та.

– Вам удалось что-нибудь узнать?

– Да. Конечно, субботой пришлось пожертвовать и провести два часа в нашей областной библиотеке, но результат, ей-богу, стоил того, чтобы дышать газетной пылью. Впрочем, кроме подшивок, я еще перетряхнула свои связи в областном архиве, который открыли ради меня в выходной, так что плюсуем четыре часа, в

течение которых мне пришлось дышать еще и бумажным клещом.

– Инна Сергеевна, готов подарить вам небулайзер для ингаляций, поскольку уже начинаю чувствовать свою вину в нанесении вреда вашему здоровью, – усмехнулся Радецкий. – Мне очень неудобно, но у меня в приемной сидят четыре человека, которые рвутся со мной переговорить, поэтому давайте ближе к делу. Только не обижайтесь.

– Да бог с вами, Владимир Николаевич, я вообще необидчивая, – усмехнулась журналистка. – Тем более что про вашу занятость все прекрасно понимаю. Но и вы меня поймите, это довольно долгая история, поэтому я не смогу рассказать ее вам в двух словах. Давайте я лучше подъеду, когда у вас будет время.

Радецкий посмотрел на часы, потом на ежедневник, в котором все было расписано до половины седьмого вечера. Проклятый понедельник.

– Инна Сергеевна, приезжайте к половине седьмого, – сказал он, вздохнув. В неизвестности предстояло промаяться еще четыре часа. Впрочем, ему есть чем их занять. – Сможете?

– Смогу, – твердо сказала Полянская, у которой, он это знал, время никогда не делилось на рабочее и нерабочее.

Она потратила выходной день на то, чтобы просидеть, зарывшись с головой, в пыльные документы, и это показывало ее характер как нельзя лучше. Въедливость и готовность жертвовать личным временем были основой профессионализма, а профессионалов Владимир Радецкий ценил в любой сфере, не только в медицине.

Положив трубку, он вернулся к текущим делам, не испытывая ни раздражения, ни усталости. Работа должна быть сделана, причем хорошо. В конце концов, не одна Инна Полянская настоящий профессионал. До

половины седьмого он успел решить проблемы нескольких сотрудников, в том числе и личную – с переводом ребенка в детский сад, расположенный напротив больницы. Это было удобно для родителей, которые оба работали здесь и могли забирать ребенка по очереди.

Проблем с местами в детские сады в их городе в последнее время не существовало, но места предлагали там, где они имелись, везло еще, если рядом с домом. Вариант «рядом с работой» вообще не рассматривался, а молодой семье врачей было очень важно, чтобы сад находился рядом.

Их малыш-аллергик выдавал тяжелые приступы удушья на многие продукты, и иметь возможность в течение дня сорваться в садик через дорогу было не блажью, а необходимостью. Да и то, что рядом именно больница, тоже успокаивало и снимало постоянную тревогу за ребенка. Радецкий это понимал, мог помочь и сделал это, решив вопрос одним телефонным звонком. Почему нельзя было пойти навстречу родителям без нажимания на чиновничьи кнопки, он не понимал, но привык к тому, что телефонное право значит больше, чем основы человечности, и не рефлексировал по этому поводу, давно смирившись с тем, что справедливости в мире нет, а доброта и искреннее желание помочь встречаются не так часто, как хотелось бы.

Совещание с Фондом ОМС доставило ему еще меньше удовольствия, чем звонок в мэрию, но его результатами он тоже, в принципе, был удовлетворен. В конце декабря больница потратила средства, выделенные на январскую зарплату сотрудникам, на то, чтобы закрыть просроченную кредиторку.

Из-за пандемийных нововведений они уже второй год не вылезали из нее, потому что тратили больше, чем получали, забрав на себя весь поток экстренных

больных из других больниц, перепрофилированных под моногоспитали. И вот сейчас Фонд был готов возместить эту сумму. Не без поклонов и реверансов, разумеется, но и на этом спасибо. Поклоны и реверансы Радецкий исполнял мастерски, если это было нужно для дела.

После окончания всех совещаний он успел до прихода Полянской подписать кучу документов, громоздящуюся на столе. Конечно, это могло подождать, но Радецкий никогда не оставлял на завтра то, что можно было сделать сегодня. Он уже заканчивал, когда в кабинет заглянул Тихомиров. Секретарша уходила в половине шестого, оставляя дверь открытой, и этим частенько пользовались те, кто не мог поймать чересчур занятого главного врача в течение дня.

– Владимир Николаевич, я на минуту, можно?

Радецкий посмотрел на часы, до визита Полянской оставалось еще пятнадцать минут.

– Заходите, Олег Павлович, что-то срочное?

Заместитель маялся у входа, словно не решаясь зайти.

– Да я и сам не знаю, срочное или нет. Пока время точно терпит, но если сразу не отреагировать, то потом можем и не нагнать.

– Олег Павлович, вы чего мямлите, как девица перед первым свиданием? Что случилось?

– Да ничего пока не случилось, – в сердцах сказал Тихомиров и все-таки зашел в кабинет, словно в ледяную воду прыгнул. – «Мед-Систем» воду мутит, а все это может вылиться в срыв сроков по контракту. А дело-то государственное, и я вроде как за него отвечаю. Вот и встревожился.

– «Мед-Систем»? Мутит воду? – Радецкий удивился так сильно, что даже не встревожился. – И в чем это выражается? Они ж только в четверг на объект зашли.

- Да время они тянут, - с досадой махнул рукой Тихомиров. - В пятницу пробу в основании пола взяли. Говорят, что, пока она не будет готова, монтаж нельзя начинать. А срок экспертизы длинный. Владимир Николаевич, ну что там такого в полу может быть-то, если у нас ремонт сертифицированная фирма делала и все акты работ подписаны. Это ж бетон, не наркозный аппарат.

Признаться, про бетон Радецкий не понял. Какой нафиг бетон.

- Погодите, Олег Павлович, - сказал он. - Давайте по порядку. Монтаж оборудования начат или нет?

- Оборудование завезли, систему газов начали подводить, - неохотно подтвердил Тихомиров, - но к монтажу не приступали еще, потому что пробу бетона ждут, а это куча времени, а у нас на весь процесс три месяца сроку по контракту. Настройка же еще. А с телекоммуникационным оборудованием это же долго, как я понимаю.

- Олег Павлович, а тебе не надо это понимать, - сказал Радецкий, добавив холода в голос. - Это пускай специалисты понимают, а твое дело маленькое - смотреть за сроками и качеством работ, потому что ты правильно заметил, что числишься на этом проекте ответственным лицом. Итоговые документы, конечно, в результате я подписываю, но все промежуточные этапы - это твоя ответственность.

- Так я потому и волнуюсь...

- Олег Павлович, - голос Радецкого стал особенно задушевным, и только те, кто работал с ним давно, знали, что в такие минуты лучше со всех ног бежать как можно дальше, чтобы не попасть под расцветающие гроздья начальственного гнева. Уж лучше бы орал, честное слово. - Я с бетоном разберусь, раз вы сами не в состоянии. Спасибо, как говорится, за сигнал. Но вот то, что вы не в состоянии, меня удивляет до

невозможности. А я не люблю удивляться, вы же знаете.

– Знаю, – поник головой Тихомиров.

В дверном проеме появилась пришедшая на встречу Инна Полянская, создав легкое облако мехов, духов, мороза и туманов. Помахала рукой.

– А знаете, так идите работайте, ради всего святого. Ко мне вон люди пришли.

Тихомиров наконец тоже заметил Инну, слегка перекосясь, выражая неудовольствие, из чего Радецкий сделал вывод, что журналистку его заместитель по хозяйственным вопросам знал и ничего хорошего от ее визита не ждал. Интересно, почему бы это. Впрочем, попрощавшись, Тихомиров поспешил ретироваться, кивнув Полянской в знак приветствия и прощания одновременно. Она в ответ тоже слегка качнула головой, что можно было расценить и как «добрый вечер», и как «сто лет тебя не видеть».

– Еще раз здравствуйте, Владимир Николаевич, – сказала она, входя в кабинет.

Радецкий, как истинный джентльмен, поднялся к ней навстречу, пожал узкую руку, украшенную крупными, очень стильными серебряными перстнями.

– Добрый вечер, Инна Сергеевна, присаживайтесь. Чай, кофе?

– Минеральной воды без газа, если можно.

– Да, конечно.

Он достал из небольшого шкафчика, в котором хранилась посуда, сахар, конфеты и коробка печенья, бутылочку воды, стакан, поставил перед журналисткой, подумав, сварил себе кофе, сложно сказать, какую чашку за день. Обычно он их считал, поскольку был уверен, что разумная забота о здоровье в его возрасте уже не блажь, а норма, но сегодня сбился со счета. Проклятый понедельник.

– Слушаю вас, – сказал он, возвращаясь на свое место и делая маленький глоток, чтобы небольшой порции в чашке хватило если не на весь рассказ, то хотя бы на большую его часть. – Итак, что вам удалось узнать?

Не заставляя себя ждать, Полянская начала рассказывать.

В конце девяностых годов, в те времена, когда в стране творилась разруха и бандитский беспредел, воинские части жили не просто бедно, а в прямом смысле слова голодно. Чтобы выжить, продавали все, что плохо лежало, да и все, что лежало хорошо, продавали тоже. Потому что иначе военным и их семьям было просто не выжить.

Архивные документы хранили пуды информации о незаконной торговле списанной боевой техникой. В прессе того времени, свободной и безбашенной, можно было найти описание схем по продаже отправленных на «пенсию», но вполне себе работоспособных танков, пушек, вертолетов и военных кораблей, в том числе даже авианосцев, с которых не было снято секретное оборудование.

В 2000 году небольшой скандал, впрочем довольно быстро замятый, прокатился и по их области. Военной прокуратурой было возбуждено уголовное дело в связи с незаконной продажей сверхзвуковых истребителей-перехватчиков МиГ-31, базировавшихся на аэродроме военной базы Аксеново.

Если верить тому, что Инна Полянская нашла в подшивке своей же газеты «Курьер» за 2000 год, четыре двухместных высотных всепогодных истребителя 1970 года выпуска были списаны на военной базе за два года до этого, по документам, разобраны на запчасти, которые и хранились на территории воинской части в специально выделенном для этого ангаре.

МиГ-31 был предназначен для перехвата и уничтожения воздушных целей на предельно малых, средних и больших высотах, днем и ночью, в простых и сложных метеоусловиях, при применении противником активных и пассивных радиолокационных помех, а также ложных тепловых целей. Группа из четырех таких самолетов могла контролировать воздушное пространство протяженностью по фронту до 1100 км. И именно от этой «боевой четверки», якобы пришедшей в негодность, и избавилась воинская часть в Аксеново.

– А на деле? – спросил внимательно слушающий Радецкий.

– А на деле машины были во вполне себе боеспособном состоянии в момент списания и, разумеется, никто даже и не думал их распиливать и разбирать. В ходе проверки, которая прошла на базе в 2000 году, как раз накануне того, как эта история и попала в газеты, выяснилось, что все четыре самолета были проданы некоей подмосковной компании «Металлснаб» по цене лома абсолютно целыми, с двигателями и вооружением. Перед продажей была приглашена фирма-оценщик, которая оценила каждую машину в сто семьдесят пять рублей. При этом рыночная цена каждого истребителя составляла в тот момент более ста миллионов рублей.

– Сколько? – воскликнул Радецкий.

– Если быть совершенно точной, то сто шестнадцать миллионов, – спокойно сказала Инна. – Я, если честно, когда читала все эти документы, у меня прямо сердце заныло. Это ж какой прекрасный скандал, какую вкусную статью из этого всего можно было сделать.

– А ту статью в «Курьере» писали не вы?

– Нет, я пришла в газету пять лет спустя и до сего момента ничего про этот скандал не слышала. Поэтому страшно вам, Владимир Николаевич, благодарна, что вы

меня посвятили в эту историю. Интересно же до невозможности.

– Действительно интересно, хотя и непонятно, какое отношение это может иметь к тому, что происходит сейчас, спустя двадцать с лишним лет. И что было дальше?

– Четыре самолета были заявлены на аукционе по стартовой цене в сто семьдесят пять рублей. Затем они были проданы «Металлснабу» без повышения стоимости, то есть государство получило семьсот рублей за боевую технику в рабочем состоянии, которая на черном рынке могла быть перепродана почти за полмиллиарда.

– Красиво, – оценил Радецкий. – И что, кто-нибудь сел?

– В том-то и дело, что нет – воскликнула Инна. – Изначально, разумеется, было возбуждено уголовное дело по статье 159 УК РФ («Мошенничество»). Основным фигурантом проходил командир воинской части полковник Александр Корнилов. Именно он занимался списанием и реализацией военного имущества, и его подписи стояли на всех документах. Однако действующий в то время военный прокурор, которого звали Сергей Ветюков, закрыл дело за отсутствием состава преступления. Все документы оказались сделаны так, что комар носа не подточит. По бумагам самолеты были списаны и разобраны, продавали на аукционе официально лом, а то, что это целые боевые машины, утверждали лишь свидетели, служившие на базе. К концу следствия все они отказались от своих показаний, заявив, что оговорили Корнилова из личной неприязни.

– Неудивительно.

– Да, совершенно неудивительно.

Инна продолжала свой рассказ. Надо отдать ей должное, словом она владела хорошо, говорила

красочно, бегло, без пауз. Радецкому даже казалось, что он не слушает, а смотрит кино, не отрываясь следя за событиями на экране. За правду продолжал биться только один из офицеров, который и обратился в газету «Курьер». Звали его Михаил Суриков. Инна выписала одну из его цитат.

«Задача государства – наладить строгий госконтроль за утилизацией списанной боевой техники. На данный момент нужно признать, что сделать это так и не удалось. Этим и пользуются преступники, торгующие военным престижем страны. Я считаю своим долгом открыть глаза на то, что сейчас вооружение сотнями и тысячами боевых машин отправляют в утиль. На списанных самолетах остаются приборы, за которыми в прямом смысле слова ведут охоту иностранные спецслужбы. Они по дешевке покупают все, что можно, через подставных лиц, разумеется. И никто им не противостоит. Почему до сих пор не созданы специальные комиссии, которые подетально описывали бы выставленные на продажу боевые машины, чтобы дать заключение, можно их продавать или нет и по какой цене? Система контроля за решением таких вопросов полностью развалена», – с горечью говорил Суриков.

– И что было дальше? – спросил Радецкий.

– Уголовное дело закрыли, Корнилов вышел в отставку и вместе с семьей уехал из военного городка. Очень быстро на пенсию вышел и военный прокурор Ветюков, который тоже в нашем славном городе не остался, как вы понимаете. Можно сказать, что не повезло только правдорубу Сурикову. Спустя два месяца после того, как он давал интервью «Курьеру», его сбила машина. Через два дня он скончался в больнице. Кстати, в этой.

Радецкий пожал плечами.

– В 2000 году я здесь еще не работал, а был простым военврачом, служившим в военном госпитале и мечтавшим о возвращении в науку и докторской диссертации. Впрочем, все это, конечно, очень интересно, только совершенно непонятно, при чем тут Нежинская. То, что эти мерзавцы нагрели государство на полмиллиарда рублей, очевидно, вот только могла ли эта старая и покрытая архивной пылью информация спустя двадцать лет стать поводом для убийства?

– В том-то и дело, что да, – торжественно сказала Полянская. – Просто это вторая часть истории. Конечно, продажа четырех военных истребителей была той еще аферой, и, как и в любой махинации, обязательно были те, кто на этом заработал. Более того, вряд ли командир военной части в Аксеново был мозгом всей операции. У него эти самолеты списанными и неразобранными стояли два года, а это значит, что Корнилов не мог самостоятельно выйти на покупателя. Тем человеком, который организовал и провернул всю сделку, а главное – вывел полученные от нее деньги на безопасный счет, был бывший второй секретарь обкома, потом заместитель губернатора, к тому моменту окончательно переквалифицировавшийся в бизнесмена Андрей Леонидович Нежинский.

– Да, примерно так убиенная Ираида Сергеевна и рассказывала случайной знакомой из соседней палаты, – задумчиво согласился Радецкий. – Неужели вы нашли подтверждение этому факту?

– Если бы эта сделка века проворачивалась сейчас, то было бы, разумеется, проще, потому что следы всего есть в интернете. В начале двухтысячного года, к сожалению, следов практически не оставалось, но в архивах есть все, надо только уметь искать, а я умею, – без тени ложной скромности заверила Полянская.

– Не сомневаюсь, – Радецкий позволил себе усмехнуться.

- Я нашла документы, свидетельствующие, что в августе 2000 года, когда вся шумиха с проверкой в воинской части и заведенным уголовным делом была позади, подмосковная компания «Металлснаб» перевела зарегистрированной в нашем городе фирме «Беркут» 400 миллионов рублей. Деньги поступили тремя траншами. Как мы помним, выгода от липового аукциона могла составлять примерно полмиллиарда, так что оставшиеся на счету «Металлснаба» сто миллионов, скорее всего, были платой за посредничество.

- Двадцать процентов? Нехило.

- Да, в наши дни о такой марже остается только мечтать, но в те годы это была вполне себе нормальная сумма за услуги такого рода. Я специально посмотрела курс валют на август двухтысячного. Доллар торговался грубо по двадцать восемь рублей, таким образом, лихая компания, замутившая всю эту сделку, получила на счета «Беркута» около четырнадцати миллионов долларов. Согласно открытым базам данных, единственным учредителем и директором «Беркута» был Андрей Нежинский.

- Один списал самолеты, второй сделал так, чтобы уголовное преследование закончилось ничем, а Нежинский вывел деньги и спрятал их на счетах в швейцарском банке. Так рассказывала Ираида Сергеевна Нежинская. Получается, что речь шла ни много ни мало о четырнадцати миллионах. Зеленью. Нехилая сумма, что тогда, что сейчас. Если бенефициаров было действительно трое, то получается по четыре с половиной миллиона баксов на каждого.

- Ну, совершенно не факт, что они делили деньги поровну, - мудро заметила Полянская. - Думаю, что как минимум с простачком Корниловым, который рисковал больше всех, обошлись бы довольно цинично. Вот

только, скорее всего, никакого дележа не произошло вообще.

– Почему вы в этом так уверены?

– Да потому, что в номере моей родной газеты «Курьер» от 14 ноября 2000 года я прочитала небольшую заметку о том, что на квартиру Андрея и Ираиды Нежинских было совершено разбойное нападение. Трое неизвестных в масках ворвались в их квартиру, связали Ираиду Сергеевну и подвергли пыткам Андрея Леонидовича.

– Что-о-о-о???

– Ну, в начале двухтысячных это было обыденностью, – Полянская пожала плечами. – Криминальные разборки с применением физического насилия, пыток и всего подобного продолжались где-то до 2008–2009 года. Я и сама хорошо их помню, на мой журналистский век тоже хватило. У Нежинских квартира стояла на охране, и Ираида Сергеевна, воспользовавшись тем, что преступники были крайне увлечены истязанием ее мужа, смогла нажать на тревожную кнопку. Наряд вневедомственной охраны приехал быстро, вот только преступникам удалось скрыться. Вызванной милиции Нежинская сообщила, что понятия не имеет, что именно у них пытались найти. Самому Нежинскому было плохо, поэтому его отвезли в больницу, так что дать показания он не мог. В доме были обнаружены ценности, в том числе бриллиантовые и изумрудные украшения Ираиды Сергеевны, а также не очень большая, но все-таки сумма денег в валюте. Вот только злоумышленников они не интересовали.

– И на этом основании вы делаете вывод, что Нежинский не поделился со своими подельниками?

– Да. Делаю. Что-то искали. Что-то более дорогое, чем бриллиантовые цацки мадам Нежинской и пара тысяч долларов. И об этом «чем-то» Нежинская наотрез

отказывалась говорить. Таких совпадений не бывает, Владимир Николаевич.

– Пожалуй, соглашусь. И кто, по-вашему, были эти налетчики?

Полянская пожала плечами.

– Это могли быть люди, нанятые Корниловым и Ветюковым, чтобы получить свою долю. А могли быть, к примеру, их дети, вполне себе уже взрослые на тот момент. И второй вариант мне кажется более очевидным.

Признаться, Радецкий не понял, что она имеет в виду.

– Почему?

– Да потому, что накануне своей смерти Ираида Сергеевна Нежинская спускалась вниз, в ларек за пирожками к чаю, и вернулась оттуда крайне взволнованная. Так же рассказывала вам ее соседка по палате.

– Она из соседней палаты, – машинально поправил Радецкий.

– Да какая разница? Она кого-то узнала, вот что важно. И с учетом того, что она долго жила в Москве, это был человек из прошлого. Ни один наемник двадцать с лишним лет не ждал бы, чтобы выполнить взятый когда-то заказ. А вот родственники и потомки кинутых когда-то компаньонов, увидев старушку, вполне могли возжелать получить свое.

– А с чего вы взяли, что Нежинский так с ними и не рассчитался? В конце концов, пытки могли резко повысить его мотивацию.

Инна покачала головой.

– Не могли. В ночь после нападения Андрей Леонидович Нежинский скончался от обширного инфаркта. Он был уже немолод, за шестьдесят. Пыток его организм просто не вынес. А вдова после похорон

сразу уехала к сестре и в нашем городе появилась лишь сейчас.

– Н-да, выглядит это все очень логично, – признал Радецкий. – Некрасивая история. Хотя, по большому счету, все рассказанное вами, Инна Сергеевна, всего лишь домыслы. Для полиции так уж точно.

– Ничего страшного, – невозмутимо сказала Полянская, – к полиции у меня свои подходы. Я обязательно поделюсь всем, что мне удалось узнать, с нашим с вами общим приятелем, полковником Буниным. Уверяю, что он умеет слушать и слышать и обычно с вниманием относится к информации, которую добыла я. То, что наша с вами версия будет проверена, я убеждена.

«Наша с вами версия»! Радецкий внезапно почувствовал себя польщенным. Прodelанная журналисткой работа была огромна. Она действительно умела добывать информацию и не зря считалась лучшим в их области профессионалом. Впрочем, как и он, только в своем деле.

Закончив разговор, Полянская попрощалась и ушла, и Радецкий остался один, физически ощущая, как давят на плечи все события сегодняшнего дня. Чертов понедельник. На часах была уже почти половина восьмого, можно ехать домой, к Фасольке. А все-таки интересно, если Полянская права, то кого именно могла видеть Нежинская, когда спускалась в холл первого этажа за пирожками?

Впрочем, ответ на этот вопрос был очень простым. Да кого угодно. Крупнейшая областная больница, которой руководил Владимир Радецкий, включала в себя двадцать одно клиническое отделение и более шестидесяти вспомогательных служб, консультативную поликлинику, перинатальный центр, травмоцентр, региональный сосудистый центр и центр медицины катастроф.

Разумеется, не все они находились в одном здании, больничный комплекс состоял из нескольких корпусов, и далеко не все из полутора тысяч сотрудников работали в центральном, самом большом корпусе, но тем не менее огромное количество людей перемещались между отделениями, приходили в главное здание, в том числе на административный этаж, а также покупали те же самые пирожки, поскольку больничная столовая и торговые киоски располагались здесь же.

Да и пациентов никто не отменял. Нежинская не говорила своей приятельнице, что увидела именно медработника, поэтому это действительно мог быть кто угодно. Впрочем, это уж точно не его, Радецкого, дело. С этим пусть правоохранительные органы разбираются. Если захотят, конечно. И смогут.

Он был на трассе, примерно на половине пути до дома, когда телефон звякнул, принесся сообщение от Владиславы Громовой. Радецкий улыбнулся, потому что впервые она написала ему сама, первая. По рабочему вопросу, разумеется. Внутри сообщения был прикреплен документ с перечисленными дополнительными опциями, которые фирма «Мед-Систем» была готова поставить сверх оговоренного контрактом.

«Доеду, почитаю, напишу», – ответил Радецкий.

«Отдыхайте. До утра ничего не изменится. Мне не нравится заставлять вас работать в столь позднее время», – тут же отреагировала собеседница.

Он улыбнулся, потому что если бы написанное было правдой, то она просто не прислала бы свой список. Дождалась бы утра.

«Это не работа. Я просто прочитаю то, что вы прислали, и отвечу», – отбил он.

Сообщения прекратились, видимо, собеседница не хотела отвлекать его от дороги. Понимала, что за

рулем. Оставшийся до дома путь Владимир Радецкий улыбался, несмотря на то что не любил понеделеньки.

* * *

К своим сорока семи годам Владислава Громова была уверена, что в этой жизни уже не может быть ничего, что способно ее удивить. Практически любая ситуация, в которую она могла попасть, какое угодно событие, готовое случиться, уже когда-то были, а потому и эмоции, ими вызываемые, тоже оказывались хорошо знакомыми, и реакция привычной, автоматической. Люди всегда говорили то, что она от них ожидала, и вели себя тоже вполне предсказуемо.

То, что происходило сейчас, было для нее новым, а самое главное, что источником искреннего удивления, переворачивающего жизнь с ног на голову, стала она сама – Владислава Игоревна Громова, директор фирмы «Мед-Систем», успешная бизнес-леди, «железная кнопка». Проснувшись утром вторника на час раньше обычного, на часах еще и восьми не было, и глядя в зеркало в ванной, она была вынуждена признать, что не знает отражающегося в нем человека.

Хорошо знакомая ей Влада не могла прошлым вечером с половины одиннадцатого и до половины первого вести телефонную переписку с малознакомым человеком, более того, мужчиной, допуская в ней такую степень откровенности, что это граничило с бесстыдством. То, что она никогда не была ханжой, и то, что этот мужчина был врачом, ее мало оправдывало и почти ничего не объясняло.

Более того, эта переписка, вначале деловая, а потом все более личная, вызвала в ней мощный физический отклик, даже не давно забытый, а просто никогда доселе не существовавший, и это тоже было

совершенно непонятно и необъяснимо, а еще пугало, потому что Влада не любила, когда чего-то не понимает.

Последнее полученное сообщение гласило: «Ложитесь спать, фантазерка! Сны снятся часто? Тогда я сегодня приду. Вчера не мог, занят был, в полнолуние у вампиров много дел по ночам». И надо было признать, что даже чужие сны этот человек контролировал полностью, вторгаясь в них тогда, когда считал нужным.

Вздохнув, глядя на знакомое снаружи, но новое внутри отражение, Влада приготовила завтрак, затем выпила вторую чашку кофе и отправилась на прогулку с собакой. Снег пружинил под ногами, чуть поскрипывая, Влада куталась в шарф, потому что оттого, что она опять не выспалась, ее слегка знобило. И с чего это организм проснулся на час раньше обычного? Поведение внутренней совы тоже казалось странным, да что ж поделаешь, если такая жизнь настала.

У нее зазвонил телефон, и она ответила, глядя не на экран, а на Беню, который в этот момент встретился с трусящим навстречу бродячим псом и теперь они обнюхивали друг друга, впрочем довольно мирно.

– Лада, я приехал, – услышала она в трубке жизнерадостный голос Женюсика. Ладой ее звал только он. Это обращение страшно ее бесило, но почему-то попросить называть ее так, как все, Влада не могла. – У меня с утра две встречи, а потом, может, пообедаем вместе?

Когда они вместе обедали, всегда платила она. Никогда Влада об этом не думала, потому что стоимость обеда была мелочью, о которой не стоит и говорить, а вот сейчас вдруг вспомнила как о чем-то неприятном. Странно. Очень странно.

– У меня сегодня деловая встреча за обедом, – зачем-то соврала она.

– Тогда поужинаем, – покладисто согласился голос в трубке, – или ты предпочитаешь, чтобы я сразу к тебе приехал?

От перспективы провести с Женюсиком вечер Владу вдруг обдало жаром. Она тут же забыла, что только что мерзла. А если он еще, не дай бог, конечно, останется ночевать, то она, получается, и переписываться с Радецким не сможет? Впрочем, она тут же одернула себя, поскольку переписки могло и не быть вовсе. С чего это она взяла, что он собирается писать ей каждый вечер? А Женюсик свой, привычный и понятный, практически родной. Не стоит его обижать.

– Жень, я пока не знаю, как у меня день сложится, – бодро сказала Влада, чувствуя, как фальшиво звучит ее голос. – Давай ближе к вечеру созвонимся и там решим.

Не успела она положить трубку, как телефон снова звякнул и на экране высветилось сообщение от Владимира Радецкого. Сердце, не отреагировавшее на звонок от Женюсика, радостно забилося.

«Доброе утро. Приснился?» – прочитала она и быстро написала в ответ: «Солнце встало. Что снилось – не скажу».

«Отчего же?»

«Оттого, что это неприлично. Особенно утром рабочего дня».

«Никогда не откладывай дела на завтра, а любовь на старость. Не будем откладывать!»

Влада вдруг осознала, что стоит посредине улицы, точнее, даже посреди проезжей части и улыбается во весь рот. Чистая пятиклассница, ей-богу. Снизу на нее непонимающе смотрел ее пес. Он даже голову набок склонил, отчего вид у него был умильный и растерянный одновременно. Ну да, хозяйка сошла с ума. Какая досада.

– Пойдем домой, – сказала она Бене, – ты ведь все свои дела закончил, да? Я как-то совсем упустила тебя

из виду. Прости.

На последнее сообщение она не ответила, решив взять паузу. То, что входило в ее жизнь, было так огромно, что ничего и никогда не боявшаяся Влада Громова испытывала не присущую ей робость. Для того чтобы проанализировать ситуацию и понять, как действовать, ей нужно было время, а потому она решительно засунула телефон в карман и двинулась к дому.

Впрочем, почти сразу телефон зазвонил снова. Это был Паша Белов, ее главный инженер, руководивший сейчас всеми работами на объекте в областной больнице. Он находился на расстоянии одного этажа от Владимира Радецкого, и Влада вдруг испытала острый укол зависти.

– Да, Паш, – сказала она в трубку. – Слушаю тебя.

– Извините, что я рано, Владислава Игоревна, – сказал Белов. Ну да, половина девятого. Знающие ее привычки сотрудники уверены, что она еще спит. – Решил поймать вас, пока вы еще можете свои планы поменять. Дело в том, что вам было бы очень неплохо приехать в больницу. Так быстро, как сможете.

– Что-то случилось?

– Да.

Влада почувствовала, что у нее останавливается сердце. Украли или испортили оборудование? Если это так, то она обязательно что-нибудь еще придумает. Только бы не произошло еще одно убийство. Только бы все ее сотрудники были живы и здоровы. И... сотрудники больницы тоже.

– Паша, что именно случилось? – спросила она срывающимся голосом. – Да не молчи, ты меня с ума сведешь.

– А, если в таком контексте, то все в порядке, – немного удивленно сказал Белов, видимо не ожидавший, что его начальница способна терять

самообладание. – Вы простите, Владислава Игоревна, если я вас напугал. Просто пришел результат экспертизы взятого керна. Ну, мы в пятницу выемку из основания под оборудование делали, помните?

Керн? Ах да, точно, они еще сильно поругались с Олегом Тихомировым, который очень не хотел, чтобы «Мед-Систем» проверила качество бетонной подушки. Господи, спасибо тебе, все живы.

– Конечно, помню, – сердито сказала Влада, чувствуя себя не «железной кнопкой», а кисейной барышней, впавшей в приступ панической атаки. Фу, стыдоба какая. – И что там в результате такого, что требует моего немедленного присутствия?

– Ну уж не немедленного, – успокоил ее главный инженер. – Вы приезжайте как сможете. Просто пока мы не примем решение, я не могу двигаться дальше. А в экспертизе примерно то, что я и ожидал увидеть, – там применен обычный бетон, не баритовый, как положено по техническим характеристикам, и перепад подушки составляет порядка полутора сантиметров.

– Почему? – спросила Влада. Что-то она начинает тупеть.

– Да потому, что обычный бетон, понятное дело, дешевле, – засмеялся голос Белова в трубке. – Теперь понятно, отчего Тихомиров так нервничал, знал же, собака, что мы на экспертизе увидим.

– Паша, ну сколько там того бетона? – спросила Влада. Она представила заместителя главного врача по хозяйственной части: кругленького, добродушного, почти всегда улыбающегося – и вздохнула. Разочаровываться в людях Влада не любила. – Это же все равно что мелочь по карманам тырить. Так что Олег мог и не знать, что подрядчик сэкономил. А проверить качество выполненных работ перед подписанием акта ему в голову не пришло.

– Я по бетону не очень, – признался Белов. – Но тысяч сто – сто пятьдесят сэкономить можно было. А уж кто именно на этом наварился, подрядчик или ваш драгоценный Олег Палыч, мне неизвестно. Мне гораздо важнее понять, что теперь делать.

– А какие варианты?

– Первый – останавливать монтаж, вызывать подрядчиков, предъявлять им гарантию и заставлять переделывать.

– Сколько это по срокам?

– Пока переговоры, пока они согласятся, пока докупят расходные материалы, пока залиют, пока это застынет... В лучшем случае две недели, а по-хорошему, и все три. Сами знаете, у нас долго запрягают.

– Нет у нас в запасе лишних недель, – вздохнула Влада. – Ни трех, ни двух. У нас на весь монтаж и настройку три месяца. Ладно, давай второй вариант.

– Найти спецов, которые рассчитают максимальное излучение и максимальную же нагрузку, а также связанные с этим риски. В конце концов, первый этаж, может, и бог с ней, с этой рентгеновской защитой, может, и можно все оставить как есть. В конце концов, я бы мог и не настаивать на выемке керна. Работали бы себе, никто бы и не узнал. По документам все нормально.

– А риски какие?

– Если идеально ровной поверхности не получится, то оборудование будет работать с помехами. Но, может, и пронесет вообще без последствий. Заранее же не скажешь.

– Может, и пронесет, – согласилась Влада. – Вот только я на себя такую ответственность принимать не хочу. Дело даже не в том, сколько все это добро стоит. Государственных денег, между прочим. Дело в том, что речь идет о сложнейших операциях, в том числе на мозге. Нет, я не могу делать вид, что ничего не знаю.

Ладно, Паша, я минут через сорок приеду, все мне еще раз покажешь и объяснишь, а потом будем решать, что делать.

– Вот потому я и позвонил. – Ей показалось или Белов вздохнул с облегчением? – Хорошо, Владислава Игоревна, я вас жду.

Отключив телефон, Влада быстрым шагом двинулась в сторону дома. Беня, уже изрядно замерзший, трусил за ней, всей своей обиженной мордочкой выражая недовольство хозяйкиным поведением. В самом-то деле, то пишет что-то на телефоне, то разговаривает, а у пса уже лапы замерзли. Чай, не лето на дворе.

Вернувшись в квартиру и накормив собаку, Влада быстро привела себя в порядок, на мгновение замешкавшись, что надеть. Вообще-то она сегодня весь день собиралась провести в офисе, а там брючный костюм был вполне уместен. Но теперь ей предстояло ехать в больницу, более того, предстать пред светлые очи Владимира Радецкого, потому что без него решить возникшую «бетонную коллизию», судя по всему, было невозможно, а потому платье все-таки предпочтительнее. Наверное.

От решения такого простого и, по сути, совсем неважного вопроса Влада вдруг почувствовала усталость. И как, спрашивается, работать, весь день еще впереди, а она уже устала. Платье она все-таки надела. Узкий серый футляр, плавно облегающий фигуру, с большим цветком из ткани на левом бедре и неровной линией ворота, привлекающей внимание к тонким ключицам.

Белье и колготки она тоже всегда подбирала в тон одежды, но сегодня, лицемерно вздохнув, что серые колготки порвались, а новые она купить не успела, Влада натянула чулки. Подумаешь, на улице всего-то минус десять, не так и холодно. Косметички с мелочами

привычно перекидывали из пепельно-розовой сумки в графитово-серую. Сунув ноги в такого же цвета замшевые ботильоны на изящной танкетке, обмотав шею дымчатым шарфом и накинув шубку из серой же норки, Влада наконец почувствовала себя во всеоружии. Теперь она была готова к любым неожиданностям наступившего дня.

Областная клиника встретила ее привычной повседневной суетой, которую она всегда любила в больницах. Здесь все были заняты настоящим делом, важным в любых обстоятельствах, тяжелым, неблагодарным, но все равно вызывающим огромное уважение. Занимаясь поставками медицинского оборудования, она всегда радовалась, что может считать себя сопричастной к этому особому миру мрачных, как правило, не очень приветливых людей, каждый день держащих в руках чью-то жизнь. И работу свою всегда делала хорошо, словно ощущая, что подставляет свое плечо, делая лежащую на этих людях ношу пусть чуточку, но легче.

Пройдя через турникет и показав пропуск охраннику, Влада отправилась разыскивать Белова. Он, как и положено, руководил монтажными работами, что-то объясняя бригаде и отчаянно размахивая руками. Она подошла ближе.

– Вы с этой техникой должны обращаться так, словно она стеклянная. Понятно? – вопрошал Павел, сверкая глазами. – За ней два года моей работы, понятно вам? Именно столько времени я изучал всю эту систему интеграции и медицины. Я тысячи страниц всяческих руководств прочитал, сотни профильных сайтов по IT, телекоммуникациям, ПО и железу. Так что, ребята, теперь мы с вами должны не облажаться и все смонтировать как надо, чтобы комар носа не подточил. Вы хоть понимаете, над чем именно мы с вами тут работаем?

Парни из бригады качали головой в некоторой оторопи от беловского напора.

- Это система интеграции оперблоков и телемедицины в новой гибридной операционной. Она позволит докторам проводить удаленные консультации с коллегами и наставниками из федеральных больниц, а также с учениками, которые, я надеюсь, появятся в райцентрах области, то есть везде, где есть интернет, прямо во время проведения операций. С предоставлением полной информации со всех устройств в операционной - С-дуги рентгена, УЗИ, микроскопов, навигационных систем, ЭФИ-системы, мониторов, вообще со всего, что входит в состав этого оборудования, включая видеокамеры высокого разрешения, которые мы вмонтируем в хирургические светильники. Удаленный консультант увидит и услышит все, что происходит в операционной, лучше, чем если бы он стоял за спиной у хирурга. Представляете, какие это дает возможности для обучения, для решения экстренных задач во время операций? Наша с вами работа позволит очень многое сделать и продвинуть в медицине. Так что вы уж постарайтесь.

Парни горячо обещали постараться, Влада с трудом сдержала улыбку. Ее главный инженер был не просто отличным специалистом, а настоящей находкой. Нет, не зря она перекупила его у конкурентов за двойные деньги. Павел Белов стоил каждого вложенного в него рубля. Он наконец заметил начальницу и движением руки отпустил бригаду.

- Идите работайте. Доброе утро, Владислава Игоревна. Хорошо, что вы так быстро.

- Давай показывай, что тут у тебя.

- Да вот. - Паша протянул ей небольшой цилиндр из бетона - тот самый керн, а следом за ним бумагу, на которой был изложен результат экспертизы. Влада быстро пробежалась по нему глазами. Ну да, как Паша

и говорил: обычный бетон, без примеси баритовой смеси, плюс толщина двух образцов, взятых с разных краев подушки, разная, плюс слои сделаны с нарушением, без дополнительного армирования и усиления.

– И что предлагаешь делать?

– Да я вам свои варианты озвучил. Либо забываем об экспертизе, опираемся на официальный акт выполненных работ и исходим из того, что все тип-топ. Либо поднимаем хай.

– А ты какой вариант предпочитаешь?

Задавая этот вопрос, Влада точно знала ответ. Белов, понимающий, как много зависит от качества монтажа, ни за что не согласится начинать работу, зная о заведомом нарушении.

– Я за то, чтобы поднять хай, – невозмутимо подтвердил ее догадки главный инженер. – Конечно, есть шанс, что основание выдержит, техническое задание явно рассчитывалось с запасом. Но быть в этом уверенными мы не можем, и если что-то пойдет не так, то мы останемся крайними. Мы не сможем свалить косяки в работе оборудования на криво сделанный пол, потому что нам тогда будет не объяснить, почему мы знали и промолчали. В общем, я за правду.

– Не кипятись так, – примирительно сказала Влада и положила ладонь на Пашин сжатый кулак. – Я тоже за правду. Причем всегда, вне зависимости от конкретной ситуации. Поэтому умалчивать эту самую правду мы, разумеется, не станем. Можешь прикинуть, каким отставанием от графика нам это чревато? Ответ «две-три недели» меня не устраивает.

– А точнее я не скажу, Владислава Игоревна, – Белов развел руками. – Я ж по оборудованию, не по бетону.

– Ладно, с этим я сама разберусь. Скажи мне, Паша, ты Тихомирову про результаты экспертизы говорил? Он в курсе?

– Да я его сегодня еще и не видел. Да и вообще, не мой это уровень компетенций, Владислава Игоревна, я ему только в морду дать могу. Это завсегда пожалуйста. А переговоры вести – ваша зона ответственности.

– Да уж в морду-то сразу не надо, – вздохнула Влада. – Может, он и не виноват. Разберемся, Паша. Ты пока работай. Фу, жарко мне в шубе по больнице бегать. Тут у вас где-нибудь раздеться можно? Все равно я к тебе вернусь.

– Да, конечно, пойдемте, я вас провожу. Мы в одном из кабинетов бытовку организовали. Там все запирается, так что не пропадет ваша шуба, не бойтесь.

– Да я и не боюсь.

Сумку, впрочем, Влада оставлять в бытовке не стала, хотя Павел и предлагал. С сумкой она себя всегда чувствовала во всеоружии, мало ли что из лежащего в ней могло вдруг пригодиться, да и после посягательства на содержимое сумки в ресторане, а потом проникновения кого-то чужого в ее дом Влада чувствовала себя слегка не в своей тарелке.

Поднявшись в лифте на второй этаж, она первым делом отправилась на поиски Олега Тихомирова. Ей повезло, заместитель главного врача по хозяйственным вопросам оказался в своем кабинете. При виде Влады лицо его страдальчески перекопилось.

– Мне кажется или ты пришла не с оливковой ветвью? – уныло спросил он. – Как так получилось, звезда моя, что от тебя вдруг стали исходить одни неприятности?

– Не знаю, Олег, – серьезно сказала Влада. – Видимо, это началось в тот момент, когда ты стал не очень качественно исполнять свою работу. И это, отдай мне должное, я еще очень мягко выражаюсь.

Лицо Тихомирова стало еще мрачнее.

– Проклятый керн? – то ли спросил, то ли констатировал он. – Пришел-таки результат экспертизы?

– Да, Олег, и, судя по твоей реакции, ты знаешь, что там.

– Да знаю я, знаю, – Тихомиров повысил голос, но сразу осекся, чтобы его не было слышно в приемной, которую он делил вместе с руководителем контрактной службы. – Громова, все не так, как выглядит, я тебе клянусь.

– А как все выглядит? – невинно поинтересовалась Влада. – Усиленное основание выполнено с нарушениями, причем довольно серьезными. Акт выполненных работ подписан тобой. Если бы ты так не суетился перед экспертизой, да и сейчас тоже, я бы могла подумать, что подрядчик обвел тебя вокруг пальца, а ты просто подмахнул акт, не глядя и не проверяя. Но ты дергаешься, а потому совершенно очевидно, что ты все знал. Знал и подписал. Уж за пряники или по глупости, мне неизвестно. Да и неинтересно. Мне интересно только одно – как будем выходить из ситуации, не срывая сроков моего контракта. И ты оцени, Олежек, что я к тебе первому пришла, а не к Радецкому.

– Я оценил, – буркнул тот. – Но, насколько я тебя знаю, шансов, что ты промолчишь и ничего ему не скажешь, немного.

– Ни одного, Олежек. Ни одного. Вопрос, собственно говоря, только в том, пойдем ли мы к Радецкому вместе или я это сделаю сама, а ты уже будешь разгребать последствия позже. Я, честно, хочу сделать, как тебе будет лучше, Олег, потому что мне тебя жалко.

– Жалко у пчелки в попке, – мрачно сообщил Тихомиров. – Надо сказать, что ты приперлась как нельзя вовремя. Потому что сегодня вторник.

– И что? – не поняла Влада.

- По вторникам в 10:30 у нас хозяйственная оперативка, на которой обсуждаются все вопросы, связанные с жизнеобеспечением больницы. По-любому я должен на нее прийти, а ждать, пока она закончится, ты же не согласишься?

- Не соглашусь, потому что у меня есть своя работа, - пожала плечами Влада. - Кроме того, нам надо прямо сейчас решать, что мы будем делать с некачественным основанием, потому что от этого зависит, будет ли контракт на монтаж гибридной операционной выполнен вовремя. То есть опять же моя работа. Так что я иду к Радецкому прямо сейчас. Олег, может, попросить, чтобы он принял нас двоих, отложив оперативку? Иначе потом тебе придется терпеть позор перед всеми.

- Стыд - не дым, глаза не выест, - мрачно сказал Тихомиров. - Все равно все узнают. Это же не удастся скрыть. Даже если я сейчас тебя убью, а труп спрячу, то есть еще твой пес Белов, который терпеть меня не может. Не ты сдашь, так он.

Про убийство и труп, скорее всего, была шутка. Черная, разумеется, но все-таки шутка, вот только у Влады почему-то встали дыбом тонкие волоски на руках.

- Да ладно, чего ты напряглась-то, - Тихомиров засмеялся, надсадно, хрипло, словно пролаял. - Пошли, до оперативки две минуты осталось. Сам накосячил, сам и отвечу. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Почему-то то, что он не стал юлить и увиливать, Владе понравилось. Было в этом что-то правильное, мужское. Кивнув, она вышла из кабинета и вслед за Олегом направилась в приемную главного врача, которого не видела пять дней и с которым рассталась при этом меньше двух часов назад.

- Ой, Владислава Игоревна, - удивленно приветствовала ее секретарша Анечка, - а вас в

графике нет на сегодня. К сожалению, Владимир Николаевич сейчас не сможет вас принять, у него оперативное совещание.

– Она со мной, – обрывисто сообщил Тихомиров, – как раз на совещание. У нас неотложный вопрос.

Перед входом в кабинет Влада затаила дыхание. Удивится Радецкий? Рассердится? Обрадуется? Она не знала, и от неопределенности чуть-чуть ныло в животе, как в юности перед экзаменом. Влада Громова не любила неопределенности.

Если владелец кабинета и удивился, то виду точно не показал. У него в лице вообще ничего не дрогнуло, когда она появилась на пороге вслед за немного бледным, но деловито-собранным Олегом. Н-да, в характере последнему не откажешь.

– Здравствуйте, Владислава Игоревна, – Радецкий шел ей навстречу, протягивая руку. Влада ее пожала. – Что-то случилось?

– Да, – сказала она, – случилось, Владимир Николаевич. Есть один не терпящий отлагательства вопрос, который нам нужно обсудить. Втроем. Вы, я и Олег Павлович.

Ей все-таки хотелось избежать публичного позора, который предстоял заместителю главврача по хозяйственной части. Конечно, информация разойдется, но слухи не то же самое, что публичная порка. Что ж, она подала мяч на другую половину поля, и теперь оставалось только надеяться, что Радецкий все поймет правильно.

– Хорошо. Тогда сделаем так, вы посидите на диване, пока мы с коллегами обсудим остальные вопросы. Анечка принесет вам кофе. Или чай, вы, кажется, его предпочитаете. Я думаю, что это не займет много времени, минут двадцать. А потом мы всех отпустим и останемся втроем. Хорошо?

Что ж, ее подачу он принял и все понял правильно. Впрочем, он же умный мужик, иначе и быть не могло. Влада отказалась от чая и кофе, как приличная школьница, устроилась в уголке удобного кожаного дивана, от нечего делать разглядывая убранство кабинета, в котором сидела совсем недавно. Тогда она была занята проектом, поэтому не обращала внимания на мелочи, а сейчас времени у нее хоть отбавляй.

Ее интересовал этот человек, и она была уверена, что любой кабинет является визитной карточкой своего хозяина, невольно выдавая его привычки и даже характер. Этот кабинет был очень мужским и при этом весьма стильным. Белые стены, такая же мебель – от офисных столов и кресел до дивана, на котором она сидела. Никаких портретов и фотографий на стенах, только одна картина – солнце, встающее над морем.

Ее автора Влада узнала, потому что у него была крайне характерная манера письма. Более того, с художником Костей Корниловым она была знакома лично и иногда покупала его работы, потому что они ей нравились. В них было много воздуха и света, а вот пошлости не наблюдалось совсем, и Влада внезапно сильно обрадовалась тому, что у нее с Радецким совпадают вкусы в живописи.

Что еще? Рециркулятор для обеззараживания воздуха на стене. Кофемашина на низеньком шкафчике, за стеклянными дверцами которого белоснежные чашки, сахарница, коробка с печеньем и вазочка с конфетами. Рядом с кофемашиной алебастровая фигурка – бюст Черчилля, причем с медицинским респиратором на лице, данью времени. Интересно, почему именно Черчилль?

На рабочем столе Владимира Радецкого царил идеальный порядок. Системный блок с подключенной клавиатурой и мышкой, подставка под документы, несколько медицинских журналов, в том числе

знаменитый «Ланцет», на английском, разумеется, а еще «Главный врач» и «Вестник хирургии имени Грекова». Влада смутно помнила, что это одно из старейших отечественных медицинских изданий, освещающее вопросы клинической хирургии, а также последние исследования, разработки и технологии. Интересно, Радецкий иногда практикует или окончательно ушел в администраторы? Надо будет у кого-нибудь спросить.

Еще на столе лежали ручка, набор разноцветных стикеров, телефон, небольшая пачка каких-то бумаг и расписание. Все. Идеальная рабочая поверхность, практически стерильная. Влада вспомнила свой офисный стол, на котором черт бы ногу сломал, и вздохнула. Она регулярно наводила на нем порядок, вот только уже к вечеру следующего дня хаос превосходил то, что было до этого. Влада предпочитала считать этот беспорядок творческим и никому из сотрудников прикасаться к чему бы то ни было не разрешала. Н-да, в этом они разные. Совсем разные.

Задумавшись, она совершенно не слушала, о чем идет речь. Собравшиеся обсуждали какие-то организационные вопросы, связанные с поставкой лекарств, питания для больных и закупкой новых медицинских костюмов для персонала. Всем этим ее фирма не занималась, а потому и сознание не цеплялось за ненужную информацию. Вот если бы они говорили про антисептики, то она держала бы ухо остро, или про медицинские перчатки, или про шприцы. А так нет, неинтересно. Наконец совещание закончилось и Радецкий распрощался с коллегами, в кабинете они остались втроем.

– Слушаю вас, – сказал он, жестом пригласив Владу за стол.

Она пересела, оказавшись напротив Олега, уныло разглядывающего сцепленные руки в ожидании

неминуемого нагоняя. Докладывать она умела четко, выделяя главное, поэтому рассказ про экспертизу взятого керна и ее результаты оказался коротким. О том, что Тихомиров пытался избежать взятия пробы, она предпочла умолчать, однако, как оказалось, зря.

– Это вы имели в виду, когда говорили, что Громова и ее люди вставляют вам палки в колеса? – спросил Радецкий. – Олег Павлович, я тогда не дослушал вас, потому что стало известно об убийстве пациентки, а потом я закрутился и не уточнил. Но вы имели в виду именно проведение экспертизы?

Он говорил спокойно, не повышая голоса, но в его интонациях было что-то такое, отчего Влада внутренне содрогнулась. Ни за что на свете она не хотела бы сейчас оказаться на месте заместителя главврача по хозяйственной части.

– Да, – сипло сказал тот. – Экспертиза отняла уже три дня, и контракт может оказаться под угрозой срыва. Я только это имел в виду, Владимир Николаевич.

– Контракт под угрозой срыва не из-за того, что «Мед-Систем» решил провести экспертизу, – голос Радецкого звучал почти ласково, и Владе стало еще страшнее.

Олегу, похоже, тоже, потому что теперь он был бледен практически до синевы. Глубокие тени залегли на висках и под глазами, Влада вдруг испугалась, что у Тихомирова сейчас случится сердечный приступ. В прошлый раз он так выглядел, когда сообщил ей о случившемся в больнице убийстве.

– Контракт под угрозой срыва из-за того, что вы, Олег Павлович, приняли некачественно выполненную работу, – Радецкому до страданий своего заместителя не было никакого дела. – И вопрос только в том, сделали вы это из-за преступной халатности или из-за преступного же сговора.

– Да бог с вами, Владимир Николаевич, – жалобно подал голос Тихомиров, – что вы такое говорите.

– Я, Олег Павлович, неверующий. Поэтому бога спрашивать не буду. Спрошу вас.

– Я не проверил, – выдал из себя Тихомиров. – Как я мог на глаз отличить, какой именно бетон туда залит. Фирма-подрядчик возилась три дня. Потом ушли, закрыв помещение, чтобы все застыло. Потом вернулись. Там цена всего вопроса триста пятьдесят тысяч была, ну что я, совсем ненормальный, крохи отщипывать.

– Откуда я знаю, насколько вы нормальный, я не психиатр. Должность у вас хлебная, а курочка, как известно, по зернышку клюет. Нет?

Тихомиров не успел ответить, потому что Влада сочла своим долгом вмешаться. Олега ей было отчего-то жалко. «Жалко у пчелки в попке», – вспомнила она.

– Владимир Николаевич, сейчас важно не это, – мягко сказала она, внутренне ежась. Он был очевидно зол, и попадать под каток не хотелось. – Нужно принять решение, как мы действуем дальше.

– Хорошо, – внезапно согласился он. – Какие варианты?

Влада четко изложила какие.

– Олег Павлович, вы можете сегодня вызвать на объект представителя подрядчика и вручить ему претензию? Нам нужно, чтобы завтра он приступил к устранению своих ошибок, назовем это так, – спросил Радецкий.

Тихомиров перевел дух, понимая, что грозовой фронт, похоже, уходит.

– Попробую.

– Ответ неверный.

– Я предлагаю поступить иначе, – снова вмешалась Влада. – Недобросовестный подрядчик будет кочевряжиться, доказывать свою правоту, ссылаться на

то, что у него не хватает техники или людей или нет баритовой смеси. Другими словами, тянуть время, которого у нас нет.

– И что вы предлагаете? Ставить оборудование на заведомо хлипкий фундамент в надежде на авось?

– Нет.

– Внимательно слушаю.

– Моя фирма сейчас строит себе новый офис. У нас есть свое строительное подразделение, пока я ехала сюда, я поговорила с его начальником. Мы можем прямо сегодня начать необходимую работу. За свой счет, разумеется. Работа займет приблизительно два дня, в крайнем случае три. Еще пять дней уйдет на то, чтобы покрытие затвердело. Итого, задержка всего неделя. Ее мои ребята смогут наверстать. Вы же за это время юридически оформите претензию на основании результата экспертизы и обратитесь к подрядчику для досудебного урегулирования. Если не получится – пойдете в суд. Когда вам вернут деньги, расплатитесь с нами. Это самый короткий путь.

Ей показалось или оба мужчины смотрели на нее с восхищением? В кабинет заглянула секретарша.

– Владимир Николаевич, к вам следователь.

– Да, солнышко, сейчас. Пусть подождет, мы уже заканчиваем.

От слова «солнышко» Владе стало грустно. Конечно, она терпеть не могла делать выводы на основании стереотипов, но обычно начальники спят со своими секретаршами.

– Договорились, – сказал Радецкий, не подозревающий о ее внутренних терзаниях. – Владислава Игоревна, спасибо за то, что настояли на экспертизе. И за предложенный вариант спасибо. Мы так и поступим. Олег Павлович, идите к юристам, я позже проверю. И сотрудникам Владиславы Игоревны оказывайте всяческое содействие. Это я проверю тоже.

Если надо, ночью работайте. Обо всех остальных аспектах позже поговорим. Это ясно?

– Абсолютно.

– Тогда идите выполнять.

Влада тоже поднялась со своего кресла, уходить ей отчаянно не хотелось.

– Владислава Игоревна, останьтесь, пожалуйста. Мне нужно будет с вами поговорить.

– Да, конечно, я подожду в приемной.

– Не нужно. Что бы ни сказал следователь, в этом нет никакого секрета. По крайней мере, я его не вижу.

Любопытная Влада тут же уселась обратно, в свой угол на диване, надеясь, что у следователя не будет другого мнения. Через мгновение в дверь уже входил незнакомый ей мужчина, внешне сильно похожий на медведя – высокий, крепкий, очень-очень большой.

– Здравствуйте, Михаил Евгеньевич, – сказал Радецкий, видимо уже знакомый с этим человеком. Пошел навстречу, пожал протянутую руку. – Есть какие-то новости?

– Есть, – интонация у следователя была непонятная, Влада своим чутким ухом выпускницы музыкальной школы сразу это почувствовала. С нехорошими новостями пришел визитер, ой с нехорошими. – Хочу вам официально сообщить, что задержан подозреваемый в преднамеренном убийстве медсестры вашей больницы Юлии Кондратьевой. Он во всем сознался.

– Вот как. Это хорошо. Или нет? – Видимо, Радецкий тоже расслышал странность. – И кто это?

– Николай Попов, молодой человек, с которым у Кондратьевой были отношения. Они встречались какое-то время и даже собирались пожениться. Потом девушка его бросила, потому что увлеклась вашим коллегой. Попов на почве ревности несколько раз устраивал Кондратьевой разборки. Это подтвердили ее

подруги. В день убийства он позвал девушку на встречу в кафе, потом они вместе доехали до его дома, он обманом уговорил Кондратьеву подняться в квартиру, где и убил. Ударил гирей по голове. Потом, испугавшись содеянного, Попов вызвал своего приятеля, вдвоем они завернули тело убитой в ковер, вынесли из квартиры и погрузили в машину. Это заснято на установленных на подъезде камерах видеонаблюдения.

– Простите, что перебиваю, но он что, debil? – не выдержал Радецкий. Влада его понимала, история, которую рассказывал следователь, в голове у нормального человека не укладывалась.

– Ну, его адвокат сейчас будет давить на то, что парень действовал в состоянии аффекта. У него обеспеченные родители, смогли себе позволить нанять Аркадия Ветлицкого, а он свое дело знает и стоит каждой вложенной в него копейки, – следователь усмехнулся. – Но думаю, что собранных улик хватит, чтобы доказать, что Попов прекрасно отдавал себе отчет в том, что делал. Они вывезли девушку на дачу, которая принадлежит родителям этого самого друга, а потом подожгли дом, чтобы скрыть следы преступления.

– То есть, по сути, мы имеем дело с обычным бытовым убийством? – задумчиво спросил Радецкий.

– По сути, да. Типичное убийство на почве ревности.

– А Нежинская? Ее тоже убил этот самый Попов? Юлия рассказала ему, что поделилась с одной из пациенток своими личными переживаниями?

– Нет, Нежинскую Попов не убивал. Он вообще к больнице не приближался. После того как начался пожар, они с другом вернулись в город и, запершись в квартире, устроили попойку. Пили почти трое суток, благо запасы алкоголя в доме оказались вполне приличные. Когда мы Попова с его подельником вчера

вечером задерживали, они еще не до конца протрезвели.

– То есть смерть пациентки к убийству Юлии вообще отношения не имеет? Это просто совпадение?

– А вот в этом я не уверен, Владимир Николаевич. Пока не уверен. Дело в том, что косвенно в смерти девушки виноват кто-то из вашего медицинского персонала.

– Не понял, – отрывисто бросил Радецкий.

– Попов на вчерашнем допросе рассказал о том, что в день убийства получил видео, на котором было заснято, как Сергей Королев и Юлия Кондратьева, скажем так, целовались в кабинете. Хотя там было больше, чем просто поцелуи. Именно из-за этого видео Попов озверел так, что позвонил Юлии и назначил встречу.

– Видео? – теперь в голосе Радецкого звучала растерянность. – Кто мог его снять и тем более отправить? Зачем?

– А вот это основной вопрос. И именно для того, чтобы найти на него ответ, мои люди будут работать в вашей больнице, опрашивая персонал. Для начала двух отделений – хирургического и кардиохирургического. Всех, кто мог знать о том, что у Королева и Кондратьевой роман. Именно об этом я, собственно говоря, и пришел вас предупредить.

– Да, конечно. Вы можете делать все необходимое, соблюдая больничный распорядок, естественно. Графики операций срывать я вам не позволю, да и допросы вести лучше после операций, а не до.

– Беседы, – мягко поправил следователь.

– Что, простите?

– Не допросы, а беседы. Процессуально они отличаются. Владимир Николаевич, разумеется, мы будем учитывать специфику вашей работы и стараться не беспокоить пациентов и не волновать врачей. Но

убиты два человека, и найти убийц мое дело, так же как ваше – лечить.

– Но при чем здесь Нежинская, я так и не понял.

– Старушка могла знать, кто именно отправил Попову видео, ставшее, по сути, причиной убийства.

– Поводом. – Голос Радецкого звучал устало, Владе на мгновение стало его жалко. – Если уж вдаваться в процессуальные детали, то не причиной, а поводом.

Следователь усмехнулся.

– Вы достойный собеседник, Владимир Николаевич. Вам палец в рот не клади. Поверьте, я все понимаю, в том числе и ваши чувства. Неприятно осознавать, что кто-то из ваших людей подонок. И уж вдвойне неприятно, если этот подонок окажется убийцей.

– А другие версии вы по-прежнему не рассматриваете?

Радецкий говорил так уверенно, словно знал, что другая версия существует.

– Вы про историю, которую вытащила из нафталина Инесса Перцева? – следователь засмеялся, а Влада еще больше наострила уши. – Поверьте, я хорошо делаю свою работу, поэтому показания приятельницы Нежинской записал. Инессе, конечно, спасибо, что она проделала за меня в архиве огромную часть работы, но я бы и сам справился, правда.

– Так вы будете вести эту линию расследования?

– Буду, разумеется, буду. Вот только для начала предпочту все-таки разобраться с анонимом, который послал видео Николаю Попову. Если он причастен не к убийству, а только к подлости, тогда пойдем дальше. А если этот человек убил старушку, откуда-то прознавшую про его шалость, которая закончилась убийством Кондратьевой, то я сэкономлю немало времени, если не кинусь прямо сейчас разбираться с событиями двадцатилетней давности. На этом позволю себе откланяться.

– Держите меня в курсе, – попросил Радецкий, тоже вставая.

– Всенепременно.

Закрыв за вышедшим посетителем дверь, он подошел к окну и уставился в него, не обращая на Владу ни малейшего внимания. Она чувствовала себя глупо, сидя в углу дивана, словно неодушевленный предмет. И зачем он попросил ее остаться? Молчание, повисшее в кабинете, затягивалось, и Влада уже была готова встать и выйти, когда он наконец повернулся к ней и сказал с доверительной интонацией:

– Ненавижу понедельники.

– Сегодня вторник.

– Ненависть не утихает. Простите, Владислава Игоревна, я веду себя как невежливый хозяин, но для одного только начавшегося вторника неприятных новостей как-то слишком много. Еще раз спасибо, что проверили качество бетонной подушки в гибридной операционной. Головоотяпство Тихомирова могло обойтись слишком дорого. Если это головоотяпство, а не что-то худшее. Но с этим я разберусь. Вы сегодня начнете работать?

– Да, я уже отправила сообщение своим ребятам, чтобы выдвигались на объект. Будем надеяться, что все будет хорошо и мы успеем вовремя.

– Да. Будем надеяться. Надежда – это то, что остается всегда, даже если кажется, что шансов нет. Знаете, я давно живу, и мне казалось, что меня уже очень трудно чем-нибудь удивить. И все-таки я, признаться, удивлен тем, что в моем коллективе есть люди, способные на такую мерзость, как пересылка интимного видео. Какой-то смысл в подобном стукачестве же должен быть. Не может же это просто быть из любви к «искусству».

Влада вдруг вспомнила разговор, свидетелем которого нечаянно стала несколько дней назад,

принимая решение, ждать ли лифт или идти пешком. Да, точно. Женский приглушенный голос на лестнице говорил что-то типа «мне как-то не по себе. А вдруг она не пришла на работу из-за того, что я сделала». Ну да, точно. Неведомая женщина еще добавила, что Королев так расстроился, что у него чуть не случился гипертонический криз. Вернее, фамилия заведующего хирургией не звучала, но Влада все равно поняла, что речь идет именно о нем и не вышедшей на работу Юле.

– Тому, кто отправил это видео, кто-то поручил это сделать, – медленно сказала она.

– С чего вы это взяли?

Ничего не оставалось, кроме как рассказать о подслушанном разговоре.

– Вы не видели, кто это был? – спросил Радецкий.

– Нет. Дверь была закрыта. Потом появился Тихомиров, вышел из лифта, – она тут же спохватилась, что нарушила обещание хранить тайну, но, кажется, Радецкий ничего не заметил, – и мы вышли на лестничную клетку, но там уже никого не было.

– И голос вы не узнали?

– Нет, конечно. Владимир Николаевич, я не очень хорошо знакома с вашими сотрудниками. Мой круг общения в больнице ограничен.

– Да, я понимаю. А еще что-нибудь вы помните?

Влада на мгновение задумалась.

– Эта женщина еще уточнила, не надо ли рассказать о случившемся. И переспросила: «Нет? Вы уверены?» И все.

– Ладно. Все тайное рано или поздно становится явным. Из этого и будем исходить.

– А что такого интересного раскопала Инесса Перцева, то есть Инна Полянская? – с любопытством спросила Влада. – Расскажите? Если это не секрет, разумеется.

– Понятия не имею, секрет это или нет. Но так как информацию Инна Сергеевна добыла частным порядком и, как вы видели, следствие не очень-то хочет тратить на эту информацию время, то обязательно расскажу. Только не сейчас. Я уже и так на двадцать минут выбился из сегодняшнего графика. У меня люди в приемной.

– Да, конечно, – Влада вскочила с дивана, снова чувствуя себя лишней, ненужной. Но зачем-то же он просил ее остаться.

Перед тем как уйти, она не удержалась и задала этот вопрос вслух. Радецкий улыбнулся.

– А, это. Нет, ничего важного, Владислава Игоревна. На вас просто очень приятно смотреть, вот я и продлил себе удовольствие.

Он распахнул дверь и выглянул в приемную.

– Анечка, я освободился. Ольга Львовна, заходите, простите, что задержал.

Через мгновение Влада уже стояла в коридоре, не совсем понимая, как она тут оказалась. На своем лице она обнаружила улыбку, причем совершенно дурацкую, от уха до уха. С чего бы это, если ее только что бесцеремонно выперли из кабинета, да еще сопроводив весьма сомнительным комплиментом. По-хорошему, оскорбиться бы надо, а не улыбаться.

«А я сошла с ума. А я сошла с ума. Какая досада», – пробормотала она голосом фрекен Бок и, вздохнув, отправилась обратно к Паше Белову вызволять из плена свою шубу.

* * *

Никогда на протяжении своей уже довольно долгой жизни Владимир Радецкий не боялся трудностей. Они были в прошлом, настоящем и предстояли в будущем, а

потому расстраиваться от появления новых как минимум бессмысленно. Кроме того, вся его жизнь доказывала, что среди трудностей и проблем всегда скрывается благоприятная возможность. Поэтому и сейчас разом навалившиеся неприятности не расстраивали его и не выбивали из рабочей колеи.

Для Радецкого существовало не так много авторитетов, но одним из них на протяжении многих лет оставался Черчилль. Бюст самого знаменитого британского премьер-министра стоял у него на тумбочке в кабинете, и цитаты Черчилля он знал наизусть. К сегодняшнему дню как нельзя лучше подходила эта: «Если ты идешь через ад – не останавливайся».

Одна из сотрудниц больницы убита из-за того, что кто-то из коллег послал психически нестабильному ухажеру видео ее секса с другим мужчиной. Что ж, то, что среди его сотрудников есть подонки, не стало новостью. Они, как и трудности, были, есть и будут всегда.

В одном из отделений убита пациентка, по больнице ходит полиция, уверенная, что преступления взаимосвязаны. Что ж, это временно. Важный и дорогой контракт под угрозой срыва из-за того, что один из замов проявил преступную халатность. Что ж, механизм решения этой проблемы есть, а значит, она будет решена. Любая проблема будет решена, потому что его этому учили – решать проблемы.

Владимир Радецкий умел искать все необходимые для этого пути, а также союзников, которые вставали плечом к плечу. В этот раз помощь, пусть и по одному направлению, пришла в лице маленькой хрупкой женщины со сталью в глазах. Сталь сегодня как нельзя лучше оттенялась серым платьем, соблазнительно облегающим точеную фигуру. Когда эта женщина сидела на диване, он с трудом смог себя заставить

оторвать взгляд от ее ног и дорого бы дал, чтобы узнать, что пряталось там, куда доступ глазам был закрыт, – чулки или колготки. С учетом количества проблем, добавившихся к ежедневной рутине, думать об этом было, мягко говоря, несвоевременно, но не думать не получалось.

В их очень откровенной, на грани фола переписке она была веселой, чуть безбашенной, легкой. Эти качества ему импонировали, потому что не предусматривали слишком серьезных ожиданий, которым Радецкий соответствовать не собирался. Свобода прежде всего. Все та же сталь в глазах, быстрота в принятии решений и смелость, с которой она перла напролом, свидетельствовали о том, что ко всему в жизни эта женщина подходит обстоятельно и серьезно. Когнитивный диссонанс, вызванный ее противоречивостью, ширился, а вместе с ним рос и интерес.

Впрочем, сейчас нужно было заниматься другими делами. Совсем неинтересными, но неотложными. Через коридор наверняка маялся в своем кабинете в ожидании неминуемой расправы Тихомиров. В то, что подчиненный наварился на мутной истории с бетоном, он не верил. Не та сумма, чтобы пачкаться.

Он понимал, что святым Тихомиров не был и поддержку от компаний – постоянных партнеров наверняка получал. Понимал и не имел ничего против при условии, что вся работа была выполнена качественно, а благополучию больницы ничто не угрожало. В данном случае это главное условие – безопасность – оказалось нарушено. Поэтому возмездие, разумеется, было неминуемым, хотя и не смертельным. Ожидание наказания всегда страшнее самого наказания, поэтому обрушивать на нерадивого завхоза весь свой начальнический гнев Радецкий не спешил. Пусть помучается.

Гораздо важнее было решить другую проблему, поэтому, проведя все назначенные до этого встречи, он попросил секретаршу вызвать Сергея Королева. Заведующий хирургией пришел минут через десять. За прошедшие дни он постарел лет на десять: похудел, осунулся, запавшие глаза казались совсем больными. Интересно, он так убивается, потому что правда любил эту девочку, или переживания связаны со скандалом дома и пересудами на работе?

– Вызывали, Владимир Николаевич? – глухим, лишенным эмоций голосом спросил Королев.

– Да, Сергей Александрович, здравствуйте. С вами сегодня уже разговаривал следователь?

– О чем? О том, что нелюдь, убивший Юльку, задержан? Да, я знаю. Или о том, что какая-то гнида, с которой я, возможно, каждый день здороваюсь, фактически отдала ее этому гаду на растерзание? Так и об этом я знаю тоже. И когда я ее найду, то тоже убью. Собственными руками. И пусть после этого сяду. За это и в тюрьму не страшно.

– Сергей Александрович...

– Как, как такое вообще возможно? Почему людям есть дело до чужой жизни? Мы что, были единственной парой на всю больницу, которая позволяла себе адюльтер? Да все спят со всеми, вам ли этого не знать. Почему только нас с Юлькой надо было снимать на видео? Почему именно ей так жестоко отомстили? За что?

– Сергей Александрович, да ведь это именно те самые вопросы, на которые и надо найти ответ, – мягко сказал Радецкий.

Королева ему было жаль, но истерики он не терпел даже у женщин, а уж у мужчин... Заведующий хирургией оторопело смотрел на него, даже глаза стали более ясными, взгляд осознанным.

– Что?

– Видео снимали и отправляли уж точно не для того, чтобы убить вашу Юлю. Даже если допустить, что у нее были враги, хотя откуда им взяться у двадцатипятилетней девочки, то это точно не самый надежный способ для убийства. Видео послали, чтобы устроить скандал, заставить задержаться вас.

– Меня?

– Вас, Сергей Александрович, вас. Молоденькая девочка не могла стать мишенью.

– Но это могла быть просто бесцельная подлость.

– Тоже вряд ли. Как вы справедливо заметили, служебные романы в медицине не редкость. И если бы у нас просто завелся мелкий пакостник, то такие сообщения отправлялись бы десятками. Нет, тот, кто это провернул, действовал осознанно и именно против вас. Более того, он действовал не в одиночку.

– Откуда вы знаете?

Пожалуй, рассказывать о разговоре, невольной свидетельницей которого стала Владислава Громова, сейчас не стоило. В адекватности Королева Радецкий был не уверен, пойдет восстанавливать справедливость огнем и мечом, новых неприятностей не оберешься.

– Знаю. И поэтому предлагаю спокойно подумать, кто и за что решил втравить вас в неприятности. Скорее всего, эти люди рассчитывали, что бывший парень вашей Юли устроит ей скандал, возможно, даже ударит. После этого она пришла бы на дежурство в слезах, рассказала вам, что случилось. Как бы вы поступили?

– Разумеется, отправился выяснять отношения с этим подонком.

– Вот! Была бы драка, вызвали бы полицию, шумиха оказалась бы неизбежна. Семья ваша обо всем бы узнала.

Королев горько усмехнулся.

– Она и так обо всем узнает.

- Возможно. Сергей Александрович, не буду объяснять прописную истину, что если человек делает что-то тайно, то должен в любой момент быть готовым к тому, что это всплывет. Но дело не в этом. Кто ненавидит вас так сильно, что придумал все это? Подумайте взвешенно и спокойно. И расскажите обо всем следователю или полиции. Или мне, на крайний случай. Я только очень вас прошу не устраивать самосуд и не увязать в еще больших неприятностях.

На глазах Королева появились слезы.

- Вы думаете, я еще чего-нибудь боюсь? После смерти Юльки? В сравнении с этим меркнет все. Хотя вам не понять.

Здрасте, приехали. То есть в глазах подчиненных он выглядит бездушным роботом, неспособным на человеческие эмоции. Забавно.

- Кстати, Владимир Николаевич, а вам-то это все зачем? Ну ладно, полиция разбирается. А вы почему такой интерес к личности негодяя проявляете? Вам ли не все равно? Моральный облик сотрудников не зона вашей компетенции. За отправленное видео даже не уволить.

- Ну, уволить или нет, это мне решать, - спокойно сказал Радецкий. - Хотя для начала я бы просто хотел понять, что именно у нас произошло и по какой причине. Кроме того, полицейские предполагают, что человек, пославший видео, может быть причастен к убийству пациентки из кардиохирургии. Она могла что-то видеть или слышать и тоже стать невольной жертвой. А уж это, как вы понимаете, больницы, а значит, и меня касается напрямую.

- Бред. Какой же это бред. - Королев сильно-сильно растер лицо руками. Пальцы у него были длинные, крепкие, как и положено хирургу. - Мне все время кажется, что я сплю, и вот-вот проснусь, и этот кошмар сразу кончится. Но он продолжается, вот в чем беда.

– Сергей Александрович, вы все-таки как-то постарайтесь взять себя в руки. Вам к столу возвращаться нужно, а в таком состоянии я не могу вам это разрешить. Нужно разобраться во всей этой истории, наказать виновных и работать дальше. Как бы кощунственно это ни звучало.

– Работать дальше... Правда в том, что я не очень понимаю, как жить дальше, – горько сказал Королев.

Здорово же его шандарахнуло. Похоже, это действительно любовь, а не банальная интрижка, которые появляются, расцветают пышным цветом и безболезненно умирают десятками. А ведь в самом начале возникающего романа и не предскажешь, как оно дальше развернется.

– Владимир Николаевич, у меня к вам будет просьба, – продолжал тем временем завхирургией, – отстраните меня от заведования, пожалуйста. Вы же видите, я не могу сейчас работать в полную силу и подводить вас не могу. И не хочу. Всем будет лучше, если заведовать отделением будет кто-нибудь другой.

– Например?

– К примеру, Валуева. Она всегда остается за меня, когда я ухожу в отпуск, работа ей понятна, справится.

Радецкий внутренне поморщился, хотя лицо его не дрогнуло ни одним мускулом. Елену Михайловну Валуеву он не любил. Слишком шумная, слишком яркая, слишком громкоголосая, врачом она была крайне посредственным, а вот амбиции имела непомерные. Ее целью, которую она даже не скрывала, было стать заведующей отделением, и сейчас Королев своими руками кидал этот сладкий плод ей в руки.

– Сергей Александрович, я бы не хотел этого делать.

– А придется. Давайте я прямо сейчас напишу заявление, и вы не сможете на это не отреагировать.

– Ладно, вы в зарплате потеряете, но отделение же пострадает.

– Не имеет значения. Ни то, ни другое. Извините, Владимир Николаевич, но сейчас ничто не имеет значения.

После разговора с Королевым у Радецкого остался тяжелый осадок. Казалось, что человек, хороший, добрый, профессиональный, разрушился прямо на глазах. Вот был – и не стало. Словно взорванный дом, о котором напоминают одни руины. Радецкому, который оставался цельным в любых обстоятельствах, было это совершенно непонятно, хотя он и не был никогда в ситуациях, когда ему бы пришлось терять близких. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Уходя, Королев оставил-таки заявление о сложении с себя полномочий заведующего хирургическим отделением, и Радецкий со вздохом вызвал к себе Валую, чтобы передать той бразды правления. Та появилась в его кабинете молниеносно, сверкая искусно накрашенными глазами под густыми, сильно ненатуральными ресницами и распространяя густой, тяжелый, удушающий запах духов.

– Вызывали, Владимир Николаевич? – спросила она с томным придыханием.

В своих карьерных попытках она не гнушалась ничем и намеки на свою готовность стать ближе главному врачу делала регулярно. Он все хотел сказать Валовой, что такие, как она, вызывают у него стойкую импотенцию, но пока сдерживался. Сесть он ей не предложил.

– Вызывал, Елена Михайловна. Хочу сообщить вам, что с завтрашнего дня вы назначаетесь исполняющей обязанности заведующей отделением.

Глаза снова блеснули, словно выпуская наружу частичку внутреннего адского огня.

– В связи с чем?

– В связи с тем, что Сергей Александрович временно сложил с себя эти полномочия, а вам эта работа

знакома. Вы что, возражаете?

– Нет, как я могу возражать против выполнения профессиональных обязанностей, – сказала Валуева, – конечно, я согласна. Просто это как-то... неожиданно.

Ее слова казались такими же ненатуральными, как и внешний вид.

– Идите работать, Елена Михайловна, – сухо сказал Радецкий. – Приказ я подпишу сегодня. И да, попрошу вас впредь сократить количество используемых духов. У нас медицинское учреждение, такие сильные парфюмерные запахи здесь неуместны.

– Я учту, – она снова сверкнула глазами. – И оправдаю оказанное мне доверие.

– Нет никакого доверия, Елена Михайловна. – Наверное, лучше и правильнее было промолчать, но Радецкий не мог. Эта женщина вызывала у него почти физиологическое отвращение. Господи, а ее ж теперь на оперативках регулярно видеть. Вот беда-то где. – Это производственная необходимость. И напому вам, что назначаю вас временно исполняющей обязанности. Учтите это в планах на будущее.

– И это я тоже учту, – в ее голосе засквозил металл.

Кажется, Радецкий приобретал врага, не факт, что опасного, но точно беспринципного. Такого, который ни перед чем не остановится. Что ж, он не любил, но умел воевать.

– Идите работать, – повторил он и улыбнулся той своей особой улыбкой, которая не сулила противнику ничего хорошего.

Те, кто его хорошо знал, обычно содрагались при виде этой улыбки. Но Валуева знала его плохо, поэтому мило улыбнулась в ответ и вышла из кабинета, стуча острыми, слишком высокими для больничных коридоров каблуками. Фу, пакость какая. Он вернулся к делам, которые, казалось, никогда не заканчивались, но мысль о Валуевой почему-то сидела в голове гвоздем,

мешающим нормально думать о чем-то другом. Да что с ней не так-то?

Когда-то давно, в прошлой, по нынешним меркам, жизни Радецкий был военным врачом. Пусть и недолго, но ему довелось работать в полевых госпиталях в Чечне, а еще в российском военном госпитале, сформированном на базе медицинского отряда специального назначения в Косово. Точнее, в городке Косово Поле. На какое-то время это было самое мощное лечебное учреждение в крае, и навыки военной хирургии, сильно помогающие потом в мирной жизни, он получил именно там. А еще натренировал интуицию, позволявшую выжить. И своей натренированной интуиции, точнее какой-то внутренней чуйке, позволявшей предугадывать особые неприятности, с тех пор доверял безоговорочно.

Сейчас она настойчиво пробивалась через ворох дел, требуя узнать про Елену Михайловну Валугину побольше. Почему? Зачем? Если бы он знал. Отложив в сторону папку с неподписанными документами, Радецкий полез в социальные сети. Его аккаунты были закрытыми и предназначались только для друзей, да и вообще он там практически никогда ничего не писал, используя возможность лишь бродить по мировой паутине, читая паблики, которые были ему интересны, и общаясь с иногородними знакомыми и коллегами. Публичности он не терпел.

Однако Валугина его житейских правил, к счастью, не разделяла. Радецкий довольно быстро нашел ее аккаунты и погрузился в чтение, сам не зная, что именно собирается найти. Информация, которой она делилась, была крайне однообразной – пропущенные через фильтры фотографии, на которых Елена Михайловна улыбалась в разных позах, в том числе весьма пикантных, пикники на природе, вечеринки с друзьями и другие «элементы красивой жизни».

Смотреть на все это было неинтересно, но Радецкий упорно продолжал листать ленту, удивляясь собственному упорству. Пост, заставивший его замереть, датировался 25 июня 2016 года и был, в отличие от всех других, ностальгическим. В день общегородского выпускного Елена Михайловна выложила общую фотографию своего класса, выпустившегося из Аксеновской средней школы в 2004 году, где ее портрет, и без этого довольно узнаваемый, был обведен красным кружком. «Елена Сурикова», – гласила подпись.

Михаилом Суриковым звали офицера, добивавшегося справедливости в деле о продаже истребителей с военной базы в Аксеново и погибшего под колесами неизвестного автомобиля в 2000 году. И, судя по всему, Елена Михайловна Валуева, окончившая среднюю школу четыре года спустя, приходилась ему дочерью. И что из этого следовало?

Могла она, будучи тринадцатилетним ребенком, оказаться настолько в курсе расследования, которое вел ее отец, чтобы знать о существовании Андрея и Ираиды Нежинских? Могла ли случайно опознать в пациентке соседнего отделения Ираиду Сергеевну и спустя двадцать два года решить отомстить? Хватило бы у нее духу хладнокровно задушить старую женщину подушкой? По здравом размышлении, на все эти вопросы Радецкий мог ответить положительно. Но обвинять на их основании свою коллегу в убийстве было нельзя.

Немного подумав, он отправился в кардиохирургию, надеясь, что персонал еще не ушел домой. Ему повезло, потому что и Петранцов, и Теплицкий, и, главное, Петровская оказались на месте.

– Владимир Николаевич? – с некоторым удивлением в голосе, но при этом с ласковой улыбкой сказала Мария

Степановна. – Что это вы к нам? Что-то еще случилось, на пустой лес?

Это была ее любимая, фирменная присказка. «На пустой лес» означало «не дай бог», но Петровская не любила поминать бога всуе, поэтому обходилась таким вот эвфемизмом, происхождения которого и сама не знала. Так говорила ее бабушка, вот и все.

– Нет, ничего нового, – Радецкий тоже улыбнулся, широко, открыто, как улыбался только ей. – Сильно вас сегодня следователь мучил?

– Нет, как тут вообще использовать слово «мучил», – вздохнул Петранцов. – Они пытаются установить правду, и обижаться на неудобства в такой ситуации глупо. Операции они нам не срывают, это главное. А во всем остальном... Конечно, людям неприятно, что их подозревают как минимум в подлости. Я, честно сказать, просто в шоке, но придется терпеть.

Теплицкий кивнул, что согласен. Радецкий вдохнул поглубже, как всегда перед неизбежным.

– Я сейчас спрошу одну вещь, которая покажется вам странной. И объяснять, почему я спрашиваю, не буду, зато попрошу вас никому не рассказывать о нашем разговоре. Хорошо?

Петранцов и Теплицкий переглянулись. Мария Степановна посмотрела на него внимательно, а потом уверенно кивнула.

– Хорошо, Владимир Николаевич. Разумеется, мы так и сделаем.

С этой женщиной можно было ходить в разведку. Всегда она стояла на расстоянии вытянутой руки от него, хоть в операционной, хоть вне ее. Радецкий снова благодарно улыбнулся ей.

– Скажите, в тот день, когда все случилось, вы видели в отделении Валуеву?

Все трое оторопело смотрели на Радецкого, не понимая.

– Какую Валугину? Нашу? Лену?

– Елену Михайловну из хирургии, – терпеливо объяснил он. – Утром в прошлый четверг она появлялась здесь?

– А что ей тут делать? – искренне удивился Петранцов. – У нее больные двумя этажами ниже.

– Может, искала кого-нибудь или с кем-то разговаривала.

– Нет, я ее не видел, – заведующий кардиохирургией покачал головой. – Правда, я к вам на оперативку уходил, так что за все время сказать не могу.

– Я тоже ее не видел, – покачал головой Теплицкий. – Понимаю, что, раз вы спрашиваете, у этого есть какие-то основания, но нет.

– Я ее видела, – подала голос Мария Степановна. – Я совершенно не придавала этому значения и даже не вспомнила бы, если бы вы сейчас не спросили, но она тут была. Да, именно утром в четверг.

– Во сколько? – Не имело смысла спрашивать, уверена ли она. Петровская никогда не говорила того, в чем была не уверена.

– Я пришла на работу в половине девятого, как всегда. Валугину заметила, когда заходила в свой кабинет, практически боковым зрением. Она шла по коридору. Я и обратила на нее внимание только потому, что стук каблучков услышала.

Да, каблучки, точно. Что же это получается, дочь Михаила Сурикова была здесь, на пятом этаже, как раз в то время, когда посуду после завтрака уже забрали, а назначения выполнять еще не начали. Другими словами, именно тогда, когда могли убить Нежинскую. Правда, времени на убийство у нее было совсем немного. Пара минут, не больше. Но это при условии, что тарелку из-под каши и чашку из-под кофе с молоком у старушки не забрали раньше. Кстати, он совсем забыл выяснить, как уехавшая в Москву более двадцати лет

назад Нежинская, вернувшись в их город и попав в больницу, очутилась в одноместной палате.

Этот вопрос он задал Петранцову. Тот изумленно смотрел на начальника, словно тот прямо на глазах повредился разумом.

– Вы что, Владимир Николаевич, не помните? Это же было ваше распоряжение, – ответил заведующий отделением.

– Что значит мое? – не понял Радецкий. – Я про эту пациентку впервые в жизни услышал, когда ее уже не было в живых.

– Да как же. Позвонили из приемного отделения, сказали, что им по «скорой» поступила пациентка, которую вы просили положить в одноместную палату и обеспечить максимальный комфорт.

– Не все в порядке в королевстве датском, – пробормотал Радецкий со вздохом, – и как часто, я стесняюсь спросить, вам из приемного отделения передают такие мои просьбы?

– Нечасто, но бывает. Владимир Николаевич, ну, мы же все понимаем про общие палаты и желание некоторых лежать отдельно, причем не через отдел платных услуг.

– Мы все понимаем, – согласился Радецкий, чувствуя, что, кажется, звереет, – но обычно в таких случаях я сам вам звоню, Максим Сергеевич. Нет?

– Обычно да. Но иногда и нет. В общем, ничего странного я в этом звонке не увидел. Пациентку принял и разместил в десятой палате, которая, к счастью, была свободна.

– Ладно, с этим я разберусь. Спасибо. Михаил Сергеевич, Александр Яковлевич, извините, что задержал. Мария Степановна, проводите меня до лифта, пожалуйста.

Петровская, не задавая вопросов, молча пошла к двери. Быть на расстоянии вытянутой руки – это

навсегда, да.

– Мария Степановна, вы можете выяснить у раздатчицы, во сколько она в четверг забрала пустую посуду из палаты Нежинской? Но мне надо с точностью до минуты. Как думаете, получится?

– Не знаю. – Пожилая медсестра смотрела на него серьезно, без тени сомнения в том, что ему действительно нужна и важна эта информация. – Несколько дней уже прошло, а они же все на один лад. Нюша, конечно, ответственная, но всего-навсего человек. Но я обещаю, что сделаю все, что могу, в том числе аккуратно спрошу, не видела ли она Валуеву рядом с десятой палатой. Я ведь правильно поняла, Владимир Николаевич?

Он взял ее руку в ладонь и поцеловал. Рука была сухая, с потрескавшейся от многолетнего частого мытья кожей, печатью профессии.

– Вы всегда понимали меня лучше всех, Мария Степановна.

– Трудно тебе? Устал? – ласково спросила она.

В существующей табели о рангах медсестра, даже такая уважаемая, как Мария Степановна, никогда-никогда не могла обратиться к врачу на «ты». На его памяти Петровская нарушала это правило всего дважды. В первый раз, когда он уезжал на защиту докторской диссертации и страшно волновался, хотя никому этого не показывал. Мария Степановна, разумеется, знала, потому что чувствовала его, словно Радецкий был ее сыном. Тогда она обняла его, прошептав в самое ухо: «Все у тебя будет хорошо, мой мальчик. Иначе и быть не может, потому что ты – лучший».

Второй раз случился, когда он впервые в жизни провел сложную многочасовую операцию на аорте, а потом остался на ночь в реанимации следить за состоянием пациента, хотя и дежурство было не его, и

устал он так, что воспринимал все происходящее словно снятое на рапиде. Ночь прошла спокойно, а утром его вызвали ко входу в реанимацию, потому что пришла жена пациента. Он кинулся рассказывать про то, что операция оказалась успешной, что угроза миновала и все будет хорошо, но стоящая перед ним женщина перебила его неожиданным вопросом, который он даже не сразу понял.

– Это понятно, доктор, – сказала она. – Тапки где?

На выяснение, о чем идет речь, ушло какое-то время, после чего оказалось, что при переводе пациента с расслаивающейся аневризмой аорты, которого он спасал шесть часов, из обычной палаты в реанимацию куда-то пропали тапки, как сказала женщина, между прочим, почти новые. На то, чтобы сдержаться от рвущихся наружу идиоматических выражений, ушли остатки сил, поэтому, когда женщина ушла, весьма недовольная его холодностью и неготовностью немедленно броситься на поиски почти новых тапок, он просто прислонился к стене и закрыл глаза, а открыл их, когда кто-то тронул его за плечо.

Это была Мария Степановна. Сунув ему в руки бумажный стаканчик с кофе, очень горячим и одуряюще пахнущим, аж голова кружилась от этого запаха, она тихо сказала:

– Наплюй. Такие одноклеточные были, есть и будут. Имя им – легион, к сожалению, а ты такой один. Ты будешь спасать людей, а она искать дешевые резиновые тапки, потому что они – одна из главных ценностей в ее никчемной жизни. Не расстраивайся, мой мальчик. Они того не стоят.

Этот случай, который Радецкий сейчас вспомнил, был давно, семнадцать лет назад, и за все эти годы Петровская ни разу не обратилась к нему на «ты». Вот только сейчас.

– Нет, мне не трудно, – ответил он на заданный ею вопрос. – Это же жизнь. От нее не устают. И мне она нравится. А работа лишь часть этой жизни. И не самая главная. Что на нее жаловаться, есть работы и похуже.

– Все образуется, – сказала она и коротким, очень материнским жестом погладила его по плечу. – Ты и сам это знаешь, мой мальчик, но услышать подтверждение со стороны никогда не бывает лишним. – И, сделав короткую паузу, добавила: – Я поговорю с Нюшей, Владимир Николаевич. Если она что-то знает, то обязательно вспомнит.

Что ж, минута неформального общения и поддержки закончена. Радецкий отчего-то чувствовал себя счастливым оттого, что эта минута была.

– Эх, Мария Степановна, честное слово, если бы это было возможным, то я бы на вас женился.

Она усмехнулась.

– Захотите снова жениться – женитесь, Владимир Николаевич. Правда, точно не на мне. Я буду свой век с Петровским доживать, тем более что нам с ним вдвоем совсем неплохо. А то, что вы мне почти как сын, так это ж вся больница знает.

Вся больница знала, что единственный сын Марии Степановны, поздний, выстраданный и желанный ребенок, погиб, будучи студентом-первокурсником. Отпросился у родителей отмечать Новый год вместе с одногруппниками, уехал в деревню всего-то в десяти километрах от города, а ночью на грузовике вся компания отправилась по льду реки на другой берег, на дискотеку.

Петровского, как маменькиного сынка, посадили в кабину, к водителю, остальные ехали в кузове, а потому, оказавшись в воде, выплыли. Водитель тоже смог спастись, а сын Марии Степановны так и остался под водой – заклинило пассажирскую дверь. Было это в далеком 1997 году, после чего Петровские остались

вдвоем. И никогда за все минувшие годы Мария Степановна вслух не говорила Радецкому, что относится к нему как к сыну.

Он вдруг впервые подумал о том, что она уже не молода и не совсем здорова. С работы Петровская не уходила, потому что не хотела сидеть в четырех стенах, да и ощущать свою нужность ей было крайне важно. Больница, куда она пришла сразу после медучилища, была единственной ее записью в трудовой книжке, и этим летом должно было исполниться пятьдесят пять лет с того дня, как она пришла сюда работать. Радецкий втайне от всех собирался устроить по этому поводу большой торжественный праздник, но, даже зная о круглой дате, не допускал мысли о почтенном возрасте Марии Степановны и связанных с этим возможных проблемах.

Она даже в пандемию не прекратила ходить на работу, стойко перенесла коварную болезнь вместе с мужем и снова засновала по больнице, железной рукой наводя порядок в отделении кардиохирургии, где работала старшей медсестрой. При виде ее дородной фигуры Радецкому всегда становилось как-то спокойно на душе. Петровская была маяком стабильности в бурном море житейских проблем. Он снова наклонился и поцеловал ей руку.

– Пойду я работать, Мария Степановна.

– Идите, Владимир Николаевич, как что узнаю, сразу расскажу.

Он вернулся в свой кабинет, который стерегла скучающая Анечка – уходя, Радецкий не взял ключ, и она не могла удалиться, оставив помещение без присмотра.

– Можешь идти домой, солнышко, – сказал он.

В привычное ласковое обращение он не вкладывал ни капли интимности, и секретарша это знала. Все молодые сотрудницы для него были «солнышками», это

была просто фигура речи, позволяющая персоналу смотреть на своего главного врача с обожанием. Он был жестким руководителем, но не тираном и не деспотом, разгоны устраивал исключительно за дело, при этом никогда не переходя на личности, зато за хорошую работу хвалил искренне, от души и прилюдно, отчего мотивация вырастала в разы.

Оставшись один, он вызвал к себе начмеда, чтобы выслушать отчет обо всем, что произошло в больнице за день. Затем сделал несколько телефонных звонков, подписал пачку документов, вываливавшихся из пухлой папки, особенно внимательно изучил платежки, отложив в сторону несколько, требующих уточнения. На одной из них стояла виза Тихомирова, и Радецкий вспомнил, что так и не провел положенную тому показательную порку за происшествие в гибридной операционной. Ладно, пусть боится до завтра.

Пока же можно выяснить, кто и почему прикрылся его именем, устраивая Ираиду Сергеевну Нежинскую в одноместную палату. Для этого потребовался всего один телефонный звонок – заведующему приемным покоем, а потом десять минут терпения, чтобы получить ответ. Заведующий перезвонил через восемь минут, то есть справился с поставленной задачей быстрее. Еще через минуту Радецкий знал, что Ираида Нежинская поступила в больницу с приступом мерцательной аритмии десять дней назад, в ночь с субботы на воскресенье.

Находящемуся на суточном дежурстве врачу приемного отделения действительно позвонили из администрации больницы с сообщением, что к пациентке нужно проявить максимум внимания и обеспечить одноместную палату. Звонивший при этом действительно ссылался на якобы поступившую ему просьбу главного врача, которую бригада приемного

покою, разумеется, выполнила и передала по цепочке дальше, в отделение.

– Ну и кто звонил-то? – спросил Радецкий и отчего-то даже не удивился, услышав ответ.

– Так Олег Павлович Тихомиров. Вы разве не его просили?

– В том-то и дело, что я никого не просил, – задумчиво сказал Радецкий. – В том-то все и дело.

* * *

На работу Влада приехала в приподнятом настроении. Во-первых, ее, как руководителя, не могло не радовать, что сотрудники компании опять оказались на высоте. Благодаря Белову больнице удалось избежать больших проблем с дорогостоящим оборудованием, которое, установленное на некачественное основание, могло как минимум не работать, а как максимум выйти из строя.

Во-вторых, она сама смогла быстро и эффективно придумать, как минимизировать неприятные последствия, и ее строительная «бригада спасения» уже выехала на объект, вследствие чего отставание от сроков становилось не таким уж катастрофичным. В-третьих, Владимир Радецкий точно оценил ее профессионализм по достоинству, а его мнение, чего скрывать, было для нее важным. Ну и в-последних, его поведение подпитывало во Владе какие-то смутные надежды. На что? Она и сама не знала.

Рабочий день был в самом разгаре, и офис гудел, как деловитый улей. Проходя по коридору, Влада заглядывала в открытые двери, здороваясь, и наконец, дойдя до своего кабинета, бросила серую шубку на подоконник, нимало не заботясь о мехе, села в свое

кресло, крутанулась в нем, будучи не в силах сдержать эмоции. Школьница, как пить дать школьница.

В кабинет зашла ее личная помощница Ксюша, лицо у нее было встревоженным, и это казалось странным. Ксюшу все знали как хохотушку и неугомонного оптимиста, она умела изыскивать крупицы хорошего даже в самых трудных ситуациях и не хмурилась почти никогда.

– Что случилось, Ксюндель? – спросила у нее Влада ласково. В ее внутреннем мире все было так хорошо, что, казалось, никакие грозовые тучи не в состоянии его омрачить.

– Владислава Игоревна, мне кажется, что у нас в офисе был обыск.

– Что?!!

– Да, я почти уверена, что у нас кто-то что-то искал.

– Кто? Когда?

– Мне кажется, что в выходные, но тут я могу ошибаться, – с неуверенностью в голосе сказала Ксюша. – Скажите, вы, когда вчера пришли, ничего странного не заметили?

Нет, придя в понедельник на работу, Влада не заметила ничего необычного. Она, в отличие от Радецкого, относилась к первому дню рабочей недели совершенно спокойно. Вчера у нее были переговоры с поставщиками, потом она ездила на строительство нового здания и в офисе появилась только после обеда, где все было как всегда.

Правда, она не смогла найти папку с договорами, оставленными еще в четверг на столе, но была уверена, что это Ксюша их переложил. Спросить об этом у помощницы она не могла, потому что та отпросилась на пятницу и понедельник, чтобы съездить провести заболевшую маму. Но документы были не срочными, поэтому Влада не стала звонить девушке, решив дождаться ее возвращения. Вот, дождалась.

– Ксенечка, объясни, что ты имеешь в виду, – попросила она, все еще не испытывая ни малейшей тревоги.

– Владислава Игоревна, все документы в вашем кабинете лежат не так, как я их оставила в четверг, ящики в столе местами поменяны, папки в шкафу стоят не в той последовательности.

Влада оторопело смотрела на девушку. Папки? Ящики? Она машинально вытащила нижний ящик выкатной тумбочки, расположенной под приставкой к ее рабочему столу справа от кресла. В нем лежали запасные колготки, прокладки, крем для рук и прочая чисто женская дребедень. Сейчас в ящике помещались карандаши, ручки, линейка, дырокол, калькулятор и вообще все то, чему полагалось находиться в самом верху. Она проверила все остальное – да, все три ящика находились не на своих местах.

– Вы что, вчера этого не заметили? – спросила Ксюша. – Или это за сегодняшнюю ночь случилось?

– Понятия не имею, когда это случилось, – призналась Влада. – Я вчера в стол не лазила. Но то, что нет папки с последними договорами, я заметила, думала, что ты их зачем-то унесла, но звонить не стала, не хотела тревожить.

– В том-то и дело, что я ничего никуда не уносила, – вздохнула Ксюша. – Владислава Игоревна, я, конечно, понимаю, что бардак на столе – часть вашего фирменного стиля, но не настолько же, чтобы не заметить, что в вашем кабинете кто-то рылся.

Что ж, видимо, «настолько». А еще надо признать очевидное – последние пять дней она до такой степени не в себе, что не замечает даже того, что находится перед самым носом. А все потому, что витает в эмпиреях. Нет, надо решительно взять себя в руки.

– Ксюша, как ты считаешь, что-то пропало? – спросила она у помощницы. Та пожала плечами.

– Насколько я могу судить, нет. Я все папки нашла. Но кто-то что-то искал, это точно. Владислава Игоревна, вы понимаете что?

– Нет, не понимаю, – сказала Влада. – Вот только домой ко мне тоже кто-то влез и что-то искал.

– Что? Когда?

– В пятницу вечером, когда я с собакой гуляла.

– А в квартиру как попали?

– В ресторане у меня, похоже, ключи из сумки вытащили. Не насовсем, разумеется, я их под столом нашла. Но слепки снять могли успеть. И с домашних ключей, и с офисных.

– Да вы что? А сигнализация?

– Да не ставила я квартиру на сигнализацию, пока с собакой гуляла. Теперь-то, конечно, даже на ночь включаю. Мало ли что.

Договаривать фразу она не стала, ошарашенная внезапной мыслью. Офис, в отличие от квартиры, на сигнализацию ставился всегда. Уходя в пятницу с работы последней, она сама это сделала. Получается, что злоумышленник, чтобы проникнуть внутрь, должен был снять офис с охраны, а для этого назвать свое имя и фамилию. Далеко не у всех сотрудников «Мед-Систем» было такое право.

На всякий случай она тут же позвонила в охранную фирму, чтобы проверить свои догадки. Нет, в неурочное время никто не звонил и офис с охраны не снимал. Система тревоги тоже не срабатывала. И как это, простите, понимать? Ладно, бог с ним, с этим позже разберемся. Вот Паша Белов немного освободится и обязательно покумекает над внезапной загадкой.

Пока же надо думать о том, что неизвестный злоумышленник устроил настоящую охоту за чем-то принадлежащим ей, Владиславе Громовой. Понять, что это, было не просто интересно, а жизненно важно, вот

только никаких предположений у Влады и близко не имелось.

Внезапно ей вспомнился Олег Тихомиров, встреченный на парковке ресторана. Мог он таким образом мстить Владе за вскрытые махинации с баритовым бетоном? Теоретически мог, но глупость подобного решения казалась очевидной – никаких плюсов такое поведение не давало, да и искать в офисе и квартире Влады в этой ситуации Олегу Павловичу было нечего. Или это все-таки не он?

– Ладно, Ксюша, ничего страшного не произошло. Давай работать. И, пожалуйста, ребятам ничего не говори, не хочу, чтобы в офисе паника поднялась. Ладно?

– Да, хорошо, тем более что побывали только у вас в кабинете, больше нигде ничего не тронули.

– А это ты откуда знаешь?

– Поспрашивала у ребят. Аккуратно, не волнуйтесь, – добавила Ксюша, увидев, как у Влады изменилось лицо. – Сказала, что вы папку потеряли, этому, как вы сами понимаете, никто особо не удивился. Я спросила, нет ли где следов, что вы за чьим-то столом сидели и папку оставили или еще что. Все сказали, что нет. Все на своих местах.

Влада улыбнулась легкой язвительности, звучащей в голосе помощницы. У нее действительно была дурацкая привычка, садясь за чей-то стол, перекладывать на нем какие-то мелочи. Она знала за собой этот недостаток и старалась следить за собой, но все равно машинально к чему-то прикасалась. У того, что произошло, было еще одно объяснение, но оно Владе категорически не нравилось. Так сильно, что она даже озвучивать его не хотела.

– Владислава Игоревна, а мог кто-то из наших искать что-то в вашем кабинете? Еще в пятницу или

вчера? Меня же не было два дня, а вы наверняка куда-то из офиса уезжали.

Что ж, умница Ксюша, в отличие от Влады, осмелилась задать самый неприятный вопрос вслух. Влада действительно отсутствовала часть дня в понедельник, а в пятницу провела в офисе весь день, но выходила на склад, чтобы лично проверить пришедший груз. Сколько ее не было? Минут сорок точно. Действительно, любой из сотрудников мог забраться в ее кабинет, потому что в отсутствие Ксюши никто другой, скорее всего, этого бы даже не заметил. Да и объяснение, почему кто-то из своих очутился в кабинете директора, найти было вовсе не сложно.

– Мог, Ксенечка, – сказала она. – Мне стыдно, но я действительно не заметила, что тут кто-то копался. Ни в пятницу, ни вчера.

Ксюша смотрела на нее недоверчиво.

– Но вы же на работе были.

– Голова была другим занята, – честно призналась Влада. – Ладно, Ксюш, замнем для ясности. Может, кому-то из ребят были деньги срочно нужны, вот и искали. Или, вон, прокладки. Ничего же не пропало.

– И дома у вас тоже искали прокладки, – язвительно сказала помощница. – Может, в полицию сообщить? Это уже преследование получается.

– В полицию сообщать не станем, – решительно заявила Влада. Ей было тошно от мысли, что в ее кабинете шуровал кто-то свой. – Ксюш, ты еще спроси у ребят, вдруг, пока меня не было, кто-то из посторонних заезжал. Такое же тоже может быть.

– Ладно, спрошу, – кивнула девушка. – Но вы все-таки будьте повнимательнее, Владислава Игоревна. И поосторожнее. А то не нравится мне все это. Совсем не нравится.

В этом чувстве Влада со своей помощницей была ой как солидарна. Вокруг «Мед-Систем» и ее лично

происходило что-то нехорошее, словно ядовитый туман с болота напелзал, скрывая привычные очертания жизни и неся удушающий газ, в котором можно было задохнуться. Как ни странно, все неприятности начались именно в тот момент, когда в ее жизни внезапно появился Владимир Радецкий. Понятно, что лично он был ни в чем не виноват, но совпадение настораживало.

Все, чего Влада Громова добилась в жизни, было результатом ее неукротимой воли, твердости характера и умения сосредотачиваться на главном, том, что действительно важно. Сейчас, в состоянии регулярной переписки с главврачом областной больницы, а главное, в ее ожидании она теряла сосредоточенность, волю к победе и какие-то важные смыслы, на которые опиралась ее жизнь. Так, с этим все понятно. Если эти странные, так щекочущие нервы отношения во вред делу всей ее жизни, значит, никаких контактов, кроме деловых, не будет.

Придя к такому выводу, Влада отпустила Ксюшу и решительно достала телефон.

– Привет, – сказала она, когда на другом конце провода ей ответили. – Женюсик, у меня поменялись планы. Давай пообедаем вместе. Хорошо, выезжаю, через полчаса жду тебя в «Буррате», заодно и с тем, что будем делать вечером, определимся.

От принятого решения отчего-то было тошно, словно Влада съела что-то несвежее. Вытащив из тумбочки ящики, она составила их в правильном порядке, затем, глядя в зеркальце, тщательно накрасила губы. Интересно, ее искушающее серое платье и чулки на стройных ногах понравятся Женюсику? Хотя он никогда не обращает внимания на то, как Влада одета. Положа руку на сердце, он обращает внимание только на то удовольствие и тот комфорт, которые она в состоянии ему обеспечить.

Настроение внезапно испортилось так сильно, что ехать на обед расхотелось чуть ли не до слез. «Приняла решение – действуй! – сквозь зубы сказала она себе. – Ты всегда так жила. Ничего же не изменилось».

Подстегивая сама себя, она все-таки поехала на обед и томилась все полтора часа, выслушивая жалобы Женюсика на затирающее его начальство и нескончаемые интриги в коллективе, наблюдая, как он жадно ест суп, дуя на ложку, отчего капли летят во все стороны, обгрызает утиную ножку, держа ее короткими, похожими на сосиски пальцами, по которым стекает жир вперемешку с брусничным соусом. Господи, и как она раньше не замечала, какие у ее любовника некрасивые, суетливые руки.

От слова «любовник» мысль метнулась к предстоящему вечером свиданию, и Влада вдруг ощутила такой мощный, внезапно накативший приступ тошноты, что отбросила вилку и начала мелкими глотками, быстро-быстро пить заказанную ею газированную воду с лимоном.

– Так на вечер какие планы? – уточнил Женюсик, сыто откинувшись на спинку стула и слегка икнув. – Ты меня из гостиницы заберешь и мы в ресторан съездим или мне к тебе приехать, а твоя домработница сготовит что-нибудь на быструю руку? Лично я за второй вариант, быстрее будет, что-нибудь закинем в себя – и в койку. А? Как тебе?

Как по ней, так звучало отвратительно.

– Какие у тебя планы на вечер, я не знаю, – сказала Влада мрачно, – а в моих планах приехать домой, погулять с собакой и посмотреть сериал. Без тебя.

– Как это? – не понял Женюсик. – Лад, я же только на одни сутки приехал, я завтра уеду.

– Скатертью дорога. Платочки белые, как говорится. Вот только глаза не печальные.

– Лад, у тебя что, критические дни? Так не должно вроде, я считал.

Считал он. Влада вздохнула перед неизбежным.

– Меня Владой зовут, – сообщила она. – Жень, у меня нет критических дней. Но встречаться с тобой я не буду. Ни сегодня, ни потом. Была без радости любовь, разлука будет без печали. Ок?

– Чего тебя сегодня на какие-то пошлости тянет? – Женюсик поморщился, потому что мнил себя эстетом. – Ты мне можешь объяснить, что происходит вообще? Ты меня что, бросаешь?

– Наверное. – Влада немного подумала и утвердительно тряхнула головой. – Точно, Жень, это именно так называется. Я тебя бросаю. Но если тебе от этого будет легче, то можешь считать, что это ты меня бросаешь. Мне, ей-богу, без разницы.

Произнося эти слова, Влада вдруг почувствовала себя настолько свободной, что ей показалось, что она сейчас взлетит.

– Нет, я все-таки не понял. Какая муха тебя укусила? Все же было хорошо еще на позапрошлой неделе.

– Да не было хорошо, – грустно сказала Влада. – Привычно, без надрыва, рутинно, но не хорошо.

– Тебя же вроде все устраивало. – Женюсик выглядел растерянным.

– Устраивало, – согласилась Влада, – а теперь перестало. Такое же может быть, правда?

– Но почему?

Как ответить на вопрос, на который ты и сама не знаешь ответа? Влада посмотрела на свою тарелку, где сиротливо лежала половина заказанного ею куска свинины. Больше она не осилила, хотя очень любила мясо, которое в «Буррате» готовили просто божественно. При виде Женюсика у нее сегодня кусок в горло не лез.

– Не знаю, поймешь ли ты, – сказала она медленно, – но я недавно прочитала в интернете пост одного психолога, где говорилось о том, что самое страшное в жизни – это довольствоваться половиной порции. То есть когда у тебя есть полная порция еды, то ты наедаешься. Когда еды нет совсем, ты голоден, но это заставляет тебя отправляться на поиски. А вот когда у тебя есть полпорции, ты и наешься досыта не можешь, и на поиски другой еды не идешь. Вот же она, у тебя на тарелке, и тебе кажется, что если потуже затянуть пояс, то этого хватит, а на деле ты просто худеешь и чахнешь и рано или поздно умрешь от недоедания. Я больше не хочу довольствоваться половиной порции, Жень.

– То есть я – половина порции, – сказал Женюсик. Вид у него был оскорбленный. – Помнится, раньше ты не жаловалась. Особенно в постели.

Закончить все это тягостное объяснение нужно было быстро и навсегда. Влада понимала, что больше не вынесет присутствия этого мужчины в своей жизни.

– Я притворялась, – устало сказала она. – Не хотела тебя обижать. Ты так себе любовник, Жень. Слишком заикленный на себе. Но это как раз нормально, потому что ты в принципе такой. По жизни.

– С-с-сука, – с оттяжкой сказал ее бывший любовник. Вся его благообразность куда-то слетела, явив истинное лицо, напоминающее сейчас свиное рыло. – Богатая, избалованная, фригидная сука. Вот ты кто. Думаешь, деньгами меня купила? Да меня наизнанку выворачивало от тебя все это время. Я с тобой спал только потому, что через твою фирму у меня две трети плана проходило. Я бы иначе в твою сторону не то что не посмотрел, а даже бы не плюнул.

– Ну, значит, накрылись твои две трети плана, – безмятежно сказала Влада. Ей отчего-то стало весело и легко-легко, как бывало только в детстве. – Сегодня же

позвоню твоему директору, что либо он меняет мне менеджера, либо я буду покупать расходники в другом месте. Что ты так на меня смотришь, дорогой? Я же сука, чего другого ты от меня ждал? А сейчас приятно оставаться. Кстати, в первый и в последний раз за обед платишь ты. Должен же ты хотя бы напоследок почувствовать себя мужиком.

Встав из-за стола, она танцующей походкой пошла к выходу, не оглядываясь на оставленное за спиной прошлое. Ничего ей было не жаль, ни капельки. Спустившись вниз, к гардеробу, она натянула невесомую шубку, с удовольствием посмотрела в зеркало на свое серо-дымчатое отражение, подмигнула сама себе и, достав из кармана телефон, быстро внесла телефон Женюсика в черный список.

«Один, совсем один», – вспомнился ей бородатый анекдот, в котором мужик после похорон жены повторял эту фразу с возрастающей по степени радости интонацией. Еще совсем недавно Влада Громова не сомневалась, что успешной женщине, какой бы самодостаточной она ни была, негоже быть одинокой. Для статуса и уверенности в себе в ее жизни обязательно должен присутствовать мужчина, пусть даже такой недоделанный, как Женюсик.

«Нет, лучше голодать, чем довольствоваться половиной порции, – строго сказала она самой себе. – Я достойна лучшего. И я уверена, что все у меня будет хорошо». Повторяя себе эти слова как мантру, она вернулась в офис. Не успела Влада зайти в кабинет, как на пороге появилась Ксюша. Выглядела она еще более расстроенной, чем утром.

– Что еще случилось? – спросила Влада. Когда так вышло, что почему-то от жизни она теперь ждала только плохих новостей и никакие мантры не помогали?

– Владислава Игоревна, я знаю, что пропало, когда ваш кабинет обыскивали, – сказала она.

– И что же?

– Запасная связка ключей от вашей квартиры, которая лежала в столе.

– Что?!!

– Да, вы ушли, а я решила проверить. Мне казалось, что так не бывает, чтобы что-то искали, но ничего не взяли. Связка лежала в верхнем ящике. Вы же сами ее туда положили, чтобы я могла в случае необходимости съездить к вам домой.

Да, действительно, нечасто, но Влада просила Ксюшу выгулять днем собаку или отвезти домой какие-то сделанные не вовремя покупки. Запасная связка хранилась на работе и на тот случай, если она вдруг потеряет свои ключи. Дверь и замки у нее были очень дорогие. Взламывать не хотелось. И вот ключи пропали. Получается, не было никакой необходимости обыскивать ее сумку в ресторане? Но тем не менее это произошло. Зачем, если целью были не ключи?

От всех этих вопросов и связанного с ними волнения Владу внезапно зазнобило. Когда ты чувствуешь, что твой дом и офис перестают быть привычной надежной крепостью, то поневоле заволнуешься, даже если ты – «железная кнопка».

– Ладно, Ксюш, – сказала она устало. – Найдутся мои ключи, а если нет, так я все равно после пятничного вторжения собиралась еще один замок врезать. В крайнем случае всю дверь поменяю. Это всего-навсего вопрос денег. Не переживай за меня.

– Может, все-таки в полицию? – В голосе помощницы звучала безнадежность. – Владислава Игоревна, вы же одна живете. Страшно.

Ну да. Влада вдруг вспомнила, как вот уже три ночи просыпалась от малейшего шороха, несмотря на то что, ложась спать, ставила квартиру на сигнализацию. У нее был шанс провести сегодняшнюю ночь не одной, слыша мужское дыхание рядом. Точнее, храп, чем уж там. Из-за

того, что Женюсик храпел, она и не любила, когда он оставался на ночь, предпочитая выпроваживать «любимого» в гостиницу. Если бы она вдруг с ним не порвала, то сегодня, скорее всего, оставила бы у себя, чтобы хотя бы одну ночь не просыпаться в поту от страха. Но сделанного, как говорится, не воротишь, значит, и думать об этом незачем.

– Ты иди сейчас, Ксюш, – попросила она. – У меня работы до чертиков, а я в разъездах целый день, да еще в разговорах каких-то дурацких.

– Да, конечно, – спохватилась девушка виновато, пошла к выходу, но остановилась в дверях. – Ой, Владислава Игоревна, я совсем забыла, я же выяснила, кто из посторонних был в офисе в пятницу.

Влада уставилась на нее, изобразив лицом полное внимание.

– Один из бонз областной больницы.

Влада почувствовала, как у нее обрывается и летит куда-то вниз сердце. Словосочетание «областная больница» творило с ней что-то непонятное, не поддающееся логическому объяснению.

– Кто именно? Не главврач же?

Голос сорвался, поехал куда-то вверх. В ее музыкальной школе это называлось «дать петуха».

– Нет, конечно, – удивилась Ксюша. – Что ему тут делать. Этот, который полгода назад рентгеновские аппараты забирал. Тихомиров.

Олег? Олег приезжал к ней в офис в пятницу, не дождался, пока она придет со склада, и уехал, да еще ни словом не обмолвился о своем визите позже?

– Ну да, – ответила на заданный ею вопрос Ксюша. – Девочки из отдела продаж проводили его в ваш кабинет, предложили кофе, сказали, что вы скоро придете, даже позвать предложили. Он ответил, что не стоит вас отвлекать и что он подождет. Через какое-то время он заглянул к ним, сказал, что у него появилось

срочное дело и ждать он вас не будет. Просто позже позвонит. Он не звонил?

– Нет, – покачала головой Влада. – Он не звонил. Очень странно. Очень. Но я выясню, Ксюша, не беспокойся. Спасибо, что спросила у девочек. Интересно, почему они мне ничего не сказали.

Впрочем, в этом как раз ничего странного не было. Когда она вернулась в офис со склада, все суетились, заказывая пиццу на обед. Влада тоже включилась в эту пятничную суету, а потом они все вместе ели эту самую пиццу, и, разумеется, несостоявшийся визит Тихомирова вылетел у девчонок из головы.

Итак, примем за аксиому, что дражайший Олег Павлович нарезает круги вокруг Владиславы Громовой. Его приезд в офис, совпавший с пропажей ключей, присутствие в ресторане в тот момент, когда у нее обыскали сумку, и активность «Мед-Систем» по выявлению косяков в работе Тихомирова не могут быть простым совпадением. И что он хочет при таком раскладе? Отомстить? Но, черт побери, как?

Конечно, у Влады было немало конкурентов, точивших зуб на ее контракты, ее связи с поставщиками и ее умение работать. Вполне возможно, что Тихомиров кормился из рук кого-то из них, пытаясь получить инсайдерскую информацию, способную ослабить позиции «Мед-Систем» на рынке. Но обыск в ее квартире все равно не укладывался в эту парадигму. Зачем нарушать неприкосновенность чужого жилища, понимая, что если попадешься, то огребешь нехилые проблемы? Это стоит делать только ради чего-то действительно значимого. Но ничего такого в квартире Влады не имелось.

Не переставая думать о странной череде событий, происходящих в ее жизни в последнюю неделю, она механически разбиралась с запланированными на сегодня делами, которых было немало, вычеркивая их

из составленного утром списка. Рабочий день мог считаться законченным только тогда, когда последняя запись оказывалась перечеркнутой. Этому давно заведенному правилу Влада следовала неукоснительно.

В ежедневнике оставалась всего одна строчка – посмотреть поступления за день и расписать обязательные платежи на завтра – когда Влада поняла, что больше не может. Нет, физически она не устала, и время на часах еще было, по ее меркам, «детское» – семь вечера, работать и работать, тем более что сегодня ее никто нигде не ждал. Но моральных сил не осталось. Внутри росло чувство какой-то непонятной тоски, как будто все, что она делала, разом потеряло смысл.

Чтобы нащупать опору, ту, что была у нее всегда, она набрала номер сына.

– Мамулик, – услышала она жизнерадостный голос в трубке, – ты меня извини, но я не могу разговаривать, у меня, видишь ли, свидание. У тебя все в порядке?

У нее тоже могло быть сегодня свидание, но она стерла даже мимолетную его возможность. Это было глупо, но в данный момент Влада остро завидовала сыну.

– Да, в полном порядке, – сказала она, с трудом сдерживая слезы. – А у тебя?

– И у меня. Все, мамуль, я побежал, позвоню завтра. Ок?

– Ок, – вздохнула она.

Ветер, свистящий в душе, ощущался все сильнее. Сама не зная, зачем она это делает, Влада полезла в WhatsApp и быстро набрала сообщение Владимиру Радецкому: «Вы освободились на сегодня?» Почти моментально телефон пискнул, принеся ответ: «Нет. От работы да. Но у меня сегодня по графику железяки».

Видимо, «железяки» означали спортзал, но Владе все равно стало грустно. Она сама ни у кого сегодня не

стояла в графике. Впрочем, как и всегда. Как там было в фильме «Вокзал для двоих»? «Сама, Верочка, не маленькая. Сама-сама-сама-сама». Чтобы сохранить лицо и не показать, что ее что-то расстроило, она набрала новое сообщение: «Гвозди бы делать из этих людей». И тут же прочитала: «Стараюсь сохранить привлекательность. В первую очередь сексуальную».

«Вам это удалось. Уже, – ответила она цитатой из еще одного хорошего советского фильма. – Или усилить хочется?»

«Если это важно для тебя, то ты найдешь время, возможность и способ. Если нет – оправдание», – прочитала Влада в ответ. И снова спросила: «А мы ищем время и возможности или оправдание?», замерев в ожидании ответа. Телефон молчал. Прошла минута, пять, десять. На четырнадцатой минуте Влада отмерла, осознав, что все это время сидела не двигаясь и неотрывно глядя на экран с перепиской. Как кролик перед удавом. Что же это такое?

Наверное, нужно было рассердиться на себя за взявшееся невесть откуда слабование, но телефон снова пискнул, давая возможность сфокусировать внимание на появившейся там строчке: «Время и возможности!» Прочитав сообщение, Влада вздохнула. Искать время и возможности двум взрослым, состоявшимся в жизни людям всегда сложно. И притираться сложно, и царапаться о чужие зазубины, нанесенные жизнью, придется. Сложно это, очень. Но никто и не обещал, что будет легко. Никогда.

Ее немного смущало, что она никогда и ничего не слышала о личной жизни Радецкого и даже не знала, женат ли он или в разводе. С одной стороны, он имел возможность писать ей до глубокой ночи, и это никого не напрягало. С другой – вряд ли столь потрясающий мужик был свободен, а влипнуть в отношения с женатым человеком Влада не хотела. Плавали – знаем. Свидания

украдкой, бросаемые тайком взгляды на часы, неуклюжая ложь и постоянные оправдания, одиночество на любые праздники, нет, такая жизнь ей была не по нраву. Не могло быть от нее никакого удовольствия, только постоянная боль. А раз так, то надо закончить все еще до начала.

Еще раз вздохнув, Влада силой воли заставила себя вернуться к работе и выполнить намеченное на сегодня. Она бы в любом случае поступила так, даже если бы ее терпеливо ждал Женюсик, но никто ее не ждал, у всех были свои дела, своя жизнь, в которой не было места Владе Громовой. Завершив наконец дела и вычеркнув последнюю строчку в ежедневнике с такой силой, что под стержнем ручки порвалась бумага, она поехала домой, где ее ждал соскучившийся Беня.

Вечер вторника был совсем обычным, тек себе не спеша, без всплесков и потрясений. Есть Владе не хотелось, была у ее организма такая особенность: в моменты особых волнений он просто прекращал нуждаться в еде, которую приходилось впихивать в себя насильно, ради здоровья. Вот и сегодня в обед она съела всего ничего, но чувства голода не было, наоборот, при мысли о еде немного мутило, поэтому Влада порезала себе два яблока и один банан и завалилась в кровать, бездумно уставясь в телевизор. Привычный релакс не помогал, внутреннее напряжение не отпускало. Она словно чего-то ждала, вот-вот, вот-вот, ну сейчас же.

Звякнул телефон, и она встрепенулась, схватила его с тумбочки, разочарованно увидев, что присланное сообщение от подруги, с которой они не общались, кажется, целую вечность.

«Ты куда пропала? – спрашивала та. – У тебя все в порядке? Ты в делах или в мечтах?»

Если бы Влада могла ответить на этот вопрос хотя бы самой себе.

«Все в порядке. Дел много. Давай потом», – написала она, зная, что подруга не обидится. Не такой у нее был характер. Телефон снова звякнул, на этот раз подруга прислала подмигивающий смайлик. Влада вернула телефон на тумбочку, с ожесточением захрустела яблоком, которое казалось совершенно безвкусным, словно сделанным из картона. Тьфу ты, пакость.

«Упс» – снова сообщил телефон, сердце покатилося куда-то вниз, словно догоняя проглоченный яблочный ломтик. Это пришло сообщение от одного из поставщиков, уточняющего какую-то позицию по договору. Что за люди, откуда у них берется эта готовность работать ночью. «Упс». Ксюша спрашивала, все ли у нее в порядке. Господи, да что же помощница привязалась с этой не нужной никому заботой. Конечно, у Влады все в порядке, она же не ребенок.

«Упс», «упс», «упс» – Владе написали мама, двоюродная сестра и Ира Веретьева, отпрашивающаяся на завтра с работы из-за того, что заболела дочка. Да что им всем от нее надо-то? Каждый раз, как приходит сообщение, у нее в душе расцветает и, не родившись, умирает надежда. Если ей сегодня напишет кто-нибудь еще, то, пожалуй, душа не выдержит этих бесконечных похорон.

«Упс». В очередной раз вздрогнув, Влада обреченно взяла с тумбочки телефон. «Радецкий Владимир Николаевич», доложил экран, словно подмигнул. Ну да, 23:15, чему удивляться. Она открыла сообщение, которое оказалось стихотворением.

Когда мы встретимся однажды и познакомимся, конечно... [3]

Такими строками начиналось оно. Когда ей последний раз присылали стихи? Не стоит и напрягаться, вспоминая. Никогда.

«Еще», – попросила она в ответ. И тут же получила еще одно стихотворение, первое четверостишие которого заставило сердце забиться быстро-быстро.

Так хочется дотронуться, так страшно прикоснуться...^[4]

Вот, спрашивается, что на это отвечать? Впрочем, отвечать ничего и не пришлось, поскольку сразу последовало сообщение в прозе: «Владислава Игоревна, давайте завтра поужинаем вместе. Вы какой ресторан предпочитаете?»

«Количество народа в ресторане имеет значение?» – отбила она.

«А что зависит от народа?» – не понял Радецкий.

«Степень приватности».

«Владислава Игоревна, душа моя, падение должно быть публичным, – прочитала она и засмеялась. – Можете выбирать ресторан исключительно в зависимости от вкусовых предпочтений. Все остальное не имеет значения».

Так, значит, появляться с ней в людных местах Радецкий не боится. Запишем в плюс. Хотя, положив руку на сердце, ужин в ресторане вряд ли может его скомпрометировать. Тем более с ней, с Владой. Такой ужин вполне может быть деловым. У нее они проходят чуть ли не каждую неделю, и никогда Влада не думала о том, как это выглядит со стороны.

«Буррата», – ответила она, устав от мыслей, наперегонки скачущих в голове.

«Договорились. 19:00», – пришел ответ, и тут же следующее сообщение: «Спокойной ночи, поборница общественной морали».

Мимолетно огорчившись, что на сегодня переписка, судя по всему, закончена, Влада доела свои яблоки, с внезапно проснувшимся аппетитом сварганила себе огромный тост с сыром и авокадо, выпила чашку чаю и

снова улеглась в постель, выключив телевизор. Ей нужно было придумать, что надеть на завтрашнее свидание, то есть, разумеется, просто встречу. Перед тем как переключить телефон в беззвучный режим, она настроила на сообщения Владимира Радецкого другой звуковой сигнал, отличный от всех остальных. Не будет она больше вздрагивать от каждого присланного сообщения, вот не будет, и все. Для этого она скачала из магазина приложений новый рингтон. И это был знаменитый «Марш Радецкого». Что же еще.

* * *

Среда катилась своим привычным рабочим чередом, но Радецкий то и дело ловил себя на мысли, что с нетерпением ждет вечера. Это казалось нонсенсом, потому что умение терпеливо ждать, соблюдая полное спокойствие, как внешнее, так и внутреннее, было одним из основных качеств, которое он вынес из своего военного опыта. Ждать, пока привезут раненых. Ждать, когда придет вертолет с необходимыми медикаментами. Ждать, пока кончится бесконечная ночь, проведенная у операционного стола. Ждать, пока можно будет позвонить своим. Ждать-ждать-ждать... Он умел это, как никто другой.

Не счесть, сколько раз это умение помогало ему уже в мирной жизни. Лет десять назад он вдруг пусть ненадолго, но увлекся охотой, и способность часами сидеть или стоять неподвижно, не производя ни малейшего шума и не испытывая признаков нетерпения, оказалась очень кстати. Да и за операционным столом полная концентрация без проявления малейшей торопливости позволила ему быстро стать легендой. И вот сейчас легенда то и дело поглядывала на часы, прикидывая, сколько времени

остается до назначенного ужина. Собственная непривычная нервозность раздражала.

Поводом для раздражения стал и тот факт, что, придя поутру на работу с твердым намерением сразу после оперативки разобраться со странным поведением Тихомирова, он обнаружил оставленное у секретаря сообщение, что Олег Павлович заболел, а потому на работу сегодня не выйдет. Ну да. То ли переволновался вчера в ожидании «божьей кары», то ли просто знает кошка, чье мясо съела, вот и предпочитает отсидеться, пока начальственный гнев уляжется.

Как бы то ни было, выяснить, с чем связано нарушение технологии строительных работ в гибридной операционной и почему Тихомиров прикрылся его именем, чтобы устроить в больницу Ираиду Нежинскую, пока не представлялось возможным. После некоторого размышления следовательно о последнем факте Радецкий решил пока не сообщать. В конце концов, знакомство Тихомирова и Нежинской требовало подтверждения, а втравливать людей в лишние неприятности было не в характере Радецкого. Сначала надо поговорить, а уже потом куда-то сообщать, тем более что нетерпимость к любому доносу существовала в нем на каком-то глубинном, физиологическом уровне.

Решение далось непросто, потому что следователь Зимин снова был в больнице, продолжая работать с персоналом двух отделений – кардиохирургического и хирургического, и знакомство заместителя главврача по хозяйственным вопросам и убитой пациентки могло иметь для следствия важное значение, вот только кодекс чести все равно требовал для начала выслушать версию Тихомирова самому. Ладно, до завтра время терпит, а больше филозить ему Радецкий все равно не даст.

Он и про свое открытие, что Елена Михайловна Валуева приходилась дочерью тому самому Михаилу Сурикову, который добивался правды в деле о хищении самолетов из воинской части, ничего Зимину не сказал, частично из-за того, что верная Петровская еще не раздобыла нужной информации, а частично из-за того, что о версии с самолетами Зимин не хотел и слушать.

«Гордыня в тебе говорит, Владимир Николаевич, – сказал он сам себе и усмехнулся. – Гордыня и высокомерие. Не хочешь чувствовать себя дураком и видеть снисходительный взгляд Зимина. А еще, признайся, хочешь сам разобраться в том, что случилось. И почему тебя опять тянет кому-то что-то доказывать?»

Петровская появилась в приемной в аккурат к концу планерки, точно зная его расписание. По ее невозмутимому лицу трудно было что-то прочесть, но Радецкий знал, что она бы не пришла, если бы не узнала что-то важное. Поэтому он пытался побыстрее закончить разговор с начмедом, который, как назло, никак не уходил, озвучивая все новые и новые вопросы, несомненно важные и требующие решения, но в свете последних событий интересующие Радецкого гораздо меньше, чем то, что могла сообщить Петровская.

– Здравствуйте, Мария Степановна, – сказал он, когда от начмеда наконец удалось отделаться, – проходите в кабинет. Чай будете?

– Выпью, – благодарно кивнула медсестра.

– Анечка, Марии Степановне – чай, мне кофе, – распорядился он и увел Петровскую в кабинет, бережно поддерживая под локоток.

– А вы ведь были правы, Владимир Николаевич, – сказала та, сделав первый глоток и дождавшись, пока за секретаршей закроется дверь. – Валуева, когда я ее видела в четверг, действительно шла из палаты

Нежинской. Ньюша видела ее там, когда пришла забирать посуду от завтрака.

– А в какой последовательности они пришли? – быстро спросил Радецкий, чувствуя знакомый холодок, пробежавший вдоль позвоночника. Так было всегда перед большим открытием. – Эта ваша Ньюша уже уходила, когда Валуева появилась в палате?

– Нет, в том-то и дело, что наоборот, – покачала головой Мария Степановна. – Когда Ксюша принесла завтрак, то Нежинская была в палате одна, а когда вернулась забрать посуду, то обнаружила там Елену Михайловну. Та сидела на стуле у кровати, но при виде Ньюши встала и ушла, сказав, что не будет мешать, но обязательно зайдет позже.

– Так, еще раз, вы же понимаете, что это очень важно, Мария Степановна, – быстро сказал Радецкий. – То есть раздатчица утверждает, что Валуева ушла в то время, когда она сама еще была в палате?

– Да, именно так. Елена Михайловна покинула палату, в которой остались Ньюша и Нежинская. После этого я увидела Валуеву в коридоре, и она шла к лифту. То есть Нежинская в это время была еще жива.

– Она была жива, но доктор Валуева обещала вернуться, – задумчиво сказал Радецкий.

– Но вряд ли она имела в виду, что вернется через пять-десять минут, – мягко возразила Петровская. – Возможно, она планировала снова зайти к Нежинской через какое-то время или пару дней. Вот только зачем она вообще к ней приходила?

– Лучший способ что-то узнать – это спросить, – пробормотал Радецкий себе под нос.

– Простите, что?

– Ничего, Мария Степановна, ничего. Это я сам с собой разговариваю. Вы пейте чай. Вот, у меня есть вкусное печенье, как раз такое, как вы любите. – Он поставил на стол жестяную коробку с рассыпчатым

печеньем, пообещав себе купить для Петровской такую же и делать это регулярно. – Вы мне очень помогли. Спасибо.

– Вы только будьте осторожны, Владимир Николаевич, – попросила Петровская тихо. – Берегите себя.

– А что со мной сделается? – искренне удивился он.

– Ничего, но доморощенные расследования могут быть опасны.

– Я не веду никакого расследования, вы что, Мария Степановна, – запротестовал он. – Просто мне кажется неправильным сообщать какие-то факты следователю, не проверив их. Охоту на ведьм я никогда, знаете ли, не приветствовал.

– Знаю, – кивнула головой медсестра. – И тем не менее повторю. Берегите себя.

– Торжественно обещаю, – отшутился Радецкий. Тревога в глазах Петровской ему не нравилась. Он не хотел, чтобы она тревожилась.

Когда Мария Степановна ушла, он решил вызвать к себе Валуюеву, чтобы задать появившиеся вопросы, но не успел – в кабинете появился Зимин.

– Доброе утро, Владимир Николаевич.

– Мне кажется, что не очень доброе, – проницательно заметил Радецкий, глядя на суровое лицо следователя. – Или я ошибаюсь и вы с хорошими новостями?

– С хорошими новостями люди моей профессии приходят редко, – согласился Зимин. – Так что я просто с новостями. Мы нашли человека, который отправил интимное видео убийце Юлии Кондратьевой. И знаем имя того, кто эту подлость заказал.

Радецкий сразу вспомнил рассказ Владиславы Громовой о подслушанном ею разговоре на лестнице. Действительно, в этой грязной истории были замешаны двое. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему страшно

услышать их фамилии. Как жить, если это, к примеру, Петровская? Радецкий помотал головой, потому что такого, разумеется, быть не могло. Кто угодно, но не Мария Степановна.

– И кто эти люди? – спросил он внезапно чуть охрипшим голосом.

– Сняла и отправила видео Лидия Селезнева, медсестра кардиохирургического отделения.

Радецкий нахмурился. Могла пожилая пациентка узнать о совершенной девушкой подлости и начать выговаривать ей, уже зная, что Юля Кондратьева не вышла на дежурство? Вполне себе даже могла. Могла Лидия в ответ задушить старушку подушкой, а уже потом забить тревогу, чтобы отвести от себя подозрения? Теоретически тоже да. Придя к такому выводу, он озвучил свои мысли вслух.

– Да, мы тоже сделали такое предположение, – кивнул Зимин. – Селезнева, конечно, отпирается, но мы прорабатываем эту версию.

– Хорошо. А кто был заказчиком видео? Вы сказали, что это установили.

– Да, Селезнева сразу же сдала нам человека, по просьбе которого видео было снято и отправлено. Эта самая Лидия училась в одном классе с Николаем Поповым, и периодически они встречались в общих компаниях. Она знала, что у Попова роман с Кондратьевой, а потом Юлия пришла работать в кардиохирургию, и Селезнева узнала, что у нее отношения с доктором Королевым. Она рассказала об этом, разумеется сначала в качестве сплетни, но потом получила заказ сделать видео во время дежурства и отправить его Попову с левого телефона, чтобы не быть вычисленной. Телефон она получила от заказчика.

– И кто же это был? Да говорите уже.

– Врач хирургического отделения, подчиненная Королева Елена Михайловна Валуева.

Как говорится, упс. Бинго!

Видимо, Зимину удалось что-то прочитать по его лицу, потому что он тут же спросил:

– Что? Не удивлены?

– Даже трудно ответить односложно. С одной стороны, нет, не удивлен. Я всегда знал, с какой маниакальностью Елена Михайловна прочищала себе дорогу в заведующие отделением, поэтому такой ход для устранения соперника, в принципе, вполне в ее духе. И самое грустное, что затея ей вполне удалась. Вчера Сергей Александрович Королев написал заявление о сложении с себя полномочий заведующим и я назначил на этот пост именно Валую. С другой стороны, таких глубин человеческой подлости я в этой даме все-таки не подозревал. Кроме того, вполне возможно, что она имеет отношение к смерти Нежинской.

И он рассказал Зимину о том, что Валую – дочь Михаила Сурикова и, более того, была в палате Ираиды Сергеевны незадолго до убийства.

– Так вы говорите, что есть свидетель, утверждающий, что Нежинская была еще жива в тот момент, когда Валую покидала палату?

– Да. Но совпадение все равно любопытное.

– Вы можете вызвать Валую сюда, чтобы я не опрашивал ее на рабочем месте, вызывая нездоровое любопытство всего коллектива? Там и так весь этаж гудит, потому что Селезнева после разговора со мной рыдает в голос.

– Да, конечно, более того, я и так собирался это сделать.

Зимин посмотрел на Радецкого недобро.

– Собственное расследование ведете? Не рекомендую.

– Да какое расследование, – отмахнулся Радецкий. – Просто, знаете ли, не привык раскрывать личную

информацию о людях, не переговорив с ними.

– Владимир Николаевич, самостоятельность в этом деле может быть опасна.

– Я понимаю. И уверяю вас, что веду себя максимально осторожно. Я в прошлом военный, Михаил Евгеньевич. Так что за меня переживать не надо.

– Или вы думаете, что я не изучил вашу биографию. – Зимин вдруг усмехнулся, коротко, даже скупно, но вполне по-доброму. – Я точно знаю, что вы играете на нашей стороне, Владимир Николаевич, вот только военная прямолинейность в расследовании преступлений не всегда бывает к месту. Сыщики больше хитростью берут. Считайте, что я вас предупредил, а сейчас позовите, пожалуйста, Валуюву.

Елена Михайловна появилась в кабинете через пять минут, как будто ожидала вызова и была к нему готова. Выглядела она так же, как всегда: слишком вызывающий макияж, слишком приторный запах духов, правда не такой сильный, как раньше, слишком облегающий белый халат, не привычный костюм, а именно халат, позволяющий носить юбку и открывать ноги, слишком высокие каблуки. Фирменной слишком сладкой улыбки на лице, правда, не было. Знает или догадывается?

– Здравствуйте, Владимир Николаевич, – сказала она, входя. – Приглашали?

Радецкий коротко кивнул, потому что в данный момент совершенно не хотел желать этой женщине здоровья. Вместо него это сделал Зимин.

– Здравствуйте, Елена Михайловна. Вы меня помните? Я следователь Зимин Михаил Евгеньевич. Владимир Николаевич вызвал вас по моей просьбе. Я расследую уголовное дело, связанное с двумя убийствами, произошедшими в больнице.

– Насколько мне известно, в больнице произошло только одно убийство, – Валуюва прошла к столу для

переговоров и без приглашения села, явив обоим мужчинам свои длинные ноги, обтянутые тонким капроном.

При виде этих ног Радецкого почему-то передернуло. Слишком крупные, с большими ступнями и не очень изящными лодыжками, они были далеки от совершенства.

– Вы правы, – невозмутимо сообщил Зимин. – В больнице совершено одно убийство, а за ее пределами – второе. В первом случае погибла пациентка, во втором – ваша коллега. И мы считаем, что вы можете быть причастны к обоим этим преступлениям.

– Коллега? – Валуева изогнула тщательно прорисованную бровь. – Медсестра не может быть мне коллегой. Не тот уровень, уважаемый.

От этого неприкрытого снобизма Радецкого передернуло второй раз. Он не был брезгливым человеком, не подходящее это качество для хирурга, и змей не боялся, и жаб, но при виде Валуевой почему-то испытывал смесь омерзения и брезгливости.

– И какое отношение я могу иметь к этим убийствам, вообще не понимаю, – продолжала та.

– Постараюсь объяснить, – Зимин был так непробиваемо спокоен, что Радецкий невольно залюбовался им. Он вообще любил смотреть, как люди хорошо выполняют свою работу. – Следствием установлено, что поводом для убийства Юлии Кондратьевой стало посланное ее бывшему молодому человеку Николаю Попову видео, на котором видно, что между Кондратьевой и Королевым существовали близкие отношения. Это видео снято и отправлено медсестрой того же кардиохирургического отделения, в котором работала и убитая, Лидией Селезневой. Та уже дала признательные показания.

– И что? – Валуева дернула округлым плечом.

– А то, Елена Михайловна, что Селезнева также дала показания, что снять видео и отправить его Попову ее надоумили вы.

– Врет, – равнодушно сказала Валуева. – Как вы собираетесь это доказать, если в данном случае ее слово против моего? Ничего я ей не советовала.

– И никакой телефон не давали?

– Разумеется, нет. Девица либо себя отмазывает, либо кого-то другого покрывает и выгораживает, а я тут совершенно ни при чем.

У нее дергалась щека, едва заметно, Радецкий бы ни за что не уловил это еле заметное движение, если бы не смотрел специально.

– Я знаю, что перед самым убийством вы были в палате у Ираиды Нежинской. Вас видела там раздатчица, забиравшая тарелки, – сказал он.

Тщательно напудренная щека снова дернулась.

– Это не преступление. Я действительно заходила в эту палату. Но, как, наверное, заметила эта ваша раздатчица, когда я уходила, старуха была цела и невредима.

– Что вы там делали, Елена Михайловна? – спросил Зимин. – Это не ваше отделение, не ваша пациентка, и вы могли там быть только в том случае, если хорошо ее знали и зашли поведать.

– Вот еще. Я вовсе ее не знала. Видела первый раз в жизни.

Мускул на правой щеке дрожал все сильнее. Валуева, хоть и вела себя невозмутимо, на самом деле волновалась, да еще как. Радецкий был уверен, что Зимин тоже это видит.

– Вы перед началом рабочего дня пришли в палату к совершенно незнакомому человеку? Зачем? Не потому ли, что Нежинская что-то знала об отправленном видео и могла, к примеру, стыдить или шантажировать

Селезневу, а та позвала вас на помощь? – задал вопрос следователь.

– Есть свидетель, который слышал, как Селезнева разговаривала с вами по телефону. Она испугалась произведенного эффекта. И того, что Кондратьева не вышла на дежурство, и того, что Королев так сходил с ума, что был вынужден уйти с работы. Она вполне могла сказать вам, что Нежинская что-то знает. Вы поднимались в кардиохирургию, чтобы убедить ее замолчать? – снова встрял в беседу Радецкий.

Зимин покосился недовольно, но ничего не сказал.

– Да нет же, – теперь Валуева почти потеряла самообладание. Видимо, поняла, какими неприятностями ей могут грозить подобные обвинения. – Я понятия не имею, что знала о снятом видео старуха. Мой визит к ней вообще не имел никакого отношения к этой истории.

– А к чему он имел отношение? – быстро спросил Радецкий. – К тому, что вы дочь Михаила Сурикова? К истории с проданными истребителями?

Вот теперь Валуева изменилась в лице так сильно, что Радецкий подумал, что она сейчас грохнется в обморок.

– Я ее не убивала, – прошептала она. – И действительно до этого никогда в жизни не видела. Я узнала, что в кардиохирургии лежит Ираида Сергеевна Нежинская...

– Откуда узнали?

– От Лиды... От Селезневой. Поверьте, я не хотела. Я понятия не имела, что все так закончится. Я просто хотела, чтобы Королева сняли с должности. И все. Я не думала, что получится так ужасно.

– Вот что, Елена Михайловна, давайте-ка успокойтесь и расскажите обо всем по порядку, – вежливо, но твердо сказал Зимин. И Валуева рассказала.

Идея нейтрализовать Сергея Королева, которого она считала главным своим конкурентом, пришла в голову Елене Валуевой в тот момент, когда однажды в больничной столовой она услышала, как медсестра отделения кардиохирургии сплетничает по телефону со своей подругой, рассказывая ей, как Юля Кондратьева изменяет их общему однокласснику Коле Попову с заведующим хирургическим отделением.

С точки зрения Валуевой, отправленное видео должно было побудить Попова прийти разбираться с Королевым в больницу, последовала бы драка, после чего опозоренный врач, по ее замыслу, должен был быть с позором освобожден от занимаемой должности. Подговорить Селезневу оказалось делом техники. За довольно скромную сумму девушка взяла выданный ей телефон, подкараулила, пока Королев и Кондратьева начнут целоваться в укромном закутке отделения кардиохирургии, после чего отправила видео своему однокласснику.

Итогом стало жестокое убийство Юли, которого никто предугадать не мог. Когда девушка не вышла на работу, а Королев буквально сходил с ума от тревоги, Селезнева в панике позвонила Валуевой. Та успокоила девушку как могла, хотя и встревожилась, поскольку ситуация явно развивалась не по плану. Когда стало известно об убийстве Юли, Николая Попова взяли под стражу, а в больнице появились следователи, Валуева испугалась, что правда точно выплывет наружу.

Несколько дней было тихо, Селезневу с помощью дополнительно выданной ей суммы денег удалось упросить молчать, да еще и окончательно впавший в отчаяние из-за смерти любимой Королев добровольно сложил с себя обязанности, в результате чего Валуева получила вождеденную должность. На какое-то время она успокоилась, решив, что буря прошла мимо.

Никаких угрызений совести из-за содеянной подлости, результатом которой стала смерть молоденькой девочки, Елена Михайловна не испытывала, рассудив, что случившееся всего лишь кара за адюльтер. Мол, не встречалась бы Кондратьева с женатым человеком, не изменяла бы своему почти жениху – и была бы жива и здорова.

Тем не менее то и дело наведывающиеся в больницу следователи Валуюву немного смущали. Понять, из-за чего они проводят постоянные опросы сотрудников – из-за убийства Нежинской или из-за смерти Юли, – она не могла, а то, что эти две смерти могут как-то связать между собой, ей даже в голову не приходило.

– Вы знаете, кто и почему убил Ираиду Нежинскую? – спросил Зимин.

Валуюва покачала головой со сложной прической. Искусно уложенная копна волос зашевелилась, словно живая.

– Понятия не имею. Когда Кондратьева не пришла на смену, то Нежинская, у которой сложились добрые отношения с девушкой, забеспокоилась и начала приставать к Лиде с вопросами. Лида позвонила мне. Вообще-то ее звонок был связан с тем, что Юля пропала, а Королев обрывает телефон, обзванивая другие больницы и морги, но между делом она упомянула про старуху, назвав ее по фамилии. Так я узнала, что в кардиохирургии лежит Ираида Нежинская. Такое сочетание имени и фамилии не могло быть простым совпадением, я поняла, что это именно жена того человека, который сломал, а потом отнял жизнь моего отца.

– Почему вы считаете, что в гибели вашего отца был виноват именно Нежинский?

– Он был самым влиятельным из них всех. Когда папа понял, что военная прокуратура спускает все на тормозах и пошел в газеты, Нежинский встречался с

ним, пытался дать денег, чтобы отец перестал искать справедливости. Но папа был не такой, поэтому он отказался, послал Нежинского матом, и между ними, кажется, даже завязалась потасовка. Вскоре после этого отец погиб. Его сбила машина. И мама всегда считала главным виновником именно Нежинского. Я выросла с этим убеждением.

– Лучше бы вы, Елена Михайловна, выросли с идеалами вашего отца. С такими понятиями, как честь и порядочность, – заметил Радецкий. – Вы понимаете, что то, что вы сотворили с Кондратьевой и Королевым, не может иметь оправдания? Вы виноваты в смерти Юли так же, как если бы били ее гирей по голове и сжигали собственноручно.

– За это, кажется, не судят, в отличие от настоящего убийства, – надменно сказала Валуева.

Радецкий посмотрел на Зими́на, тот покачал головой.

– Нет, Елена Михайловна, судить вас не будут. В УК РФ нет такого понятия как подлость, а подстрекательство к убийству я доказать бы хотел, но не смогу.

– Вот именно.

– Но это не значит, что вы будете и дальше тут работать, – сказал Радецкий, – вы не выйдете из этого кабинета, пока не напишете заявление об увольнении по собственному желанию.

– С должности заведующей?

– Нет, вообще с работы. Я не представляю, как вы сможете трудиться в нашем коллективе и смотреть в глаза коллегам, которые будут знать, что вы натворили и на что способны. И да, боюсь, что вы не сможете надеяться на положительные рекомендации с моей стороны.

Взяв со стола лист бумаги и ручку, Валуева, закусив губу, начала писать заявление.

- Зачем вы ходили в палату к Нежинской?
- Хотела на нее посмотреть. Ну, и спросить, что она знает о случившемся двадцать лет назад.
- Спросили?
- Да. Несмотря на преклонный возраст, старуха оказалась в полном разуме. Она прекрасно помнила ту историю с самолетами, и имя моего отца было ей хорошо знакомо. Она разнервничалась, разумеется, но не испугалась. Сказала, что вернулась в город специально для того, чтобы восстановить справедливость, и что мой отец тоже этого заслуживает. Мол, она считает необходимым перед смертью покаяться перед богом и воздать всем то, что нам полагается.
- Что она имела в виду?
- Я не очень поняла. Если честно, мне вдруг пришло в голову, что отца все равно не вернешь. Можно считать, что я удовлетворила свое любопытство, посмотрев ей в глаза. Тут пришла раздатчица, чтобы забрать тарелки, и я ушла.
- И больше не возвращались.
- Нет, не возвращалась. Я пошла к себе в отделение, потом позвонила напуганная Селезнева, а потом все зашушукались о том, что в кардиохирургии убийство, и поначалу я это никак с Нежинской не связала.
- А когда узнали, что это она, что подумали?
- Да ничего я не подумала. - Валеева вдруг как-то разом потухла, словно внутри ее некто неведомый повернул какой-то выключатель. Теперь она не выглядела ни яркой, ни манкой. Обычная женщина, не первой уже молодости, вот и все. - Она же бормотала что-то про «воздать по заслугам». Может, кто-то решил этого избежать, но я, честное слово, понятия не имею, кто бы это мог быть. Я могу идти?
- Можете, - разрешил Зимин. - Пока я вас больше не задерживаю, но позже вам надо будет приехать в

следственное управление, чтобы записать ваши показания под протокол. Повестку выписать или сами?

– Я приеду, – покорно сказала она. – Как видите, с работы мне теперь отпрашиваться для этого будет не надо. С какого числа я уволена, Владимир Николаевич?

– С завтрашнего, – сказал Радецкий жестко. Ему совсем-совсем не было ее жалко.

Когда Валугева ушла и они с Зиминим остались в кабинете вдвоем, он задал вопрос, который в данный момент считал самым важным:

– Михаил Евгеньевич, теперь вы верите в то, что Нежинскую убили из-за истории двадцатилетней давности, которую раскопала Инна Полянская?

– Вера – понятие нравственное, Владимир Николаевич, – ответил следователь, – а я привык руководствоваться фактами. Скажем так, эта версия стала казаться мне менее невероятной, чем раньше. Если выяснится, что Лидия Селезнева ни при чем и потерпевшая не пыталась призвать ее к ответу за посланное Кондратьевой видео, то, пожалуй, я буду рассматривать эту версию более внимательно. Уверяю вас, я о ней не забыл. Вы же рассказали мне все, что знаете?

Радецкий уже был готов поведать о знакомстве с Нежинской своего заместителя по хозяйственным вопросам, который лично устраивал старушку в больницу, но у Зимина зазвонил телефон и, выслушав сообщение, тот резко распрощался, пообещав зайти позже. Рассказать про Олега Тихомирова Радецкий не успел.

Продолжался этот непонятный маетный день, в который почему-то приходилось то и дело поглядывать на часы, чтобы убедиться, что он все еще не кончился. К счастью, новых неприятностей не происходило, больничная круговерть с локально возникающими и требующими срочного решения проблемами была

привычной, не требующей нестандартных подходов. Все это проходило много раз, и реакции Радецкого поэтому были тоже привычными, отточенными, отработанными до автоматизма, присущего только настоящим профессионалам.

Ему удалось уговорить Королева вернуться к своим должностным обязанностям. Известие о подлости Валуге выбило Сергея Александровича из колеи еще больше, хотя, казалось, это и было уже невозможно.

– Ради должности? Она фактически убила Юльку ради того, чтобы стать заведующей? Господи, это же чудовищно.

– Чудовищно, – согласился Радецкий. – Но чудовища часто живут под личиной простых людей. Проблема в том, что их не сразу удастся распознать. Впрочем, это не тот случай. Сигналы были, и очень отчетливые. Наша вина, что мы их пропустили. И вы, и я. Сергей Александрович, Валуга с завтрашнего дня в больнице не работает. Другой кандидатуры на должность заведующего отделением у меня нет, и вы это прекрасно понимаете. Так что, будем работать или пустим отделение под откос?

– Будем работать, – глухо сказал Королев и вдруг заплакал. Горько, беспомощно, как плачут только маленькие дети, когда их кто-то обидел. – Как жить, я по-прежнему не знаю, а работать буду. Если удастся помочь паре десятков людей, так, может, я смогу поверить в то, что Юля погибла не зря.

– Ну, вот и славно. Вы завтра сотрудников соберите, я приду, надо поговорить о том, что случилось. Поговорить и закрыть тему. Вы уж мне помогите, Владимир Александрович. Мне еще с кардиохирургией разбираться, так пусть хоть за хирургию голова не болит. Справитесь?

– Да, вы простите меня, Владимир Николаевич, за то, что я так непозволительно распустился. Я возьму

себя в руки, обещаю.

– Я понимаю, – сказал Радецкий, покривив, впрочем, душой.

На самом деле он не понимал слабости у других и никогда не позволял ее себе. Слабость, в его представлении, была делом недостойным, неспособным ничего исправить, а потому непозволительным. Он не плакал с того момента, как ему исполнилось четыре года и у его любимого плюшевого зайца оторвалось одно ухо, из которого тут же полезла скомканная свалывшаяся вата неопрятного серо-бурого цвета.

Мама тогда погладила его по голове, Радецкого погладила, не зайца, а игрушке пришила ухо суровыми нитками, которые перекусывала крепкими, очень белыми зубами. А папа тогда сказал, что мужчины никогда не плачут, тем более из-за какого-то зайца. Тот вовсе не был «каким-то», он представлялся самым нужным и важным на свете, и маленький Радецкий привык с ним засыпать, обнимая плюшевое тельце двумя руками крепко-крепко.

С починенным мамой зайцем он тоже спал, только больше не обнимал его, помня о грязной вате внутри, в которой, казалось, прятались ночные кошмары. Но и не плакал больше тоже, зная, что любую проблему снаружи можно решить, починить, пришив суровой ниткой. А то, что прячется внутри, изменить невозможно, а раз так, что из-за этого плакать.

Ровно в 18:30 Радецкий закончил все намеченные на сегодня дела, выключил свет в кабинете, запер его на ключ и отправился в ресторан «Буррата», где еще днем предусмотрительно забронировал столик, по дороге заехав за розами.

Он понятия не имел, какие цветы нравятся Владиславе Громовой, но выбрал именно розы, причем белые. Одиннадцать белых роз на длинных стеблях с крупными, еще не до конца открытыми бутонами

одуряюще пахли на всю машину, и он все гадал, обрадуется она или нет.

Громова обрадовалась. Причем так искренне, что он улыбнулся, глядя, как вспыхнули при виде букета ее глаза, словно всполохи света прошли по серой стальной глади. Она снова была в облегающем платье, не в сером, а цвета бургундского вина, и Радецкий почему-то расстроился, потому что серый удивительно шел к ее глазам. «Дама в сером», – вспомнил он Голсуорси и слегка сконфузился оттого, что подобные литературные сравнения мужчине были как-то не совсем к лицу, как и любые романтические глупости.

При заказе она ограничилась одним блюдом, выбрав котлеты из щуки.

– Можете себя не ограничивать, – сказал он полушутливо, – я справлюсь.

– С чем? – искренне не поняла она.

– С оплатой счета. Даже если вы решите съесть все блюда в меню.

Она смотрела все так же непонимающе, словно он говорил по-китайски. Черт, с чего он взял, что с этой женщиной можно просто провести легкий вечер? Он же с самого начала знал, что с ней не будет просто, и вот пожалуйста, трудности начались с первых же минут.

– Простите, Владимир Николаевич, – наконец засмеялась она. – Для меня новость, что за меня, оказывается, можно платить в ресторане. Ведя бизнес, я привыкла всегда оплачивать счет сама. Нет, я не экономлю ваши деньги, просто не голодна. Одного блюда мне вполне достаточно.

Ну да, она постоянно ходит в рестораны на деловые встречи, поэтому привыкла платить сама, как приглашающая сторона. Это понятно. Но есть же в ее жизни какой-то мужчина, с которым она ходит в ресторан просто так. И что? Тоже платит сама? Радецкий не выдержал и задал свой вопрос вслух.

– Да, – сказала она коротко. – Так получилось, что да. Я всегда плачу по счетам.

– Это позиция? Вы воинствующая феминистка?

– Нет. Совсем нет. Это не выбор, если вы об этом.

– Владислава Игоревна, но, идя сюда сегодня, вы же не думали, что я позволю вам оплатить счет?

– Я, признаться, вообще про это не думала. Но мне кажется, что поделить счет было бы правильно.

Радецкий обалдело смотрел на нее.

– Возможно, я немного устарел, но в моей картине мира никогда женщина не будет оплачивать даже половину счета в ресторане, особенно если это я ее туда пригласил.

– Хорошо, – просто сказала она, видимо предпочтя не спорить.

– Прекрасно. По первому вопросу договорились. И раз уж вы не хотите есть, то закажите хотя бы что-нибудь выпить. Очень хочется вас напоить. Вы как, буйная во хмелю?

– Я не бываю во хмелю, – улыбнулась его спутница. – Я практически всегда за рулем, поэтому пью крайне редко.

– Понимаю, потому что тоже предпочитаю в крови бензин, а не алкоголь, – согласился Радецкий. – Так что я буду пить апельсиновый сок и кофе. А вы все же оставьте здесь машину и закажите бокал вина. Я вас отвезу домой, обещаю.

Похоже, она что-то расслышала в его голосе, чуть большее, чем данное ни к чему не обязывающее обещание, потому что жестом подозвала официанта и заказала, правда не вино, а коктейль. «Маргариту».

– Любите коктейли?

– Обожаю. И если уж пью что-то алкогольное, то только их.

– Я запомню, – серьезно пообещал он.

– Владимир Николаевич, а расскажите о себе, – попросила вдруг Владислава внезапно. – Я совсем ничего про вас не знаю. А мне интересно.

– И что вам рассказать?

– Например, почему вы решили стать врачом.

– Моя мама всю жизнь проработала медсестрой. Она часто брала меня с собой на работу, и люди в белых халатах казались мне полубогами, спасающими жизни. В больницах тогда стоял особый запах, это была карболка, в моем детстве ею еще активно пользовались, так вот он мне казался самым лучшим запахом на свете. Мой отец был кадровым военным и всегда мечтал, чтобы я пошел по его стопам, но я все-таки выбрал медицину. Профессия врача тогда была престижной и уважаемой. Общественное превыше личного, нас тогда так учили.

– Да, кто бы мог подумать, что все так изменится, – задумчиво сказала сидящая напротив женщина. – Хотя нет, не все. Пожалуй, во все времена хороший доктор был и остается человеком уважаемым. Просто, как и в любом другом деле, нужно стремиться быть профессионалом.

– Нужно стремиться, да. Потому что только так твой выбор имеет смысл. Я о своем никогда не жалел. Учился на первом курсе, когда погиб отец. В конце восьмидесятых годов учить здорового парня на зарплату медсестры было практически невозможно, поэтому я одновременно с учебой пошел работать. Сначала санитаром в оперблоке, потом сторожем в морге. После института я поступил в аспирантуру по хирургии, защитил кандидатскую диссертацию. Мне было интересно заниматься наукой, но в те годы она совсем не приносила денег, а у меня появилась семья, родился сын, зарабатывать нужно было, а у простого врача в середине девяностых кормить семью получалось не очень, поэтому я ушел в армию. Стал

военным врачом и около шести лет мотался по горячим точкам в составе прифронтового госпиталя.

В ее глазах мелькнуло какое-то странное выражение и пропало так быстро, что Радецкий не сумел его расшифровать. Впрочем, он знал, что это было. Тревожное восхищение. Дамы любят героев, и, что скрывать, рассказывал про свое военное прошлое он именно по этой причине. Красовался.

Почему-то от осознания этого факта слегка испортилось настроение, и он замолчал, потому что никогда не распускал павлиний хвост, будучи убежден, что выглядит это крайне глупо.

– И что потом? – спросила собеседница, понятия не имевшая о его внутренних терзаниях.

– Потом родилась дочь, я ушел из армии, приехал сюда, устроился в эту больницу. В этом году будет двадцать лет, как это произошло. Потом я придумал несколько видов операций на сосудах, которые запатентовал, и на их основе защитил докторскую. Ее тема вам, как неспециалисту, ничего не скажет, но речь идет о таком способе лечения сосудистых патологий, когда обычные методы не срабатывают. Один из моих научных руководителей, человек, которого я безмерно уважаю, в шутку предложил назвать ее «Что еще можно сделать, когда сделать ничего нельзя». Этот метод сегодня используют многие доктора в своей практике, поэтому мне за эту работу не стыдно.

Кажется, его опять понесло в нечаянное хвастовство, и Радецкий снова умолк.

– Вы стали доктором наук до сорока лет?

– В тридцать семь. Но разве это что-то меняет?

Она оставила его вопрос без ответа. Принесли еду. Ее котлеты и его салат, надо отдать должное шеф-повару, очень вкусный. И «Маргариту». Владислава сделала маленький глоток, он вдруг представил, как холодная, острая на вкус жидкость стекает по ее горлу,

и ему захотелось повторить этот путь пальцами по ее шее, очень тонкой и беззащитной. Наваждение, не иначе.

– А потом вы стали главным врачом, – задумчиво сказала она, отставив бокал в сторону. – Ушли из операционной, перестали быть врачом, а сделались администратором. Ясное дело, что хорошим, но не жалко?

– Я иногда оперирую, – улыбнулся он. – Не так часто, как хотелось бы, но стараюсь не терять навыки. Игравший тренер – кажется, это так называется. Понимаете, Владислава Игоревна, нельзя руководить тем, в чем ты не разбираешься. Когда в начальники назначают непрофессионала, это приводит к печальным последствиям. Да, мне пришлось закончить несколько специальных учебных заведений и курсов, у меня на работе в столе валяется куча дипломов, подтверждающих, что я владею менеджментом в здравоохранении, но в медицине к высшей должности нужно подниматься по карьерной лестнице, а не на карьерном лифте. Это очень важно. Я сейчас, образно говоря, стою на капитанском мостике, но очень хорошо знаю, что у меня происходит в трюме. Потому что я там был.

– Я всю свою жизнь кручусь рядом с медициной, но рядом не значит внутри, – сказала Владислава. – Я очень многие вещи вижу как обыватель, и иногда меня это напрягает. Но одно я знаю точно: за те двадцать лет, что я веду свой бизнес, мое уважение к врачам, воспитанное в детстве, выросло до астрономических высот. Правда. На данном этапе, после всего, через что мы прошли за последние два года, это практически преклонение.

– Не сотвори себе кумира, – улыбнулся Радецкий. – Вы знаете, что у этой фразы есть продолжение? Оно звучит как «ему не потянуть твоих иллюзий».

– У меня нет иллюзий, – она сделала еще один глоток своего коктейля, и он снова как замороженный смотрел на движение ее горла, которое очень хотелось потрогать. – А скажите, Владимир Николаевич, если говорить об иллюзиях, которыми принято окружать профессию врача, вот вы девиз «Светя другим, сгораю сам» доктора Ван Тульпа поддерживаете?

– Вообще-то это очень древнее латинское выражение, Ван Тульп просто первым предложил использовать его для врачей. – И почему ему нравилось блистать перед ней своей образованностью? – Если по существу вопроса, то я призываю своих врачей гореть, но не сгорать. Это очень важно, потому что любой человек нужен и важен своим близким. Так что важно выдерживать баланс: не полыхать, но и холодным не оставаться, потому что главное качество любого настоящего врача – эмпатия. Вы знаете, улыбку видно даже через респираторы, потому что она живет в глазах.

– Говорят, у каждого врача есть свое кладбище. Вы какие эмоциональные моменты, связанные с работой, особенно хорошо помните?

Радецкий на мгновение прикрыл глаза, вспомнив вывороченные кишки солдата, попавшего к нему на стол во время войны в Чечне, и его глаза, из которых никак не уходила надежда. Она оставалась даже тогда, когда кончилась сама жизнь. И еще первое в своей жизни кесарево сечение, которое ему предстояло сделать в военном госпитале в Косово, куда тысячами стекались местные жители.

Ему тогда пришлось оперировать, несмотря на то что он был хирург, а не гинеколог, потому что никого больше из врачей рядом не было, а женщина и ребенок могли умереть, и он это отчетливо понимал. А еще он помнил свою первую операцию на аорте. Ту самую, сделанную по запатентованному им методу, после

которой пропали резиновые тапки. Невозможно было рассказать про это в уютном зале ресторана под «Маргариту», потому что самые эмоциональные моменты – это всегда боль, кровь и слезы, неуместные в любой зоне комфорта.

– Это фраза французского врача Рене Лериша, и у нее тоже есть продолжение, звучащее «и не надо забывать ходить туда молиться», – медленно ответил он, отогнав неуместные воспоминания. – Любой человек ошибается, но сейчас признавать свои ошибки довольно опасно. А что касается эмоциональных моментов... Когда я учился в аспирантуре, к нам в больницу привезли парня, которому гильотинными ножницами отрезало кисть правой руки. Мы с двумя моими коллегами пришили ему эту кисть, операция шла восемь часов, а потом, после выписки из больницы, он отправился на реабилитацию. Он зашел ко мне в кабинет через год, ведя маленькую девочку. Он ее ручку держал именно той правой рукой, которую мы пришили. Девочка принесла картинку, которую сама нарисовала как подарок. А он взял ручку и этой рукой написал на картинке «Спасибо, доктор». Достаточно эмоционально, Владислава Игоревна?

– Называйте меня просто Влада, – попросила она. – И еще, у меня есть такая особенность. Я не могу первой перейти на «ты», у меня срабатывает какой-то внутренний барьер, но я легко соглашаюсь, когда мне это предлагают другие.

– С этим сложнее, – ответил Радецкий, наблюдая, как ложатся тени от ресторанных светильников на ее слегка напряженное и отчего-то грустное лицо. Словно она не ужинала, а сдавала какой-то неведомый ему экзамен. – У медиков обращение по имени-отчеству и на «вы» – это не издевка, а привычка с третьего курса мединститута. Вариант нормы. Как у англичан you – это всегда «вы».

- Thou art here, - пробормотала она.
- Простите, что?
- Это на староанглийском. «Ты есть». Когда-то в английском языке была форма обращения «ты».
- Только использовалась она исключительно для обращения к богу. - Радецкий снова улыбнулся, отметив, что она смутилась. Это он умел - смущать дев, юных и не очень. - Десерт будете? К примеру, я бы съел «Наполеон». Говорят, они здесь очень хороши.
- Нет, я не люблю сладкое, - сообщила его собеседница. - Но вы ешьте, разумеется, потому что...
Она не договорила фразу до конца, внезапно изменившись в лице. Для женщины, которая очень хорошо владела собой, это было странно, и Радецкий обернулся, чтобы посмотреть, что именно ее так напугало, и не поверил собственным глазам. Рядом с метрдотелем стоял Олег Павлович Тихомиров, не вышедший сегодня на работу по причине плохого самочувствия.

* * *

Сидя в ресторане, Влада испытывала странную гамму чувств. С одной стороны, она была совершенно счастлива, потому что в ресторан ее пригласил мужчина, о котором она неотрывно думала уже неделю. Более того, он вел себя именно как мужчина, и это было давно забытое и оттого вдвойне приятное ощущение.

С другой стороны, ощущение себя тоже было давно забытым и от этого практически незнакомым, словно к ее телу вдруг приставили чужую голову. Владислава Громова, «железная кнопка», без страха перегрызающая глотки конкурентам, смущалась словно школьница, желая и страшась того, что будет дальше, и отчаянно боясь, что это «дальше» не случится вовсе.

А еще ей было по-настоящему интересно, впервые за очень долгое время. И этот вернувшийся интерес к жизни, с каждым годом становящийся все более механической, заставлял чувствовать себя живой. Забытое ощущение, да. Говорят, что главное достоинство возраста – опыт. И он же главный недостаток, в этом Влада была уверена.

Исходя из собственного опыта, она знала, что последствием любого слишком сильного интереса обязательно будет боль. Для того чтобы избежать ее, нужно было встать и уйти, причем прямо сейчас, но неведомая сила держала ее пригвожденной к стулу, потому что уходить не хотелось, ни капельки. В конце концов, боль – тоже способ ощущать себя живой. Значит, так тому и быть.

От внутреннего волнения она совсем не хотела есть, хотя обычно с удовольствием отдавала должное прекрасным блюдам «Бурраты» и мастерству шеф-повара Дениса Менделеева. Но сегодня у нее кусок в горло не лез, именно поэтому она отвергла предложение Радецкого заказать десерт, решила на еще одну «Маргариту», потому что сковывавшее ее напряжение нужно было в чем-то растворять, и тут внезапно увидела Олега Тихомирова. Он стоял у лестницы, ведущей в зал ресторана с первого этажа, и терпеливо ждал направляющегося к нему метрдотеля. Сама не зная почему, Влада вдруг застыла. Она вовсе не боялась этого человека, но тем не менее замерла, словно кролик при виде удава.

– Владислава Игоревна, что-то случилось? Влада, с вами все в порядке?

Вынырнув из охватившего ее внезапного липкого страха, она повернулась к своему спутнику, взиравшему на нее то ли с тревогой, то ли с недоумением.

– Да, спасибо, все в порядке.

– Почему появление моего заместителя так вас напугало? Вы не хотите, чтобы он видел нас вместе? Я вас компрометирую?

– Что? Нет, разумеется, нет. Вы тут вообще ни при чем, Владимир Николаевич. Просто так получается, что с Олегом связаны все последние неприятности, которые происходят в моей жизни.

– А в вашей жизни тоже есть неприятности? Я думал, это только моя прерогатива. Расскажите?

– Да нечего особо рассказывать, – вздохнула Влада. – Я и сама никак не могу понять, что происходит. Просто кто-то влез в мою квартиру, а еще в мой кабинет в офисе и что-то там пытался найти, а я понятия не имею, что именно у меня можно искать.

– А Тихомиров тут при чем?

– Да в том-то и дело, что я не понимаю, имеет он к этому отношение или нет. Просто все началось после того, как мы выявили некачественную работу по укреплению пола на объекте и сказали про это Олегу. Перед тем как кто-то провел обыск в моей квартире, в ресторане у меня, простите, обшмонали сумку. В этом, кстати, ресторане. Я пересела за столик к знакомой журналистке, к Инессе Перцевой, а сумку забыла за своим столом, а когда хватилась, выяснилось, что в ней тоже что-то искали. А Олег был в тот вечер в ресторане, я видела его, когда садилась в машину.

– Это могло быть простым совпадением, – мягко сказал Радецкий.

– Да, но потом выяснилось, что злоумышленник побывал в моем офисе, и как раз в это самое время туда приехал Олег, которому совершенно нечего было там делать. Мы не договаривались о встрече, и у него не могло быть ко мне никаких срочных дел. Не многовато ли совпадений?

– Пожалуй, многовато, – согласился ее спутник. – Особенно если учесть, что я знаю как минимум еще два.

– Какие?

– Именно дражайший Олег Павлович был тем самым человеком, который договорился о том, чтобы убитая в моей больнице Ираида Сергеевна Нежинская была помещена в отдельную палату. То есть как минимум он был знаком с потерпевшей и ничего про это не сказал ни следователю, ни мне. Кроме того, сегодня с утра он не вышел на работу, сказавшись больным, а сейчас я вместе с вами имею сомнительное удовольствие лицезреть его в ресторане, совершенно здорового, из чего делаю вывод, что он просто не хотел попадаться сегодня мне на глаза, а из этого следует, что ему есть что скрывать.

– А при чем тут я? – не поняла Влада.

– Возможно, ни при чем, а может, существует какая-то связь между этими отдельными событиями, а мы просто ее не видим. Однако если один и тот же человек ведет себя странно в совершенно разных ситуациях, то как минимум к нему возникают вопросы. Вот и у меня есть вопросы к господину Тихомирову.

– Вы собираетесь задавать их сейчас?

– Сейчас я собираюсь воспользоваться крайне выгодным расположением нашего столика, которое позволяет видеть Олега Павловича, оставаясь какое-то время вне поля его зрения. Как минимум мне интересно, с кем у него тут назначена встреча.

– Может быть, с дамой? – улыбнулась Влада.

Сейчас она внезапно почувствовала себя словно в детективе, причем в качестве помощника сыщика, ведущего расследование. Это было совсем не страшно и, признаться, довольно увлекательно.

– Нет, Олег Павлович – примерный муж и семьянин. Он не так давно женился во второй раз и еще не до конца забыл как неприятности, связанные с разводом, так и преимущества медового месяца. Нет, Влада, у него здесь деловая встреча, причем как минимум

вторая за неделю, раз вы его здесь видели. Когда, кстати, это было?

– В пятницу.

– Тем более. В пятницу господин Тихомиров в качестве примерного семьянина уезжает на выходные на дачу вместе с женой и ребенком, которому около года, если я ничего не путаю.

– Вы так хорошо осведомлены о личной жизни сотрудников?

– Я не собираю сплетни, если вы об этом, но мой мозг так устроен, что попадающая туда информация обязательно складывается в архив, где лежит до того момента, как может понадобится. Я неплохой руководитель, Влада, поэтому стараюсь быть в курсе того, что может сказаться на работе моих подчиненных.

– Про подчиненных все понятно. А вы, Владимир Николаевич?

– Что я? – не понял он.

– Насколько вы примерный семьянин?

Задав этот вопрос, Влада почувствовала, как сердце уходит в пятки. Она словно сжигала мост, на котором стояла, и это было очень странное чувство – страшное и завораживающее одновременно. Человек, сидящий напротив нее, не относился к категории людей, чьи границы можно было нарушать без последствий, и сейчас она, замерев, ждала неминуемого наказания, как минимум словесного. Вместо этого Радецкий вдруг засмеялся, причем весело и от души.

– Владислава Игоревна, душа моя, это вы таким образом выясняете, женат я или нет?

– Влада, – буркнула она, чувствуя, что опять краснеет. В прошлой жизни, которая закончилась неделю назад в кабинете Владимира Николаевича Радецкого, она не краснела никогда. – И выясняю я масштаб возможных последствий нашего ужина.

- У нашего ужина не может быть последствий, потому что это очень хороший ресторан, - снова засмеялся он. - Тут не отравят. Влада, я совершенно свободно могу ходить туда, куда считаю нужным, и с тем, с кем хочу. Официально я женат, но моя супруга уже три года живет в другой стране. Судя по тому, что она не собирается возвращаться, ей там хорошо. По крайней мере, точно лучше, чем здесь, потому что в быту я не самый легкий человек.

За время этой беседы Олег Тихомиров был препровожден метрдотелем за стоящий в другой стороне зала столик. Расположен тот был действительно так, что им было хорошо видно Тихомирова, в то время как он сам сидел к ним спиной. На данный момент он даже не догадывался, что стал объектом пристального внимания Влады Громовой и его собственного шефа.

Еще через минуту за столик подсел второй человек, в котором Влада с изумлением узнала своего основного конкурента, а следом за ним еще один - директор компании, по договору производившей усиление пола в гибридной операционной и выполнившей эту работу с браком. Во как интересно.

- Вижу, вам знакомы визави нашего драгоценного Олега Павловича, - заметил Радецкий.

- А вам нет?

Он усмехнулся краешком губ.

- Я редко что оставляю без контроля, Влада. Поэтому, разумеется, знаю, как выглядит один из крупнейших поставщиков медицинского оборудования в нашей области. Это господин Губицкий, претендовавший на то, чтобы монтировать гибридную операционную вместо вас. То бишь ваш прямой конкурент. Второй участник этих крайне любопытных переговоров - господин Разумов, к которому мои юристы сейчас готовят официальную претензию по

поводу хреново выполненной заливки пола. И тот аспект, что они собираются откусать вместе с Олегом Павловичем, по-моему, о многом говорит.

– И, кажется, отвечает на вопрос, при чем тут я.

– Зачем гадать, – сказал Радецкий с непередаваемым выражением лица. Встав, он подошел к Владе и протянул руку, приглашая последовать своему примеру.

– Что мы собираемся делать? – спросила она мимоходом, отметив это «мы», соскочившее с губ так естественно, словно это было обычным делом.

– Лучший способ что-то узнать – это спросить, и именно так мы и поступим.

До Влады дошло, что он собирается подсесть за чужой столик и поймать «заговорщиков» врасплох.

– Может, не надо? – промямлила она.

Радецкий иронически изогнул бровь.

– Влада, где ваш боевой задор? Мне говорили про вас как про человека, незнакомого с тем, что значит страх.

Вот как, значит, этот человек наводил о ней справки. Увидев, что они встали из-за стола, к ним навстречу заспешил официант, однако Радецкий остановил его движением руки.

– Мы еще не уходим. Пожалуйста, принесите нам два «наполеона», один «американо» и?.. – Он посмотрел на Владу, причем так, что она предпочла не спорить.

– И чай. С жасмином.

– И счет, пожалуйста. А мы пока поговорим с нашими друзьями.

Губицкий увидел их первым, потому что сидел лицом к залу. Влада впервые в жизни наглядно увидела, что означает выражение «отвисла челюсть». Интересно, что его так неприятно изумило: сам факт, что она застучала его рядом с Тихомировым, или

одновременное присутствие рядом Владимира Радецкого?

– Добрый вечер всей честной компании, – между тем говорил тот. – Олег Павлович, я вижу, вам уже гораздо лучше?

Олег промычал что-то неразборчивое, вскочил, чтобы отодвинуть Владе стул, снова сел, словно обжегся о ее холодный взгляд.

– Итак, господа, может, расскажете, с чем именно связана допущенная моим заместителем преступная халатность? Только мне кажется, что качество пола в нашей будущей операционной оказалось крайне низким не просто так?

Все трое молчали, а Влада вдруг залюбовалась тем, как красиво со стороны выглядела эта картина. Высокий Радецкий, стоя, нависал над сидящими за столом, отчего троица казалась лилипутами рядом с Гулливером. Истина, открывшаяся ей, была так очевидна, что она даже засмеялась.

– Вы очень хотели этот контракт, да Борис Сергеевич? – спросила она Губицкого. – Более того, вы хотели заграбастать в будущем и все остальные мои контракты. Если бы моему главному инженеру не пришло в голову проверить качество основания, то собранное нами оборудование стало бы работать с помехами. Или, если бы вам повезло, мы бы вообще не смогли его запустить, по крайней мере в срок бы точно не уложились. Это дало бы основание областной больнице включить «Мед-Систем» в число недобросовестных поставщиков, и ваш дальнейший путь на рынок был бы усыпан розами. Думаю, это был только первый, но отнюдь не единственный способ затормозить работу моих ребят и сорвать график. Олежек, ты был должен и дальше нам гадить, не так ли? Как же вы, наверное, расстроились, когда Паша Белов со своей скрупулезностью сбил вам все планы.

Она говорила, словно сваи вбивала. В ее голос вернулась та присущая ему сталь, которой славилась Владислава Громова и которая напрочь исчезала в присутствии Владимира Радецкого.

– Борис Сергеевич, мы с вами как-то раз уже обсуждали, что сфера, в которой нам довелось вести бизнес, особенная и здесь материальная выгода не является основной мерой. – Сталь в голосе все крепла по мере того, как внутри Влады все сильнее разгоралась ненависть к этому самодовольному человеку, на протяжении долгих лет попортившему ей немало крови. – Мы не станки на производстве монтируем, от нашей работы человеческая жизнь зависит, и это не пафос, как вы тогда изволили заметить, а правда. И гадить из шкурного интереса, чтобы сорвать контракт и на этом заработать, подло.

Губицкий встал из-за стола.

– Пожалуй, позволю себе откланяться, – сказал он. – Все, что вы тут с такой горячностью наговорили, уважаемая Владислава Игоревна, недоказуемо, а потому совершенно бесполезно. За ходом ваших работ я, разумеется, продолжу следить с неослабевающим интересом. Как говорилось в фильме «Профессионал», я всегда буду у вас за спиной. Ваша репутация человека, который никогда не ошибается, дутая, и рано или поздно вы обязательно ошибетесь. И тогда я этим воспользуюсь.

– Но не в этот раз, – с плохо скрываемым бешенством сказал Радецкий. О, оказывается, этот человек был способен на эмоции. – И да, господин Губицкий, уж если пользоваться цитатником, то это я отныне всегда буду стоять у вас за спиной.

– А сможете?

– Смогу. И поверьте, вам это не понравится.

– Посмотрим. До свидания.

Он ушел, вслед за ним со своего стула поднялся и изрядно нервничающий Разумов.

– Я, пожалуй, тоже пойду.

– Разумеется, с вами мои юристы увидятся в суде, где вы будете отдуваться за свою халтуру. Финансовые потери Губицкий вам, возможно, и возместит, а вот репутационные вряд ли. Ни одних торгов вашей конторе точно больше не выиграть, а создавать другую довольно хлопотно, да и взнос в СРО солидный, не так ли?

Разумов поиграл желваками и молча ушел. Впрочем, что он мог возразить. За столом остался сидеть только Тихомиров. Лицо у него было несчастное. Радецкий наконец отодвинул стул и сел, подозвав официанта и попросив перенести их заказ за этот столик.

– И цветы не забудьте.

Влада тоже села, потому что стоять было глупо.

– Ну что, Олег Иванович, рассказывайте, – велел Радецкий.

– Так что рассказывать? – Голос Тихомирова был таким же несчастным, как и лицо. – Все так и было. Губицкий попросил сорвать контракт «Мед-Систем». Чтобы испортить конкуренту репутацию. Я с Владиславой давно работаю, знаю, что поймать ее на лаже невозможно, вот мы и придумали, как все сорвать, сделав пол тоньше, чем надо, да еще и с уклоном, чтобы оборудование не запускалось. Оно же чувствительное.

– Да я вас не про это спрашиваю, – Радецкий поморщился. – То, что вы пошли на поводу у Губицкого и устроили свой маленький гешефт с господином Разумовым, совершенно очевидно и пояснений не требует, а сколько именно бабла вы срубили, мне неинтересно. Заявление на увольнение завтра напишете, кому передавать дела, я за две недели решу. Про другое рассказывайте.

– Как заявление? За что? Не губите, Владимир Николаевич. У меня же семья. Жена, ребенок маленький.

Примерный семьянин, вспомнила Влада. Ну да.

– Владимир Николаевич, ну хотите, я ремонт этого пола фирме Владиславы Игоревны сам возмещу? Не увольняйте, я же хороший специалист и дело свое знаю. Никогда же у вас замечаний к моей работе не было.

– Один раз, как помнится, я вас уже на халтуре ловил. А сейчас думаю, может, я недостаточно бдительно за вашей работой следил? Может, и другие случаи были? Но сейчас не об этом. Рассказывайте, последний раз повторяю.

– Да о чем же, боже ты мой.

– Зачем вы украли у Владиславы Игоревны ключи и обыскивали ее квартиру и офис?

Влада в очередной раз с интересом наблюдала за тем, как у Тихомирова изменилось выражение лица. Однако теперь из испуганного оно стало непонимающим.

– Простите, что?

– Олег, в прошлую пятницу ты приезжал ко мне в офис и, воспользовавшись моим отсутствием, обыскал его и украл ключи. Позже в тот же день ты был в этом ресторане и, пользуясь моей невнимательностью, обыскал мою сумку, а потом вечером, пока я гуляла с собакой, провел обыск в моей квартире. Скажи мне, что ты искал, потому что я, честное слово, не понимаю.

– Влада, звезда моя, ой, прости, наверное, я потерял право так тебя называть, но я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Олег Павлович, вы приезжали в офис «Мед-Систем» в прошлую пятницу? – спросил Радецкий.

– Да, глупо отпираться, меня там все видели.

– Зачем?

– Меня испугало, что Белов отбирает керны для экспертизы. Я же понимал, чем это кончится, поэтому поехал к Владе, чтобы попросить спустить это дело на тормозах. Ее не оказалось на месте, сотрудники сказали, что она на складе, я решил подождать, а потом понял, что это очень глупая затея и Влада никогда не согласится промолчать, зная, что оборудование будет работать с искажениями. Поэтому я уехал, не дождавшись ее возвращения. Я ничего не искал. Что именно мне там могло понадобиться?

– Вот и я не знаю, – призналась Влада. – Какие-то документы для Губицкого, может.

– Нет, ребенком клянусь.

– Ладно, идем дальше, – Радецкий был неумолим. – Вы были в прошлую пятницу здесь?

– Да, я встречался с Разумовым. Хотел обсудить, что делать с полом и можно ли быстро все исправить, не привлекая внимания. Вашего внимания. Он сказал, что надо дождаться результатов экспертизы, а потом уже принимать решение, ну, и с Губицким посоветоваться, раз уж он нас в это втянул. Мы поговорили, и я уехал домой. Влада, я не трогал твою сумку, я тебя вообще в ресторане не видел. И домой к тебе я не ездил и уж тем более не заходил внутрь. Я вообще понятия не имею, где ты живешь.

Глядя на его лицо, Влада все больше убеждалась, что Олег говорит правду. Но если не он обыскивал ее дом и офис, то кто?

– Ладно, пока оставим этот вопрос, – покладисто согласился Радецкий. Тоже поверил или это просто тактическое отступление? – Ответьте тогда на другой. Кем вам приходится Ираида Нежинская и почему вы пристраивали ее в больницу, прикрывшись моим именем?

Тихомиров снова побелел, глаза его трусливо забегали, словно этот вопрос был гораздо страшнее

предыдущих.

– Ираида Сергеевна – подруга моей мамы, – выдавил он, – они смолodu общались. Мой отец работал под началом Нежинского, поэтому мы дружили семьями. Когда Нежинский умер, мама очень поддерживала Ираиду Сергеевну, а когда та переехала в Москву, осталась на связи. Приехав в город, Ираида Сергеевна остановилась у нас. Когда ей ночью стало плохо, то именно я вызывал «скорую» и звонил в больницу, чтобы к ней отнеслись с вниманием. Сами знаете, старуха, да еще иногородняя...

– Не делайте из наших коллег чудовищ, – велел Радецкий. – Моим именем зачем прикрывались?

– Да для солидности. А что такого, все так делают. Одно дело, когда в приемный с просьбами звонит завхоз, другое – когда поручение внимательно отнестись к престарелой пациентке исходит от главврача.

– Дальше.

– Что дальше? – не понял Тихомиров.

– Вы общались с Нежинской в больнице? Это вы ее убили?

Владе показалось, что Тихомиров от этого вопроса сейчас упадет в обморок. В глазах у него плескался такой ужас, что Владе на мгновение стало его жалко.

– Да помилуйте, Владимир Николаевич. Зачем мне было нужно ее убивать?

– Это вас она видела в буфете в день накануне убийства? Хотя вас она видела и до этого. Да, что-то не сходится.

– Я понятия не имею, кого она видела. Я проводывал ее каждый день. Передавал от мамы передачи. Морс там, яблоки, апельсины. Но в день убийства я у нее не был. Собирался, но не успел.

– Вы вышли из лифта, – сказал Радецкий, и Влада в изумлении посмотрела на него. Оказывается, он

обратил тогда внимание на ее нечаянные слова. – Владислава Игоревна рассказала мне, что вы приехали на лифте, хотя никогда на нем не ездите. Это действительно так, вот только из-за ремонта в отделение кардиохирургии можно попасть только на лифте. Вход с лестницы перекрыт. Вы были вынуждены воспользоваться лифтом, потому что никак иначе не могли попасть с пятого этажа на свой второй. Вы были в то утро у Нежинской, Олег Павлович.

– Олег, ты был очень расстроен, когда я потом пришла в твой кабинет. Я даже испугалась, что тебе плохо, но ты отказался от лекарства и сделал все, чтобы я ушла. Я никогда не видела тебя в таком состоянии. Олег, неужели ты действительно убил эту пожилую женщину?

– Да не убивал я! – заорал Тихомиров, да так громко, что на них стали оборачиваться из-за соседних столиков. Он понизил голос и повторил с отчаянием: – Не убивал. Когда я пришел, ее уже нашли.

– И вы не признались, что были с ней знакомы.

– А почему я должен был признаваться? Да, я таскался к ней с передачами, и это просто чудо, что никто не обратил на это внимания. Я же свой, такой же человек в медицинском костюме, что и все остальные. Я постоянно хожу по отделениям, и это никого не удивляет. Я не хотел никаких вопросов, а они бы обязательно возникли, если бы я сказал, что мы знакомы. Поэтому я просто ушел. Приехал на лифте, натолкнулся на Владу, она потащила меня вниз, на первый этаж, а я не мог отказаться, хотя у меня внутри все тряслось от ужаса. Отделавшись от нее и от Белова, который все бубнил про взятие керна, я вернулся к себе, и меня накрыло. Я не понимал, что теперь делать, ни с экспертизой, ни со смертью Ираиды Сергеевны. Я все думал, как маме сказать, что ее больше нет. Да еще тот факт, что это убийство...

– Олег Павлович, если Нежинскую убили не вы, а я склонен в это верить, потому что для убийства нужна смелость, которой вы явно не обладаете, то из-за чего это могло случиться, по вашему мнению? – спросил Радецкий.

– У нее были деньги. Большие. Она сказала, что приехала, чтобы перед смертью раздать долги.

– Какие именно деньги? От продажи самолетов? И какие долги?

– Я не знаю. Правда, Владимир Николаевич. Она с мамой в основном разговаривала, я ради приличия десять минут с ними побыл и к жене с ребенком ушел. Она сказала, что собирается исправить какую-то давнюю несправедливость, но новой свершится не даст, лучше мне поможет. Я не знаю, о чем это.

– Я ничего не понимаю, – жалобно сказала Влада. – Какая давняя несправедливость? Это как-то связано с тем, что говорила мне Инесса Перцева?

– Связано. Еще как. Я вам потом обязательно расскажу, – пообещал ей Радецкий. – Вот мы сейчас Олега Павловича отпустим, примемся за наш «Наполеон», и я вам поведаю чудесную историю двадцатилетней давности, которая, как мне кажется, объясняет, что именно произошло с госпожой Нежинской в моем богоугодном заведении.

– Вы знаете, кто ее убил?

– К сожалению, нет, но догадываюсь за что. Олег Павлович, а вы знаете, что муж подруги вашей мамы в свое время скончался, потому что у него сердце не выдержало пыток?

Час от часу не легче, еще и пытки. Влада поежилась.

– Да, смутно помню, я тогда в другом городе жил, сюда еще не вернулся. Нежинский не был бедным человеком, у него же имелся бизнес, причем весьма успешный. Поэтому неудивительно, что к ним в дом как-

то ворвались вооруженные преступники, которые искали ценности. Мама рассказывала, что тетю Иру и ее мужа пытали, но им удалось вызвать охрану. А ночью ее муж скончался от инфаркта. Она тогда сразу после похорон уехала, но деньги-то его никуда не девались. Она их явно как-то с собой забрала. Наследников у нее нет, поэтому я решил, что она приехала завещание оформить.

Логика в этом умозаключении не было никакой. Для того чтобы составить завещание, не требовалось ехать сюда, нотариусы и в Москве работают. Это Влада понимала со всей очевидностью. Радецкий, судя по несколько соболезнующему выражению его лица, тоже. Нет, они оба были точно умнее Олежика.

– Ладно, Олег Павлович, что с вами делать, я решу завтра. Попрошу выйти на работу, раз уж ясно, что вы ничем не болеете, и сразу после оперативки прийти ко мне. А до оперативки позвоните следователю Зимину и все ему расскажите. И про ваше давнее знакомство с Нежинской, и про ее слова, сказанные вам и вашей маме, и про то, как вы каждый день носили ей передачи, а в день убийства припозднились. А сейчас идите с богом, мне надоело лицезреть вашу физиономию, не говоря уже о том, что вы мне испортили свидание.

Тихомиров выглядел озадаченным, а Влада опять почувствовала, что краснеет. Нет, ну что за невозможный человек, неужели нельзя было промолчать. И так понятно, что означает их ужин на двоих, особенно с учетом белых роз на столе, совсем необязательно называть вещи своими именами при посторонних.

– Я временами прямой до неприятных ощущений, – сказал Радецкий, когда взъерошенный Тихомиров ушел. – Но только с теми, к кому равнодушен. Привыкайте.

Ну и как прикажете расценивать эту фразу? Как предостережение или как обещание? Поселившаяся внутри Владиславы Громовой новая незнакомая Влада предпочла второе.

– Так что там с самолетами? – спросила она, принимаясь за пирожное, которое совсем недавно не хотела. Сейчас в ней отчего-то проснулся зверский аппетит. – Вы обещали рассказать.

– О, это чудесная история. Ее действительно раскопала Инна Полянская.

Рассказчиком этот мужчина был необыкновенным. Говорил он коротко, не растекаясь мыслями, не уводя повествование в сторону, но так образно, что ей казалось, будто она видит аэродром воинской части, стоящие там самолеты, напряженные лица «заговорщиков», решивших заработать на собственности государства: командира воинской части, принявшего на себя основной удар последствий, прокурора, замявшего дело, Нежинского, обеспечивавшего финансовое прикрытие сделки и захававшего все деньги себе. В общем, совершенно понятно, за что его потом пытали. И да, Радецкий прав, за сумму в четырнадцать миллионов долларов действительно можно убить. Хоть двадцать лет назад, хоть сейчас.

– Получается, что о деньгах знали три человека, а с учетом прошедшего времени наверняка еще и их наследники. Если принять за данность, что перед смертью Ираида Нежинская решила отдать долги своего покойного мужа и именно в этом заключалась справедливость, которую она собиралась восстановить, то при чем тут Тихомиров? Олег и его семья не имели ведь отношения к продаже самолетов, – спросила она.

– Нет, но справедливость бывает разная. В этой истории был еще один человек, который пытался

разоблачить эту шайку и погиб. Его звали Михаил Суриков.

Теперь Влада, приоткрыв рот, до того ей было интересно, слушала про «дон Кихота», вступившего в неравный бой с ветряными мельницами и погибшего под колесами неустановленной машины, а также о его дочери Елене Валуевой, незадолго до смерти тоже приходившей к Нежинской, которая говорила о том, чтобы «воздать кому-то по заслугам».

– Понимаете, Влада. Мы с Инной Сергеевной Полянской пришли к мнению, что нападение на квартиру Нежинских организовал кто-то из заговорщиков, оставшихся без обещанных денег. Точнее, мы думаем, что это был кто-то из их детей.

То, что Радецкий говорил о Полянской «мы» и вел с ней какое-то общее расследование, Владе не понравилось категорически. Господи, а она еще всегда считала, что совершенно не ревнива. Теперь же ее задевают ласковые обращения к секретарше и упоминание Инны Полянской. Лечиться надо, лечиться. Вот прямо сейчас попросить выписать каких-нибудь вкусных белых таблеток, которые поставят на место ее бедовую голову.

– В афере участвовали трое, – вместо этого сказала она, решив, что это будет и ее расследование тоже. – Нежинский забрал себе все деньги, и его жена, перед тем как предстать перед богом, решила поступить по совести и вернуть причитающееся другим. Она вряд ли собиралась платить тому, кто напал на нее с мужем и стал причиной его смерти. Она же не зря сказала, что несправедливости не потерпит. Возможно, его долю она собиралась подарить Олегу, как сыну подруги, поддерживающей ее много лет. Также не исключено, что Ираида Сергеевна решила выделить какую-то сумму и родственникам Сурикова, чтобы искупить вину мужа,

похоже, заказавшего его убийство. Часть же денег явно предназначалась потомкам третьего участника сделки.

– Скорее всего, так. Наследнику одного соучастника полагались деньги, потомку второго – нет. Первому не было никакого смысла убивать Нежинскую, потому что она приехала специально для того, чтобы с ним рассчитаться. А вот второй, когда-то уже пошедший на преступление ради этих денег, но не добившийся своего, решился на него еще раз, – согласился Радецкий. – Знать бы только, кто из них наследник прокурора, а кто – командира части.

– Нужно просто найти этих людей, понять, где они сейчас работают и могли ли оказаться в больнице во время убийства! – воскликнула Влада. – Мне кажется, что это очень просто сделать.

– Да, если следствие в лице майора Зимина наконец согласится с тем, что это не просто наши рассуждения, а перспективная версия, – покачал головой Радецкий. – Правда, мне кажется, что вскоре это произойдет. По крайней мере, завтра с утра я снова позвоню полковнику Бунину, чтобы поделиться новыми известными мне фактами. Мы с вами выстроили их в красивую логическую цепочку, как мне кажется.

У Влады что-то чесалось в мозгу, кололо черепную коробку изнутри, как бывало, когда она находилась на пороге чего-то важного.

– Как, вы сказали, звали этих людей? – спросила она. – Подельников Нежинского в афере с самолетами.

– Командира военной части – Александр Корнилов, а военного прокурора – Сергей Ветюков, – ответил Радецкий. – По крайней мере, именно эти имена называла Полянская.

– У вас в кабинете висит картина местного художника, Кости Корнилова. Я люблю его творчество, немного с ним знакома и точно знаю, что его отец был военным летчиком, – медленно сказала Влада. –

Наверное, это совсем глупо, но не может ли он быть одним из тех, кого мы ищем?

Радецкий смотрел на нее и молчал, причем это продолжалось так долго, что Влада вдруг заволновалась.

– Что-то не так? Я что-то не то сказала?

– Все так и все то. Вы гений, Влада. Я тоже люблю его творчество и тоже немного с ним знаком, и именно я в начале прошлой недели устроил его в отделение неврологии, потому что ему необходимо было обследоваться по поводу некоторых неприятных симптомов.

– То есть вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что Константин Корнилов лежит сейчас в моей больнице и Нежинская вполне могла встретить его в буфете, узнать и разволноваться. Так же, как и он вполне мог узнать ее. Не совсем понятно, как он мог выяснить, в какой именно палате лежит старушка, и почему его никто не видел, но это уже не мое дело. Завтра же с утра позвоню и Бунину, и Зимину.

– А сегодня? – затаив дыхание спросила Влада.

– А сегодня у меня другие планы, – ответил он и улыбнулся. – И первым их пунктом значится отвезти вас домой.

– А вторым? – Нет, Влада вовсе не собиралась останавливаться, понимая, что переступает черту, возврата из-за которой не будет.

– Вторым пунктом я собираюсь попроситься к вам на кофе. – Глаза его смеялись. – Вы приветствуете кофе на ночь, Влада?

– Очень, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Я очень приветствую такое предложение. У меня дома есть отличный кофе.

Выйдя из ресторана, они подошли к машине Радецкого. Это оказался такой же BMW, как у самой Влады.

– Ну надо же, – сказала она, забираясь на пассажирское сиденье, что было слегка непривычно, – у нас с вами одинаковые машины. Будем считать, что это знак?

– Будем считать, что у нас с вами хороший вкус, – ответил он. – А знак это или нет, вам судить, я совсем ничего не понимаю в знаках. Говорите адрес.

Она послушно сказала, куда ехать, и он резко стартанул с места. Манера вождения у него была чисто мужская, Влада, несмотря на многолетний водительский стаж, водила машину совсем иначе. Впрочем, эта манера ей нравилась. Она не любила ездить на пассажирском сиденье, обычно чувствуя себя не защищенной из-за того, что не контролировала ситуацию, и все время неосознанно искала правой ногой педаль тормоза. Сейчас же ее ноги были спокойно переплетены, а сама она совершенно расслаблена, потому что ничего не боялась. Странное ощущение надежности исходило от этого человека.

– Никогда не был в этом районе, – сказал Радецкий. – Слышал, что там вполне себе престижный и тихий микрорайончик, но бывать не доводилось.

– А вы где живете? – спросила Влада.

– За городом, – односложно ответил он. Она не решилась уточнять, из-за проклятых границ, разумеется.

По вечерним улицам до места они доехали меньше чем за десять минут. Собираясь в ресторан и не зная, как сложится вечер, Влада специально звонила домработнице, чтобы попросить ее выгулять Беню, так что, к счастью, выходить с собакой ей было не надо. Краешком сознания Влада вдруг зацепилась за мысль, что Надежда не перезвонила, чтобы сказать, что выполнила поручение, но думать про это не хотелось. Может, забыла.

Машину Радецкий припарковал на том месте, где обычно парковалась Влада, и они молча зашли в подъезд, словно оба предвкушали то неминуемое, что должно было произойти. Вставив ключ в замочную скважину, Влада ощутила на затылке и шее чужое теплое дыхание, от которого внутри словно что-то взорвалось, разливая томную тягучую негу. Этот мужчина действовал на нее каким-то непостижимым образом.

Ключ повернулся два раза вместо положенных четырех. Странно, обычно Надежда запирала замок так, как велела Влада. Из-за двери, толстой, бронированной, заглушающей звуки, доносился тонкий, непонятный то ли плач, то ли скулеж. Только открыв дверь, Влада поняла, что это воет Бенья.

Ворвавшись в квартиру, она подхватила сидящего у самого выхода пса на руки. Дрожа, он прижался к Владе всем своим упитанным тельцем и заплакал как ребенок. Радецкий взял Владу за плечи, отодвинул в сторону и встал перед ней, закрывая ее собой.

– Где включается свет?

Владимир Николаевич Радецкий осознал все гораздо раньше ее. Влада успела лишь испугаться за собаку, а он понял, что случилось что-то плохое. Очень плохое. Гораздо хуже того, что могло произойти с плачущим псом.

– Слева на стене выключатель на уровне опущенной руки, – сказала она севшим голосом.

Случилось что-то плохое, возможно, непоправимое, но Владислава Громова славилась тем, что при самых плачевных обстоятельствах никогда не впадала в панику. Наоборот, мозг начинал работать еще четче, чем обычно, поэтому сейчас она не произносила ненужных слов и не делала лишних движений, стараясь не мешать мужчине, принимающему мужские решения.

Щелкнул выключатель, и прихожую залил яркий свет, беспощадно открывающий картину, которую Влада предпочла бы никогда не видеть. На белой кафельной плитке пола ничком лежала домработница Надежда. Из-под ее головы натекала маленькая, уже начинающая сворачиваться лужица крови. Радецкий сделал несколько шагов, присел, нащупал пульс на тонкой, очень бледной руке.

– Жива, – сказал он, – и пульс наполненный, не нитевидный, так что, возможно, обойдется. Звоните в «скорую», Влада, я пока осмотрю квартиру. Только никуда не отходите от двери и, если я велю, выбегайте на улицу. Это понятно?

Она кивнула. Еще крепче прижав к себе собаку, которую было довольно тяжело держать одной рукой, другой Влада достала телефон и начала звонить в «скорую».

* * *

Разумеется, Радецкий увез ее к себе. Уже после того, как приехали и уехали «скорая» и полиция, после того, как они оба ответили на нескончаемый поток вопросов оперативников и тоже явившегося на место преступления усталого и недовольного следователя Зимина, после того, как удалось успокоить дрожащую от страха собаку – толстого, очень немолодого и одышливого мопса, который категорически отказывался слезать у Влады с рук и начинал выть, как только его ставили на пол. После того, как Влада в сотый раз обошла перевернутую вверх дном квартиру, чтобы с изумлением обнаружить, что пропала всего одна вещь – дамская сумка, черная, средних размеров сумка-рюкзачок от Coccinelle, которую Влада привезла из Германии.

– Сумка? – с легким недоумением спросил Зимин. – Владислава Игоревна, вы уверены, что больше ничего не пропало?

– Абсолютно. Деньги и драгоценности я храню в сейфе, он не вскрыт. Все остальное тоже на месте, нет только сумки, я уверена.

– А когда вы видели ее в последний раз? Не поймите меня превратно, но странно залезть в квартиру, нанести телесные повреждения встреченному там человеку и уйти, прихватив с собой одну из бесчисленных сумок. Почему именно эту?

– Понятия не имею почему. Тем более что все сумки, которые хранятся дома, пусты, в них ничего не лежит, потому что я перекладываю все вещи из одной в другую, в ту, с которой выхожу из дома. Вот, пожалуйста, сегодня у меня сумка под цвет платья, видите? А пропавший рюкзачок я ношу с черным брючным костюмом, который надевала... – Она запнулась, но Радецкий пришел ей на помощь.

Черный костюм, очень стильный и дорогой, ладно облегающий хрупкую фигурку, был на ней в день их первой встречи, в прошлый четверг, в тот самый день, когда в больнице произошло убийство. Из-за Владиславы Громовой он не мог назвать этот день проклятым, никак не мог.

– Это было в прошлый четверг, – сказал он.

Влада уставилась на него открыв рот, но тут же кивнула.

– Да, точно, в четверг. Я приходила в больницу на совещание с Владимиром Николаевичем и была в костюме, да, а значит, с рюкзаком. На следующий день я уже брала с собой розовую сумку, ту самую, которую у меня обыскали в ресторане.

– У вас в ресторане обыскали сумку? – быстро «пристал» к словам следователь.

– Да, у меня обыскали сумку, квартиру, в которую тогда влезли впервые, а до этого еще и офис. Я совершенно точно уверена, что у меня искали что-то конкретное, но понятия не имею, что именно.

– Очевидно, что-то такое, что могло поместиться в сумке, – задумчиво сказал Зимин. – Что вы туда такого ценного запихали?

– Я же говорю, что не знаю. А «пихаю» я туда, как вы изволили выразиться, всегда одно и то же. Могу показать.

– Покажите.

Она притащила темно-красную сумку, с которой только что была в ресторане, и начала выгружать оттуда разноцветные косметички, при виде которых у Зимины глаза полезли на лоб, а Радецкий одобрительно хмыкнул. Он любил системные решения и ценил аккуратность. Дома у этой женщины тоже царил идеальный порядок, как он успел отметить. Как и у него самого. Впрочем, это нетрудно, когда ты живешь один, домой приходишь только спать, да еще есть домработница, которая следит за чистотой. Вспомнив о домработнице, он подумал и о несчастной Фасольке, хозяин которой сегодня изрядно задерживался.

Из-за постоянно находившихся в городе занятий он частенько возвращался домой поздно, бывало, что и в половине десятого, но сейчас часы показывали четверть одиннадцатого, а этот странный тревожный вечер еще и не думал заканчиваться. Вздохнув, Радецкий позвонил своей домработнице и попросил дойти до его дома и выпустить Фасольку во двор минут на пятнадцать. К счастью, Валентина Ивановна еще не спала и просьбу выполнить согласилась. Успокоившись за судьбу собаки, он вернулся в комнату, где шло изучение содержимого сумки. Сильно далеко следователь и Влада, впрочем, не продвинулись.

– Владислава Игоревна, давайте рассуждать логически, – говорил Зимин. – В прошлый четверг вы ходили с черным рюкзаком, который после этого не выносили из квартиры. На следующий день вы были с розовой сумкой, которую неизвестный обыскал, пока вы ужинали в ресторане. Владимир Николаевич, вы присутствовали при этом?

– Нет, – покачал головой Радецкий.

– Я ужинала с журналисткой Инессой Перцевой, – сообщила Влада сдержанно. – Она была свидетелем инцидента.

– Не могу сказать, что меня это сильно радует, – вздохнул следователь. – Инесса Перцева тот еще ишиас на пятую точку. Но сейчас не об этом. Получается, что в вашей сумке злоумышленник не нашел того, что искал, после чего проник в вашу квартиру.

– Да, он это сделал, пока я гуляла с собакой. Я ушла, не поставив квартиру на сигнализацию.

– Почему рюкзак не исчез в тот раз? Зачем за ним пришлось возвращаться снова?

– Если честно, я понятия не имею, когда он пропал, – подумав, сказала Влада. – Я не видела его с четверга. Точнее, с утра пятницы, когда перекладывала все содержимое в розовую сумку.

– И куда вы его дели?

– Либо убрала в шкаф в прихожей, либо оставила на банкетке, либо унесла в гардеробную, где у меня хранятся все сумки. Я не помню. Но точно знаю, что, кроме коридора и гардеробной, в первый раз нигде ничего не искали. Беспорядок был только там.

– И вы не вызвали полицию, – следователь покачал головой. – Вы не производите впечатления легкомысленной особы, Владислава Игоревна. Почему вы не сообщили о том, что случилось?

– Я не знаю. Мне показалось, что это какая-то ерунда. Может, конкуренты ищут какой-нибудь договор

или что-то в этом роде. Я отчего-то совсем не испугалась.

– Ладно, идем дальше. Получается, что если целью преступника был рюкзак, то он должен был обнаружить его еще в пятницу и унести с собой. Возможно, что именно так он и сделал. Но тогда возникает вопрос, зачем он вернулся сегодня. Что могло быть в вашей сумке, Владислава Игоревна?

– Не знаю! – воскликнула она, в ее голосе Радецкий расслышал близкие слезы и предпочел вмешаться.

– Михаил Евгеньевич, случившееся может быть связано с тем, что произошло в больнице, – сказал он, отвлекая внимание следователя на себя и давая Владе возможность прийти в себя. – Утром четверга она общалась с моим заместителем Тихомировым, вечером пятницы видела его в ресторане, и, кроме того, в пятницу днем он приезжал в офис компании «Мед-Систем». Хотя он отрицает, что причастен ко всем неприятностям Владиславы Игоревны, тем не менее это может быть неправдой. Кроме того, он знаком с убитой Нежинской и был именно тем человеком, который устроил ее в больницу.

– Господи, вы-то это откуда знаете?

– Имели весьма скромное удовольствие пообщаться с господином Тихомировым сегодня во время ужина.

И Радецкий пересказал следователю все, что им с Владой удалось узнать. Тот схватился за голову и застонал.

– Господи боже ты мой, ну почему вы все время лезете туда, куда вас не просят?

– Потому что могу, – сухо сообщил Радецкий. – Кроме того, должен вам сказать, что мы с Владиславой Игоревной вычислили еще одного подозреваемого.

– Да что вы говорите?

Издевки в голосе Радецкий предпочел не заметить.

- Представьте себе. Это художник Константин Корнилов, который сейчас проходит лечение в отделении неврологии. Скорее всего, он - сын Александра Корнилова, того самого руководителя воинской части в Аксеново, который участвовал в афере с продажей боевых самолетов и был «кинут» Андреем Нежинским двадцать лет назад.

Теперь следователь слушал крайне внимательно.

- Если верить Тихомирову, то Нежинская приехала, чтобы рассчитаться с людьми, которых обманул или обидел ее муж. С учетом временного фактора участников той давней истории вполне может не быть в живых, зато живы их дети, то есть наследники. Мы с Владиславой Игоревной практически уверены в том, что один из них был виновен в нападении на квартиру Нежинских и пытках, которым они были подвергнуты. Вряд ли пожилая дама собиралась платить человеку, виновному в смерти ее мужа. Но он, увидев ее в больнице, вполне мог захотеть снова вернуться к вопросу о пропавших деньгах.

- Боже мой, грехи мои тяжкие. Вы с Владиславой Игоревной. Слушайте, вы оба, вы хоть понимаете, что все это не дурацкая игра в детектив, а реальные преступления, в которых один человек убит, а другой получил по голове тяжелым предметом? Вы что, хотите, чтобы ваши головы были следующими? Или вам кажется, что у меня хобби такое, выезжать по тревоге практически круглосуточно? У меня, между прочим, жена и ребенок семимесячный. А я тут с вами валандаюсь, - следователь почти кричал.

- Не надо на нас орать, - спокойно сказал ему Радецкий. То, что у довольно немолодого и похожего на медведя-шатуну следователя есть маленький ребенок, почему-то казалось милым и делало образ Зимина более человечным. - Михаил Евгеньевич, некоторые вещи происходят только потому, что происходят. Мы не

ведем никакого расследования, просто натываемся на некоторые факты, и что поделать, если вас до последнего времени они не интересовали. Зато мы преподносим их вам, как говорил Остап Бендер, на блюде с голубой каемочкой. Получите, распишитесь!

– Как же я от вас устал, Владимир Николаевич, – вздохнул Зимин, перейдя на два тона ниже. – Если бы я у вас так крутился под ногами в операционной, вы бы от меня мокрого места не оставили. А это моя операция, моя, понимаете? За желание помочь, конечно, спасибо, но убедительная просьба, не путайтесь у меня под ногами, а?

– Вы поговорите с Корниловым и Тихомировым? – спросил Радецкий, не собираясь отступать.

– Да поговорю, поговорю. Завтра с самого утра. Кстати, если уж следовать вашей логике, то нужно спросить, нет ли у вас в коллективе или среди пациентов человека с фамилией Ветюков.

– Среди персонала точно нет, среди пациентов нужно смотреть.

– Вот и посмотрите с утра. И постарайтесь, чтобы до этого времени с вами обоими ничего больше не случилось.

– Мы постараемся, – на полном серьезе пообещал Радецкий.

Когда следственная группа уехала, он подошел к закрывшей за ними дверь и застывшей около нее Владе, которая по-прежнему держала на руках собаку. Обнял за плечи, притянул к себе, чувствуя, как быстро-быстро стучат два сердца, собачье и человеческое.

– Собирайтесь. Поехали.

– Куда? – не поняла она.

– Ко мне.

Видя ее непонимающий испуганный взгляд, он вдруг разозлился так сильно, как не бывало уже давно.

Не на нее, на того человека, который заставил ее бояться.

– Влада, неужели вы думаете, что я брошу вас тут одну после всего того, что случилось? Я бы остался, но у меня дома тоже собака, ее надо покормить, а утром выгулять, а еще собраться на работу. Пожалуйста, возьмите все, что вам нужно, и поехали. Здесь небезопасно. В первый раз преступник попал в квартиру, потому что вы не включили сигнализацию, но затем вы исправили это упущение, и, чтобы иметь возможность очутиться внутри, он напал на вашу домработницу, дождавшись, пока она вернется с прогулки. Мы не знаем, нашел ли он то, что искал, а это значит, что он может вернуться. К примеру, утром, когда вам придется открыть дверь, чтобы вывести этого зверя на улицу.

Зверь дышал и слегка рычал где-то в районе его пупка, всячески показывая, что подобная диспозиция его не устраивает.

– Я не могу оставить Беню одного. Его тоже нужно выгуливать и кормить. Да и кровь с пола надо отмыть, – вяло возразила она.

– Беню вы можете взять с собой. Моя собака, конечно, никогда не видела посторонних псов на своей территории, но она у меня умная и отлично выдрессирована, так что, думаю, обойдемся без эксцессов.

– Обойдемся без эксцессов, – задумчиво повторила Влада. – Я правильно поняла, что, кроме собаки, вас дома никто не ждет?

Радецкий в очередной раз подивился, какие мелочи кажутся страшно важными женщинам. В ее ситуации было разумно хватать в охапку собаку и бежать как можно дальше от источника потенциальной опасности, но даже сейчас она думала о каких-то дурацких приличиях.

– Нет, меня никто не ждет, – терпеливо сказал он, – хотя бы по той простой причине, что я живу один. Все, это единственное, что вас волнует?

– Не единственное, – вздохнула она, но послушно пошла куда-то в глубь квартиры, где, как полагал Радецкий, находилась спальня.

Надо же, полтора часа назад он собирался познакомиться с ее спальней, но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Впрочем, в бога Радецкий не верил. Собралась Влада быстро, он даже удивился, потому что привык к тому, что жена всегда копалась, чем доводила его до изнеможения.

Самому ему, как в прошлом человеку военному, на сборы требовалось десять, максимум пятнадцать минут, и Владислава Громова уложилась в это же время, представ перед его очами в джинсах и уютной толстовке, с портпледом в руках, в котором, по всей вероятности, был упакован наряд на завтра, с небольшой дорожной сумкой, содержащей, видимо, всякие необходимые женщинам бутылки и баночки, и очередной, теперь синей, сумкой дамской, в которую на глазах Радецкого деловито переложила свои разноцветные косметички.

– Так, еще корм и Бенины миски, – сказала она. – И я готова, Владимир Николаевич.

– Я впечатлен, – только и сказал он.

– Ну что вы, это только начало, – ответила Влада, и эти слова с намеком на кокетство давали понять, что она начинает отходить от испытанного ею при виде раненой домработницы шока. Уже хорошо.

Радецкий отобрал у нее сумку и портплед, на собаку она нацепила поводок, и та, уразумев, что они уходят из так напугавшего ее дома, перестала наконец трястись и скулить, а в нетерпении перебирала тонкими лапками, чтобы поскорее оказаться на улице.

– Так, Влада, я пойду первым, а потом вы, хорошо?

– Неужели вы думаете, что этот человек, кем бы они ни был, готов сегодня еще раз напасть? – удивилась она. – После той шумихи со светомузыкой, которую тут устроили «скорая» и полиция?

– Тут больше нет ни «скорой», ни полиции. Да и меня тут быть не должно. Это преступник вряд ли мог просчитать. И да, я считаю, что он может вернуться. Квартиру на сигнализацию не забудьте поставить.

– Разумеется, не забуду, – с достоинством в голосе сказала Влада.

Ее вещи Радецкий загрузил в багажник, сама она забралась на пассажирское сиденье, пристроив в ногах собаку. Пес теперь смотрел недоуменно, искренне не понимая, куда они едут, да еще и не в своем автомобиле.

– Может быть, заехать к ресторану, я заберу машину? – предложила Влада, когда он выехал за ворота. – Завтра с утра вам будет явно не до этого.

– Что мы будем делать завтра с утра, решим завтра с утра, – не терпящим возражений тоном ответил он. – Во-первых, ваши два коктейля никуда не выветрились за столь короткое время, равно как и адреналин в вашей крови. А во-вторых, я не собираюсь в половине одиннадцатого ночи следить за безопасностью двух машин на темной скользкой дороге. Поэтому сидите, пожалуйста, молча, если это возможно.

Дорога заняла полчаса, и за все это время Влада не проронила ни слова, как подозревал Радецкий, не потому, что обиделась, а потому, что на самом деле сильно устала от впечатлений сегодняшнего дня. Остановившись перед воротами, он набрал на телефоне комбинацию, открывающую их, а потом вторую, включающую свет на периметре участка и у дома. Хорошо, что снегопада нет, а то ворота пришлось бы откапывать, а тратить на это время совершенно не хочется.

– Приехали, – сказал он, заехав на участок и убедившись, что ворота с легким скрежетом закрываются за спиной, – вылезает, Влада. Или вам помочь?

– Нет, спасибо, я сама. Задумалась что-то, – сказала она, нарушив неподвижность, которая начинала его пугать. – Я все пытаюсь понять, что именно у меня ищут, потому что мне все время кажется, что это связано с убийством в больнице, но не нахожу ответа.

– Надо перестать об этом думать, – мягко сообщил Радецкий, – по крайней мере до утра.

Достав из багажника ее вещи, Радецкий проводил Владу с собакой на поводке к дому, которым гордился. Тот был не очень большой, но функциональный и удобный, где все было продумано до последней мелочи. Когда он отпер дверь, навстречу выскочила радующаяся его приходу Фасолька, увидела незнакомку с собакой, села на попу, внимательно глядя на хозяина: мол, как это понимать?

– Привет, моя хорошая, – Радецкий присел, погладил шелковистую собачью голову, потрепал за ушами, – знакомься, это Влада и Беня. Они пока побудут у нас. Они свои. Поняла?

Фасолька покосилась на тревожно жавшегося к ногам хозяйки толстого мопса. Тот, судя по выражению морды, снова готовился то ли заскулить, то ли зарычать, не зная, похоже, какую линию поведения выбрать.

– Какая красивая, – зачарованно сказала Влада и подошла поближе, – можно погладить?

– Можно, – разрешил Радецкий. – Фасольке, как любой женщине, нравится, когда к ней подходят с лаской.

– Фасольке? Какое у тебя смешное имя.

– Ну, зовут ее Сильва Фелиция, так что имя у нас полностью подчеркивает, что мы практически

королевских кровей, а Фасолька – это так, для своих.

– Это какая порода? – спросила Влада и погладила смирно сидящую собаку. Та начала постукивать хвостом, показывая, что не против. – На риджбека родезийского похожа, но вроде нет.

– Нет, – Радецкий засмеялся, видя ее удивленное лицо. Все лучше, чем растерянность и испуг, хотя, надо отдать этой женщине должное, испуганной она выглядела недолго. – Это венгерская выжла. Самая лучшая порода на свете.

У входной двери заворчал явно несогласный с таким определением мопс.

– Надо же, я о такой даже не слышала никогда, – призналась Влада, – очень красивая, и цвет такой, как мед. Даже нос.

– Фасолька, ты слышишь, Влада сказала, что ты красавица. Впрочем, ты сама это знаешь, потому что еще и умница. Все, проходите, хватит у дверей стоять. Влада, вы есть хотите?

Он прошел в глубь коридора, разделся у вешалки, обернулся. Его гостя по-прежнему стояла у дверей и все смотрела на Фасольку, выражение ее лица было странное.

– Что опять стряслось?

Она помотала головой, словно отгоняя непрошенные мысли.

– Нет, ничего. Совершенно ничего. Я вдруг позавидовала вашей собаке, потому что вы обращаетесь к ней на «ты».

Он усмехнулся чуть заметно, потому что при всей своей силе, кажущейся почти мужской, она была очень женщина, с присущей только женщинам ерундой, которой обычно бывали забиты их головы. Человека сегодня чудом не убили, а она завидует его собаке.

Видимо, она сама поняла, что сказала что-то лишнее, поэтому независимо добавила:

– А вы, как я погляжу, ценитель хорошей обуви.

Он опустил глаза вниз, на стоящие на коврике под вешалкой свои действительно щегольские ботинки фирмы «Ллойд».

– Да, я стараюсь покупать только эту обувь, – сказал Радецкий. – Когда-то, давным-давно, когда я был еще начинающим врачом, мы с женой в первый раз поехали за границу и там в каком-то магазинчике я обнаружил эти ботинки, и они ужасно мне понравились. Они были комфортные, красивые, их было приятно держать в руках, и мне ужасно хотелось их купить, вот только позволить я тогда себе их никак не мог. И дал себе слово, что когда-нибудь обязательно смогу и буду их носить.

– Никогда не слышала про такую фирму, – живо поддержала безопасную тему Влада. – Хотя я тоже люблю хорошую обувь. Предпочитаю испанскую.

– «Ллойд» – немецкая марка. Обувь у них всегда кожаная, причем используется кожа коров, телят и оленей, не свиная. И подкладка всегда тоже только натуральная. Вы не знаете, зачем мы говорим об этой ерунде?

Радецкий вернулся к двери, туда, где стояла Влада, наклонился и поцеловал ее в губы. Лишенные помады, они были похожи на лепестки пепельной розы, а еще нежные и податливые, отнюдь не сжимающиеся в упрямую линию, а открывающиеся навстречу поцелую.

Они оба не закрывали глаз, и Радецкий видел, что теперь они у Влады перепуганные, словно, не боясь охоты, которую вел на нее неведомый преступник, она страшилась того неведомого, к чему так стремилась в последние дни со всей своей неукротимой привычкой добиваться того, что хочется. Сейчас ей хотелось его, Владимира Радецкого, и она и была готова взять то, к чему рвалась, и боялась этого одновременно. Он ее

понимал, потому что знал, что с ним нелегко справиться, практически невозможно.

Прервав поцелуй и отстранившись, он присел, отстегивая ее пса с поводка.

– Фасолька, води в комнату, – приказал он своей собаке.

Она, и впрямь понимая человеческий язык, подошла к мопсу, ткнула его влажным носом в бок, лизнула в приплюснутую мордочку, словно здороваясь, пошла внутрь дома, периодически оглядываясь и приглашая гостя следовать за собой. Тот задрал голову, посмотрел на полуобморочную Владу и потрусил за Фасолькой, не оглядываясь.

Радецкий стащил с плеч Влады ее меховую шубку, расцепил пальцы, все еще сжимающие стильную сумку, поставил на стоящую у входа скамеечку. Снова присел, теперь расстегивая и стаскивая с ног ботинки, сжал в ладони узкую, очень аристократическую ступню, погладил ее большим пальцем. Влада вдруг охнула, схватилась за стену, чтобы не упасть.

– Что, щекотно? – спросил он, вставая.

– Нет, – не сказала, а скорее выдохнула она.

Взяв ее за руку, Радецкий дошел до вешалки, пристроил на нее шубку, повел Владу дальше, мимо гостиной, в которой, по-хорошему, нужно бы было разжечь камин, но тратить на это время категорически не хотелось. Камин требовался не для отопления, в доме и так было достаточно тепло, благодаря электрическим батареям, а для антуража. Соблазнять женщину при неровном свете пламени и треске поленьев – это красиво, это правильно. Вот только женщину, которую он держал за руку, не нужно было соблазнять, и спецэффекты на нее наверняка не действовали.

Поэтому без лишних разговоров он просто привел ее на второй этаж, в спальню, в которой было темно и

лишь луна заглядывала в незашторенное окно, прокладывая дорожку к кровати.

– Раздевайся, – негромко сказал он, выпуская руку Влады.

Она послушно, словно под гипнозом, начала стаскивать через голову худи от спортивного костюма, затем под его пристальным взглядом сняла все остальное. Маленькая и хрупкая, она стояла совершенно обнаженной в мягком лунном свете, и это было так красиво, что Радецкий на мгновение перестал дышать.

– Ложись, – все так же односложно сказал он, сдергивая с кровати покрывало.

Она снова послушалась, и он вдруг подумал, что в том, как выполняет указания, почти команды эта не привыкшая подчиняться женщина, есть что-то завораживающее, фантастическое. Не снимая одежды, он опустил перед кроватью на колени, придвинул к себе словно ставшее невесомым тело, слегка подул, проверяя эффект. О да, эффект был.

– Почему вы не раздеваетесь? – спросила она сквозь стон. Вот ведь любопытная.

– Еще успею.

Это было последнее, что он сказал, и когда они оба, разумеется уже раздетые, пришли в себя, то оказалось, что часы показывают без двадцати час ночи. Влада сделала какое-то движение, словно собиралась встать, но он не дал ей этого сделать, подгреб под себя, для верности закинув поверх нее ногу, чтобы точно никуда не делась. Она пискнула, видимо под тяжестью его тела, и затихла, уткнувшись носом ему в грудь.

– Тяжело? Пить? Писать? – спросил он «врачебным» голосом.

– Нет. Мне идеально, – ответила она, ничуть не смутившись. – Слушайте, а вам говорили, что вы волшебный?

Он улыбнулся, и ее комплименту, и тому, что она действительно не могла без разрешения перейти на «ты» даже после занятий любовью. Ну да, он же не разрешал. Эту власть над ней терять не хотелось. Или иллюзию власти, кто ее разберет.

– Много раз, – ответил он, потому что отчего-то ему хотелось ее дразнить, и даже не видя, знал, что у нее огорченно вытянулось лицо, спрятанное у него на груди. Ревнивая. Это хорошо. Ревнивые никогда не бывают равнодушными. – Если честно, со счета я сбился довольно давно, а считать дальше уже не имело смысла.

– Ну да, такие таланты грех зарывать в землю, – сказала она независимо и отстранилась, насколько это было возможно в его объятиях. – Поздно уже, Владимир Николаевич. Вам завтра рано вставать.

– С учетом, что я не смогу оставить вас здесь без машины, нам завтра рано вставать, – сообщил он, выпуская ее из кольца рук и поднимаясь. – Хотя я готов запереть вас тут, потому что за этим забором с вами точно ничего не случится. Но вы ведь не согласитесь.

– Не соглашусь. У меня есть моя работа и моя жизнь, поэтому да, нам завтра рано вставать, хотя я и ненавижу это больше всего на свете.

– Странно, я был уверен, что вы жаворонок, – он стоял перед ней совершенно голый, нимало не смущаясь ее внимательного взгляда. В себе и своей неотразимости он точно был уверен. – Совы редко добиваются успеха в жизни. Во сколько же вы встаете?

– Если ничего не случается, то в девять, – призналась она.

Признаться, ей удалось его изумить.

– Н-да, пожалуй, я проявил садизм, когда назначил вам встречу на это время.

– Пожалуй, – согласилась она и встала с кровати. – В душ я могу сходить?

– Да, конечно, сейчас я покажу вам гостевую комнату, в ней есть своя ванная. Ваши вещи я туда отнесу.

В полумраке было не видно ее лицо, но, кажется, оно снова изменилось.

– Не обижайтесь, Влада, но я терпеть не могу спать с кем-то в одной кровати, – сказал он. – Не зря «графья» встречались лишь для того интересного, что мы только что провернули, а спали всю жизнь в разных спальнях. Вы как, согласны?

– Если свидание первое и уж тем более последнее, то остаться в одной кровати на ночь и все это время «держат лицо» и спину ровной, а эмоции под контролем, то пробки вылетят, – сказала она с холодком в голосе. – Так что за гостевую спальню искреннее спасибо. Но если вы спрашиваете в общем и целом, то периодически любой женщине хочется иногда засыпать и просыпаться в одной постели с мужчиной. Это вне логики. Это дурацкая романтика, и чтобы условная яблоня была в окно, и дождь стучал по подоконнику, и можно было кино вместе смотреть. Ну, и это другой уровень нежности. Другое качество секса. Вы не встречали?

Ага, она умела огрызаться и кусаться в ответ.

– Пошли спать, – сказал он, не собираясь отвечать на вопрос. – На сон осталось пять часов. А обходиться малым количеством сна тут умеют не все. Собаку можете забрать к себе, потому что ночью Фасолька караулить его не станет, она всегда спит у моей кровати.

– Другой уровень нежности, – пробормотала Влада еле слышно.

Ему показалось или она опять завидовала его собаке?

Утром, встав, как обычно, в шесть, приняв душ и побрившись, Радецкий спустился вниз, выпустил

Фасольку во двор и начал готовить завтрак, прислушиваясь к тишине наверху. Варить кофе и делать тосты на двоих было чертовски непривычно. Он понятия не имел, сколько времени нужно его гостье, чтобы выйти из дома, но подозревал, что никак не меньше часа. С учетом того, что нужно было еще успеть доехать до ресторана, выезжать следовало не позже, чем в двадцать минут восьмого, то есть Владиславу Громову пора было будить. Почему-то ему не хотелось этого делать.

Правда, без десяти семь она сама спустилась вниз, причем одетая в деловой костюм, с подкрашенным лицом и уложенными волосами. То, что она наверняка не выпалась, было совершенно незаметно. Высший пилотаж. Следом цокал когтями ее смешной пес.

– Где ваша собака? – спросила Влада, не подозревая о произведенном впечатлении.

– Доброе утро, – улыбнулся Радецкий. Гостья нервничала, оттого и теряла хорошие манеры. – Я выпустил ее во двор, где у нее есть важные дела. Кстати, можете последовать моему примеру. Территория закрытая, так что с вашим псом ничего не случится. Или вы предпочитаете контролировать процессы отправок его организма?

В ответ она прошла к входной двери и открыла ее, выпуская собаку.

– Гулять, Бенья, – сказала она. – Сегодня ты делаешь это сам.

– У вас умная собака, – сказал Радецкий, когда она вернулась на кухню, и поставил на стол чашку кофе. – Пейте. Кофе я варю по-настоящему хорошо.

– У меня есть время на кофе?

– Вполне. Минут двадцать пять. Вот тосты, надеюсь, вы едите лосося и авокадо. Все остальное ищите в холодильнике. Он открыт, и в нем никто не кусается. Я пошел одеваться. Да, кстати, я позвонил в

травматологическое отделение, ваша домработница пришла в себя, и ее жизни ничто не угрожает. У нее всего лишь сотрясение мозга.

– Когда вы успели, – спросила Влада, – еще же семи нет?

– В семь утра в больнице уже вовсю кипит жизнь, – назидательно сказал Радецкий. – И там точно отвечают на вопросы главврача, интересующегося состоянием пациентки, поэтому соответствующее сообщение я получил в половине седьмого. Если хотите, то я отвезу вас не к вашей машине, а прямиком в больницу, тогда вы сможете провести вашу знакомую, а заодно узнать у нее, что случилось. Вам же хочется сделать это раньше, чем следователю? Кроме того, у нас будет на двадцать минут больше на завтрак и утренние сборы. Ну как вам такая идея?

На самом деле ему страшно не хотелось ее отпускать. Он был уверен, что в больнице она будет в безопасности, потому что намеревался за ней проследить. Куда она поедет, если заберет машину? На работу, где есть надежда, что за ней присмотрят сотрудники, или домой, чтобы оставить там собаку?

– Как я могу поехать в больницу с Бенеи? – удивилась Влада. – Конечно, я бы с радостью поговорила с Надеждой, но с собакой же не пускают.

– Со мной можно провести хоть слона на веревочке, – сообщил Радецкий. – А потом оставите ее в моем кабинете, дел-то.

– Если это удобно, то я, конечно, согласна. Я проведу Надю, а потом вызову такси. Спасибо.

Когда одетый Радецкий спустился вниз, она уже вымыла посуду и покормила свою собаку, которую снова впустила в дом. Фасолька терпеливо сидела на крыльце в ожидании, пока он сделает то же самое. Насыпав корм, налив свежую воду и открыв дверь, он потрепал ее по голове.

– Хорошая собака. Жди, вечером приеду. Обещаю, что сегодня не так поздно, как вчера.

Ему показалось или Владислава Громова вздохнула? Подумать об этом не получилось, потому что зазвонил телефон. Необходим был срочный вылет санитарной авиации в один из отдаленных районов области, а Радецкий давно завел правило, что о таких вылетах из Центра медицины катастроф ему сообщали обязательно, хоть днем, хоть ночью.

Разговаривая, он дал знак выдвигаться, и они вышли из дома, дошли до машины, расселись и выехали со двора. Ворота закрылись за спиной, отрезая вчерашнюю ночь. Пожалуй, теперь, зная, какова эта женщина на ощупь и на вкус, как она двигается, дышит, стонет и целуется, он был не против повторить эту ночь еще раз. Вот только захочет ли она, особенно с учетом, что с утра он ее даже не поцеловал. Просто в голову не пришло.

А сейчас, кажется, было уже поздно, потому что она сидела на пассажирском сиденье очень прямо и неотрывно смотрела вперед, на дорогу, не удостоивая Владимира Радецкого даже взглядом. Ладно, с этим позже разберемся. Он с самого начала знал, что с ней точно не будет легко, вот и приходилось теперь терпеть перепады настроения невыспавшейся и, кажется, обиженной женщины. Что ж, он тоже предупреждал, что с ним непросто, поэтому ей придется либо принять его всего целиком, такого, какой есть, либо сдаться. Отчего-то он был уверен, что она не сдастся.

На больничной парковке Радецкий поздоровался с начмедом, заведующей терапевтическим отделением и еще парой-тройкой сотрудников, каждый из которых с интересом осмотрел вылезшую из машины Владу с собакой. Внутренне он усмехнулся, эта встреча гарантировала высококачественные слухи как минимум

на день, а то и на неделю. Впрочем, на любые пересуды ему было наплевать. Влада же, похоже, и вовсе не думала о том, какое впечатление производит их совместное появление у больницы ранним утром.

– Сейчас мы пройдем в мой кабинет, оставим собаку в комнате отдыха, а потом отправимся проведывать вашу знакомую, – сказал он.

– Вместе?

Он пожал плечами.

– Я по утрам все равно выборочно обхожу отделения, поэтому не вижу препятствий сегодня начать с нейрохирургии. Или вы предпочитаете сначала зайти в неврологию, чтобы проведать нашего общего приятеля Костю Корнилова? Как думаете, у нас есть шанс успеть раньше господина Зимина?

Влада внимательно посмотрела на него.

– Зимин запретил нам это делать, тем более если Корнилов преступник, то наш визит может его испугнуть.

– Еще раз, я обхожу отделения с полным на то правом. Нет ничего необычного или тревожного в том, что я появился на очередном этаже и зашел в палату своего приятеля, которого туда и устроил. Не думаете же вы, что я в лоб спрошу, не он ли убил старушку?

– Старушку-процентщицу, – задумчиво сказала Влада.

– Да уж, в этом случае очень точное определение.

– Соглашусь с тем, что в вашем визите в палату Корнилова нет ничего необычного, но мое появление там объяснить невозможно. По логике, я даже знать не должна, что Костя в больнице.

– Тогда давайте разделимся. Я пойду к Корнилову, а вы к своей домработнице. Я предупрежу, чтобы вас пропустили. Хорошо?

За разговором они дошли до кабинета Радецкого, секретарши еще не было, поэтому, переодевшись в

больничный костюм, он прикрепил к ее компьютеру записку, что в комнате отдыха заперт симпатичный мопс. Комнатой отдыха второй в его владениях кабинет можно было называть с большой натяжкой, но там был шкаф, в котором хранилась сменная одежда, диван, на котором можно было переночевать, когда приходилось проводить ночи в больнице, и маленький холодильник, обычно пустой.

Владе он выдал халат, который она послушно натянула, накинув свою шубку сверху. Позвонив в отделение нейрохирургии с просьбой пропустить Владиславу Громову в палату к пациентке Надежде Верховцевой, он с легкой тревогой отпустил ее туда. Нейрохирургия располагалась в соседнем корпусе, и Радецкий сильно надеялся, что по дороге с Владой ничего не случится.

Тревога, поселившаяся где-то в районе солнечного сплетения, была ему несвойственна. Точнее, не так. Она всегда появлялась в преддверии серьезной опасности и никогда по пустякам. Путь по очищенной от снега дорожке между корпусами областной больницы в разгар дня точно не был опасным. Из одного здания в другое постоянно ходили люди, а въезд для сторонних машин был перекрыт шлагбаумом. Неоткуда было взяться тревоге, совершенно неоткуда, но тем не менее она почему-то сидела внутри, покусывая, как заведшаяся невеста откуда блоха.

Отгоняя эту блоху, Радецкий отправился к художнику Корнилову, в виновность которого внутренне не верил. Константин, или, как его звали в художественных кругах, Корень, человеком был мирным, да к тому же глубоко погруженным в мир искусства, который, как знал Радецкий, не мог быть совмещен с никаким насилием. Да и деньги в прямом смысле слова Корнилова не интересовали. Работы свои, очень самобытные, он, конечно, продавал, но мог и

подарить в каком-то случайном порыве и без какого-либо намека на корысть.

Бизнес-процессами, связанными с продажей картин, рулила его жена, то ли третья, то ли четвертая по счету, Радецкий не помнил. Сама она, будучи писательницей и литературным критиком, тоже была не очень прагматична и ухватиста, но ее умение держать под контролем приступы необузданной щедрости мужа все-таки позволяло им не голодать и обеспечивало приемлемый уровень жизни.

Не мог Костя Корнилов убить ради денег, какими бы большими они ни были. И ради того, чтобы отомстить за обманутого отца, тоже не мог, потому что был крайне незлобив по натуре, принимая философски течение жизни и любые ее негативные проявления. Именно поэтому Радецкий шел к нему вопреки запрету Зимина. Корень мог что-то знать, и если к убийству был причастен кто-то из сотрудников больницы, то Радецкий предпочитал услышать про это первым.

Впрочем, эта надежда растаяла сразу, как только он переступил порог палаты, где лежал Корнилов. На стоящем у окна стуле с удобством расположился следователь Зимин, деловито заполняющий разложенные на подоконнике бумаги.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич, – сказал он. – И почему я не удивлен увидеть вас здесь в столь ранний час?

– Были уверены, что я приду?

– Убежден. И именно поэтому явился на полчаса раньше вас, хотя мой ранний подъем и не вызвал особого восторга у моей жены и тещи. У дочери очередные зубы режутся, так что ночью практически никто не спал.

– То есть вы уже успели поговорить? Костя, привет.

Корнилов был одним из немногих малознакомых людей, к которым Радецкий обращался на «ты» и по

имени, просто так его звали все. Несмотря на то что был он примерно ровесником пятидесятичетырехлетнего Радецкого, он так и остался для всех Костей.

– Привет, док, – приветствовал тот Радецкого в ответ. – Поговорили, да. Только я так товарищу следаку и сказал, что вообще не при делах. Док, ты-то мне веришь, я надеюсь?

– Пожалуй, верю, – сознался Радецкий. – Но, Костя, ты же можешь что-то знать. Ну, о тех событиях двадцатилетней давности.

– О тех событиях-то конечно. Я, правда, тогда в Москве обитал. С первой своей женой. Она у меня дочерью генерала была, но к искусству тянулась всей душой. Мы с ней у ее родителей жили, в пятикомнатной квартире на Арбате. Представляешь, док?

Радецкий представлял, но сейчас эта часть корниловских воспоминаний была ему совсем неинтересна.

– погоди, Костя, пусть лучше Михаил Евгеньевич расскажет, у него лучше получится, да и тебе второй раз не напрягаться.

Зимин покосился недовольно, но отложил ручку и начал рассказывать, видимо, понимая, что Радецкий все равно не отстанет.

В разгар скандала с продажей военных самолетов Константина Корнилова действительно не было в городе и проводывал он своих родителей нечасто. О том, что отец оказался втянут в не очень законную авантюру, из которой ему удалось выпутаться без особых потерь, но и без всяческого профита, он узнал, когда вся история была уже позади и родители на время уехали из города, отправившись погостить к родственникам под Белгород, откуда старший Корнилов был родом.

Константин отнесся к рассказу отца равнодушно. По его мнению, тот совершил глупость, за которую и был

наказан самой жизнью и жадными подельниками. Имена этих самых подельников он никогда не спрашивал, о существовании где-то так и не поделенных денег не знал. Имя Ираиды Нежинской ни о чем ему не говорило, и в больнице ни с какими незнакомыми старушками он не встречался. О том, что здесь кого-то убили, он слышал, но особого интереса к сплетням не проявил, поскольку был уверен, что его это не касается.

В день, предшествующий убийству, то есть именно тогда, когда вернувшаяся из буфета Ираида Нежинская была сильно взволнована встречей с неизвестным человеком, про которого сказала своей приятельнице «надо попросить Юлю его привести», Корнилов на первый этаж не спускался и вообще из палаты не выходил. Из-за смены атмосферного давления он особенно плохо себя чувствовал и из-за сильнейшего головокружения не мог встать с кровати.

Этот факт Радецкому тут же подтвердили лечащий врач и медсестры, работавшие в отделении в тот день. Другими словами, Корнилов не врал, и Ираида Нежинская никак не могла его видеть. Ни с кем по фамилии Ветюков Корень тоже знаком не был. Вот и все, что удалось узнать у художника.

– Ладно, все понятно, – сказал Радецкий, когда Зимин перестал говорить, а Корнилов кивать в такт его словам, мол, все правильно. – На колу мочало, начинай сначала. Михаил Евгеньевич, я помню свое обещание поискать в больнице пациента Ветюкова. У меня в девять тридцать оперативка, дам задание заведующим отделениями. А пока пойду, если вы не против. Я иногда еще и работаю.

Перед тем как уйти, он зачем-то посмотрел в окно. Там, среди засыпанных снегом кустов, мелькала хрупкая фигурка в серой шубке, идущая по дорожке, аккуратно переступая ногами в изящных ботинках. Не к

месту он вспомнил ракурс, в котором любовался этими ногами прошедшей ночью, и вздрогнул от реакции, которая была сейчас совсем не ко времени и не к месту.

Так, надо срочно подумать о чем-то другом. Например, о том, что владелица этих самых ног уже закончила разговор со своей домработницей и идет обратно. Наверное, ей будет неловко самой объяснять секретарше, что в комнате отдыха за его кабинетом сидит именно ее собака.

– Я пойду, – повторил он зачем-то.

– Да идите, я вас не держу, – с недоумением сказал Зимин. – За помощь в работе со списками пациентов спасибо. Я тут закончу и к вам зайду.

Часы показывали 8:40, а он еще в реанимации не был. Нельзя нарушать традиции, даже если один день ничего и не меняет. Заглянув в реанимацию и выслушав отчет заведующего, он вернулся в кабинет, собираясь, как всегда, перед первой встречей выпить кофе. Сегодня вместе с Владой. Однако она еще не вернулась, видимо, заглянув куда-то еще. Скорее всего, в гибридную операционную. В части контроля, пожалуй, она была Радецкому ровней.

Махнув рукой на кофе, который без нее было пить невкусно, он постоял минут десять, бездумно глядя в окно, в девять часов переговорил с приехавшим на встречу представителем фирмы-подрядчика, собирающейся принять участие в конкурсе на ремонт одного из отделений, и начал готовиться к планерке.

Постепенно кабинет наполнялся людьми, поэтому он предупредил секретаршу, что, когда появится Владислава Громова, ее нужно проводить в комнату отдыха, имевшую второй вход прямо из коридора, обычно запертый, вернулся за свой стол и начал приветствовать коллег, рассаживающихся по своим местам.

Ближайший час все его мысли были заняты только рабочими процессами, поскольку концентрироваться на важном и не отвлекаться на постороннее Радецкий умел, как никто другой. За все шестьдесят минут он ни разу не вспомнил о Владе, которой полагалось сидеть за стеной вместе со своей собакой. Оба вели себя тихо, замечательное качество, хоть для женщин, хоть для собак.

Когда планерка закончилась и даже задержавшиеся по частным вопросам коллеги покинули кабинет, он поспешил выпустить Владу и собаку из пусть добровольного, но все-таки заточения. Однако там был только Беня, нагло спавший в кожаном кресле и приподнявший голову при появлении Радецкого.

– И куда ушла твоя хозяйка? – спросил он собаку, которая тут же перевернулась на спину, подставляя гладкое розовое пузико, чтобы его погладили. – Проверять, как бетон заливают? Так вроде не женское это дело.

Беня сопел, активно виляя обрубок хвоста.

– Ладно, жди дальше, – велел Радецкий, – будешь хорошо себя вести, придумаю тебе какую-нибудь столовскую котлету.

Закрыв дверь, чтобы пес не вздумал сбежать, отвечая за него потом, он вышел в приемную, где уже толпились работники бухгалтерии, ибо следующей в графике значилась финансовая планерка.

– Владислава Игоревна сказала, куда пошла? – спросил он у Анечки.

– Владислава Игоревна? – удивилась та. – А, да. Вы меня предупреждали, что я должна ее провести в комнату отдыха, но она не приходила.

Радецкий почувствовал, как камнем рухнуло куда-то вниз сердце. Тревога, от которой он так легкомысленно отмахнулся, вернулась, став более острой, тянущей.

– Как не приходила? – спросил он, понимая, что секретарша не может этого знать. – Я своими глазами в окно видел, как она шла ко входу, и было это полтора часа назад.

– Ну, значит, зашла куда-то, – равнодушно пожала плечами Анечка. – К Олегу Павловичу, например, или в контрактный отдел, или в гибридную операционную. Или вообще уехала.

Вообще-то секретарша была совершенно права. Его кабинет был не единственным местом, где могла находиться Влада, у которой в больнице имелись и свои дела. Да и про ежедневную планерку он ей говорил, могла решить не мешать. И уехать тоже могла. Вызвать такси и уехать. Решить забрать своего пса позже, вернувшись за ним уже на собственной машине. Достав телефон, Радецкий быстро набрал ее номер. Длинные гудки были ему ответом. Машинально он насчитал семь таких гудков, после которых механический голос сообщил, что абонент не отвечает.

Радецкий набрал номер еще раз, и еще, и еще. Видимо, его лицо отражало всю гамму испытываемых чувств, потому что окружающие смотрели на него как-то странно. Впрочем, что думают о нем подчиненные, Радецкого сейчас волновало еще меньше, чем всегда. Самым главным сейчас был тот неоспоримый факт, что Владислава Громова пропала.

Дурак, идиот, как опрометчиво он был уверен в том, что в его больнице ей ничто не угрожает. Никогда до этого момента он не был знаком с паникой. Внезапно вспомнилось, как осуждающе он смотрел на раздавленного ею Королева, с превосходством считая, что сам не способен проявить слабость. Чушь. Ерунда. Не стыдно бояться за того, кто тебе действительно дорог.

«На расстоянии вытянутой руки», – вспомнилось вдруг ему. Эта женщина теперь всегда будет рядом, на

расстоянии вытянутой руки. Но для этого нужно ее найти. Живой.

* * *

Надежду Влада обнаружила бледной и с перевязанной головой, но полусидящей на кровати с электрическим приводом с тарелкой овсяной каши в руках.

«Раз ест, значит, точно не при смерти», – с облегчением подумала Влада, зайдя в двухместную палату. Девушка с соседней кровати смотрела на нее с испугом, который, впрочем, почти сразу прошел.

– Извините, я все боюсь, что это мой муж. Он меня так избил в этот раз, что до больницы, – сказала она. – Вы из полиции или из кризисного центра для женщин?

Влада не успела ответить.

– Это ко мне, – сказала Надежда и поставила тарелку на тумбочку. – Здравствуйте, Владислава Игоревна.

– Надь, прости меня, – покаянно сказала Влада и подошла поближе, села на край постели.

– Вас-то за что?

– Если бы не я, то ты вчера вечером не пошла бы гулять с Беней и ничего этого не случилось бы. Точнее, по голове получила бы я, а не ты.

– Глупости говорите, – сказала Надежда. – Мне, конечно, не повезло, но вы в этом не виноваты.

– Что случилось-то, Надь?

– Так я пришла, как мы договаривались, открыла дверь, квартиру с сигнализации сняла, шлейку на собаку надела, дверь заперла и пошла себе на улицу. Гуляли мы недолго, минут двадцать. Бенья как все дела сделал, так я в сторону дома двинулась, чего зря время терять. Думала, приду, покормлю его да вам позвоню,

что дело сделано, но не успела. В квартиру зашла, сначала ничего плохого не заподозрила, я ж свет в коридоре включенным оставила, когда уходила. Вот я зашла, шлейку сняла, даже куртку снимать не стала, корм же насыпать недолго, только ботинки сняла, чтобы не наследить, дошла до входа в кухню, и тут оттуда тень какая-то метнулась, потом удар, и все, больше ничего не помню. Очнулась уже в машине «скорой помощи».

Лицо ее болезненно искривилось, она подняла руку и потрогала повязку на голове, словно снова возвращаясь в ужас вчерашнего вечера. Владе было так ее жалко, что даже дышать стало трудно.

– Надюша, а ты его видела, этого человека? – спросила она.

– Нет, – ответила Надежда. – Он откуда-то сбоку выскочил, я и не рассмотрела.

– Он? То есть это был мужчина?

Надежда на мгновение задумалась.

– Я на сто процентов, конечно, не могу быть уверена, потому что, правда, совсем не успела ничего разглядеть. Но скорее мужчина. По общему абрису тени, так сказать. Хотя женщины тоже разные бывают. Владислава Игоревна, а чего он хотел-то? Квартиру обокрасть?

– Нет, – покачала головой Влада. – Ничего не пропало, Надь. Он забрал только одну мою сумку, такой черный рюкзак, знаешь?

– Ой, – Надежда коротко вскрикнула и тут же на мгновение зажала себе ладошкой рот, – Владиславочка Игоревна, вы простите меня, я ведь позабыла вам сказать. Честно-честно, хотела, да позабыла, я не специально, не потому, что скрыть хотела.

Влада в недоумении смотрела на нее.

– Ты о чем сейчас, Надь?

– Да о рюкзачке вашем, о чем еще. Его этот злыдень не забирал, нет. Его я унесла, в пятницу еще.

– Ты унесла? Зачем?

– Так в химчистку для сумок. Вы, уходя на работу, рюкзак в прихожей на банкетке оставили, а я неловко пятилась, когда пол мыла, задела и уронила в ведро. А вода-то с химикатами была. Я сумку-то высушила сразу, а на ней разводы остались, вот я и унесла в ту чистку, в которую вы все свои сумки сдаете. Побоялась мыть и тереть, чтобы не испортить. Сказать-то хотела, да позабыла. Вы уж простите.

– Да ладно тебе, чего извиняться из-за такой ерунды, – машинально сказала Влада.

Мозг ее работал как бешеный. Итак, в пятницу днем домработница унесла ее рюкзак из дома и сдала в химчистку. Не найдя днем в офисе и вечером в ресторане в ее сумке того, что он искал, преступник проник к Владе в квартиру, пока она гуляла с собакой, потому что знал, что накануне она ходила на работу с другой сумкой. В четверг она была в больнице и в офисе, значит, злоумышленник мог видеть ее только в этих двух местах. Впрочем, это и раньше было понятно.

Забравшись в дом, он поискал рюкзак там, где он мог быть, то есть в прихожей, в том числе в шкафу, который Влада, придя с прогулки, обнаружила открытым, а также в гардеробной, где хранились все ее сумки. Получается, он знал, где она все хранит? Бывал в ее доме раньше? Хотя что за чушь. Того времени, которое она провела на улице, было вполне достаточно, чтобы обойти всю квартиру. Рюкзак вещь довольно крупная, заметить его легко, лежи он в кухне, гостиной или спальне.

Вот только рюкзака в доме не было. Он не мог снова попасть внутрь в отсутствие Влады или ночью, потому что она все время включала сигнализацию. Он мог

только подкараулить возвращающуюся домой Владу, чтобы ворваться в квартиру вместе с ней.

Она представила, как это могло произойти и каковы в таком случае были ее личные перспективы выжить, и почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине. Попав в ее жилище в тот момент, когда она возвращается с прогулки, он должен был обязательно ее убить. Наверное, решиться на убийство было не так просто, поэтому преступник и выжидал пару дней – набирался смелости. Господи, какое же счастье, что в этот вечер она приняла приглашение Радецкого и пошла в ресторан.

Надежду он не убил по чистой случайности, а может быть, потому, что уже успел обыскать квартиру, пока та гуляла с собакой, и убедиться, что рюкзака здесь по-прежнему нет. Все, что ему было нужно, это уйти незамеченным, а для этого можно было бить не так сильно, не до смерти. В этот момент рассуждений Владу сильно затошнило. Так сильно, что пришлось начать дышать открытым ртом, глубоко и ровно, загоняя внутрь неизвестно откуда взявшуюся дурноту.

– Надя, а где сейчас рюкзак? – спросила она домработницу, наблюдавшую за ней с легкой тревогой.

Ну да, на ее памяти хозяйка никогда не выказывала подобной слабости.

– Так в чистке, обещали в четверг отдать, сегодня то есть. Но я ж сегодня не заберу.

– Не заберешь, – задумчиво сказала Влада.

Она по-прежнему понятия не имела, что такого ценного могло лежать в ее рюкзаке. Она ничего туда не прятала, а все содержимое, распиханное по косметичкам, исправно перекладывала по другим сумкам. Неожиданная мысль вдруг пришла ей в голову.

– Надя, а ты, когда рюкзак в химчистку сдавала, отделения все проверила?

- Обижаете, Владислава Игоревна, - сказала Надежда. - Конечно, проверила. Я хоть и знаю вашу привычку рассыпать в сумки ничего не кидать, но и на старуху бывает проруха. Кстати, так и вышло. У вас там в одном из карманчиков карточка лежала, так я ее достала, вы не думайте.

Карточка? Какая еще карточка? Влада понятия не имела ни о каких карточках, кроме кредитных, которые лежали у нее в кошельке. Привычки рассовывать банковские карты по карманам сумок у нее не было никогда.

- Понятия не имею, о чем ты, - сказала она искренне. - Она сейчас-то где, карточка эта?

- В кармане пуховика моего. Я ж ее уже в самой химчистке нашла, в карман сунула. А пуховик тут, в больнице. Когда меня в приемном покое принимали, верхнюю одежду и обувь куда-то унесли. На хранение.

Пуховик Надежды был Владе хорошо знаком. Вообще-то это был ее пуховик, купленный пару лет назад и отправленный в отставку, когда в этом году она купила свое модное дутое пальто. С ее любовью к новой одежде старая уже не лезла ни в какие шкафы, заваливать гардеробную ненужным хламом Влада считала неправильным, а потому раздавала все, что не носила, легко и без жалости. Вот и пуховик, синий, с искрой, отдала Надежде и улыбалась, видя, что та радуется дорогой обновке, как ребенок.

Если попросить Владимира Радецкого, то, наверное, в камеру хранения можно попасть. А уж там она легко опознает пуховик и сможет, с разрешения Надежды, разумеется, порыться в его карманах. Надо же понимать, что это за карточка такая. Разрешение Надя, конечно, тут же дала, и Влада встала, собираясь прощаться.

- Ты напиши мне сообщение, что тебе купить и принести, - сказала она. - Я либо сегодня к вечеру

заеду, либо завтра. Хорошо?

– Да не надо мне ничего. Вы если свою карточку в моем пуховике будете искать, то и мою банковскую тоже прихватите. Тогда можно будет все необходимое в главном корпусе в ларьке купить. Вон, Лена туда ходит, – она кивнула в сторону побитой мужем соседки и тут же снова скривилась, видимо, движения головы давались ей с трудом.

– Ладно, карточку я раздобуду, денег на нее положу, – согласилась Влада. – Надя, ты поправляйся поскорее и еще раз прости меня, что так получилось.

– Да нормально все, Владислава Игоревна, – заверила ее домработница.

Выйдя в коридор и бредя к лестнице, Влада вдруг нос к носу столкнулась с Павлом Беловым. Ее главный инженер, одетый в белый халат, шел по коридору, неся в руках бутылку водки «Русский стандарт».

– Ты чего тут делаешь? – удивленно спросила она.

Впрочем, Павел удивился не меньше.

– А вы? – ответил он вопросом на вопрос. – Я-то к заведующему отделением приходил, он просил меня на одном приборе программу перепрошить, висла она у них что-то. Я домой забрал, пару дней мараковал, но получилось, вот, пришел устанавливать, в ответ получил благодарность натурой, – и Белов потряс перед ее лицом бутылкой водки.

– А я знакомую проведывала, – сказала Влада, не вдаваясь в детали. – У нас там бетонирование-то как, идет?

– Да, ребята давно уже закончили. Сохнет все. Бог даст, во вторник-среду начнем монтаж. Вы бы зашли, посмотрели, что и как.

– Обязательно зайду, Паша, – сказала она. – Сейчас с главврачом переговорю и спущусь. Хорошо?

Он не успел ответить, потому что к ним подошла немолодая женщина с нервным, уставшим лицом.

– Доктор, – сказала она, обращаясь к Павлу, – вы не подскажете, с кем мне по поводу мужа переговорить? У него операция вчера была. Поляков его фамилия.

– Простите, я не врач, – сказал Белов. – Но ординаторская вон туда по коридору, вам там обязательно помогут.

– Да как же не врач, если в белом халате? – всплеснула руками женщина и быстро пошла в указанном направлении.

– Вот что за люди, если в белом халате, так обязательно врач, – усмехнулся Павел. – Такое чувство, что, надевая его, я сливаюсь с окружающей средой. Как полярная сова в Арктике.

– Ладно, сова. Я пошла, а то у главного врача оперативка начнется. Ты со мной?

– Вы идите, а я догоню, – сказал Белов. – Мне, извините, в туалет бы надо. Отравился вчера чем-то, всю ночь маялся, и сейчас еще не отпустило.

Распрощавшись с Беловым и пообещав зайти, Влада вышла из нейрохирургического корпуса и по дорожке, ведущей в основной многоэтажный корпус, двинулась туда, раздумывая, как ей теперь поступить. На часах было 8:40. Она вдруг подумала о том, что Радецкий сейчас в реанимации, а потом будет пить кофе. Он был «человек-график», и ей это нравилось, потому что она сама была такой же и не терпела сбоев в расписании, ибо из-за них начинался хаос, опасный для бизнеса, да и вообще для жизни.

Исходя из того, что мужчина, с которым она провела ночь, точнее, не ночь, а несколько часов, после чего была с позором изгнана из его спальни, предпочитал «плановое ведение хозяйства», было понятно, что пока он не расквитается со всеми своими оперативками и совещаниями, вряд ли поможет ей попасть в камеру хранения и достать непонятную карточку.

Что ж, придется подождать. Пожалуй, сейчас она действительно зайдет на объект, чтобы посмотреть, как там идут дела, дождется возвращения Белова, чтобы обсудить с ним планы на сегодня-завтра, а за это время, глядишь, и оперативка закончится, после чего можно будет предстать пред очи Владимира-свет Николаевича.

Эта перспектива ее и радовала, и пугала одновременно. Радовала потому, что за тот неполный час, что Влада не видела Радецкого, она уже начала по нему скучать. Пугала потому, что она никак не могла осознать, что именно произошло между ними этой ночью. С одной стороны, этот мужчина вчера увез ее к себе, подальше от опасности, то есть фактически принял на себя ответственность за ее жизнь. С другой – он отправил ее спать в гостевую комнату так холодно, словно перед этим и не вытворял с ее телом такое, от чего ее до сих пор при малейшем воспоминании пробивало молнией. То ли свой, то ли чужой. То ли страстный, то ли холодный. То ли заинтересованный, то ли полностью отстраненный. Она никак не могла решить, и это напрягало, сбивало с толку.

«Я подумаю об этом чуть позже, – сказала себе Влада в традициях Скарлетт О’Хара из «Унесенных ветром». – Сейчас мне надо разобраться с преследованием, которому я, несомненно, подвергаюсь. А потом, когда я буду в безопасности, то сяду и подумаю, что мне делать с Владимиром Радецким. Потому что главная опасность для меня, похоже, исходит от него. И вовсе не в физическом плане. К сожалению, шрамы в душе заживают дольше, чем сотрясение мозга».

Именно из-за внутреннего смятения она и не шла сейчас в кабинет к Радецкому, где осталась ее собака. Она могла успеть до оперативки, но тянула время из-за бушевавших в ней эмоций. Боялась, что просто не справится, выплеснет их наружу, устроит дурацкий

бабский скандал, каких она всю жизнь терпеть не могла и никогда себе не позволяла.

Поэтому, войдя в главный корпус, Влада не поднялась на второй этаж, а по первому прошла в то крыло, где должна была быть развернута гибридная операционная, которой, она не сомневалась, предстояло стать главной ее гордостью. Таких масштабных проектов «Мед-Систем» еще никогда не реализовывал.

Отдельных поставок медицинского оборудования, пусть очень сложного и ультрасовременного, за ее плечами было уже несколько сотен, но разворачивание и настройка высокотехнологичного комплекса, представляющего собой комбинацию традиционно необходимого оборудования для проведения открытых и лапароскопических операций с ангиографическими системами, рентгеновскими установками, КТ, МРТ, УЗИ-системами, системами видеонавигации, были принципиально иной задачей.

А если добавить, что все оборудование еще придется интегрировать друг с другом и настроить контроль единой системой управления, то правда есть чем гордиться. То есть, разумеется, будет, когда они с Пашей Беловым выполнят всю работу.

Думать об оборудовании было спокойнее, чем о Владимире Радецком, поэтому, позволяя рабочим мыслям располагаться в своей голове, Влада дошла до нужных ей помещений, заглянула туда, где был залит правильный бетон. Да, все было сделано. Еще не просохшее основание, переделанное ее ребятами в соответствии с требуемыми стандартами, темнело в утреннем полумраке помещения.

День сегодня не был солнечным, нависшее небо грозило разродиться обильным снегопадом, обещанным синоптиками, а потому давило как на землю, так и на голову, становившуюся тяжелой. Ну да, она же еще и не

выспалась. И если лечь в половине второго для Влады было нормой, то встать в шесть утра – точно нет.

Закрыв дверь в основной зал, она прошла в бытовку. Скинув шубку и пристроив на подоконник сумку, в ожидании Белова, явно задерживающегося в туалете, она прошлась по другим кабинетам, где уже были аккуратно сложены коробки. Разумеется, все помещения были заперты, но связка ключей у Влады была.

Как владелица фирмы, которой до момента оплаты больницей принадлежало все это дорогостоящее оборудование, она, разумеется, имела доступ во все помещения. Тихомиров пытался отдать «Мед-Систем» только один комплект ключей, но Влада категорически отвергла такую возможность. Конечно, за объект отвечал Белов, но с ним могло случиться что угодно. Вон, понос, к примеру. А работы на объекте не должны зависеть от благополучия одного человека.

Все оборудование было на месте. Аккуратно составленные коробки запечатаны. Даже документация из них, включая пароли для подключения к удаленным серверам, еще находилась внутри. Какое-то смутное воспоминание мелькнуло у нее в голове. Совсем недавно она уже думала про пароли в связи с оборудованием, и было это именно здесь, в этих помещениях. Когда? Почему?

Она вдруг вспомнила, как в прошлый четверг, да, ровно неделю назад, пришла сюда с Олегом Тихомировым. Он куда-то отошел, а она заметила, что между вот этими самыми ящиками что-то блестит. Точно, это была карточка с латинскими буквами и цифрами, и Влада, не зная, откуда она здесь взялась, решила, что из какой-то коробки при переноске выпал код доступа. Она еще собиралась сразу отдать ее Белову, но того не было рядом, и Влада просто сунула карточку в сумку.

Стоп. Она сунула карточку в кармашек своего черного рюкзака, с которым была в тот день. Того самого, который Надежда сдала в химчистку, достав карточку и засунув ее в карман своего пуховика. Так что же получается, именно ее ищет неведомый преступник? Тогда кто это может быть?

У Влады внезапно подкосились ноги, поэтому она аккуратно примостилась на одной из коробок с оборудованием. Авось выдержит, не на пол же садиться. В прошлый четверг здесь, кроме нее, были Тихомиров, Белов, а еще целая куча Пашиных подчиненных, рабочих, которые разгружали коробки. Однако рабочих можно, пожалуй, вывести за скобки, они тут ни при чем. Получается, карточку искали Тихомиров или Белов. Но Белову это было не нужно, поскольку Влада в любом случае отдала бы свою находку именно ему.

Влада прикрыла глаза, вызывая в памяти образ зеленого ламинированного прямоугольника, который держала в руках пару секунд. Что такого могло на нем быть, чтобы так истово его искать? Буквы и цифры. Цифры и буквы. Код доступа. К чему? Вспышка, озарившая ее мозг, была внезапной и такой яркой, что ушам и глазам моментально стало горячо.

Радецкий, со слов Инны Полянской, рассказывал ей, что после махинации с продажей самолетов Нежинский, отвечающий за финансовую сторону дела, перевел деньги со счетов своей фирмы в какой-то банк, кажется швейцарский. Влада читала, что доступ к счетам в таком банке осуществлялся с помощью кода, и карточка с ним вполне могла все эти годы храниться у Ираиды Нежинской, жены бизнесмена.

Старушка приехала в город, чтобы «восстановить справедливость». Если она хотела, пусть с опозданием, рассчитаться с подельниками своего мужа, одним или несколькими, то явно привезла с собой не сумку,

набитую наличными. С собой у нее вполне могла быть пластиковая карточка с необходимым кодом, и именно ее хотел отобрать у нее преступник.

Они с Радецким решили, что это мог быть сын прокурора Сергея Ветюкова, двадцать лет назад уже попробовавший вернуть причитающееся своему отцу с помощью преступления. Однако с чего они сделали такой вывод? Почему человеком, пытавшим Нежинских, не мог быть сын их друзей Тихомировых?

В первый раз у него не вышло, потому что Нежинские смогли нажать кнопку тревоги. И да, после смерти мужа Нежинская не стала сдавать нелюдя полиции, скорее всего из-за хорошего отношения к его матери. Возможно, ее молчание было гарантией того, что деньги больше никто не будет искать. Много лет так и было, но приехавшая в город Нежинская сказала, что хочет восстановить справедливость.

Она могла иметь в виду сыновей Корнилова и Ветюкова. То, что она собиралась помочь Тихомирову, известно только с его слов, больше ни от кого. Почему ночью Нежинской стало плохо? Не потому ли, что Тихомиров снова заявился к ней с угрозами? Он был вынужден отправить ее в больницу и здесь пришел в палату, чтобы все-таки узнать судьбу денег. Скорее всего, старушка испугалась и отдала карточку, вот только он все равно ее убил, чтобы во второй раз не оставлять в живых свидетельницу своих преступлений.

Так. Хорошо. Пока все сходится. Но что было дальше? А дальше преступнику нужно было незамеченным покинуть отделение кардиохирургии и вернуться к обычной жизни, чтобы никто ничего не заподозрил. Он спустился с пятого этажа на лифте, встретил Владу, вместе с ней пришел в гибридную операционную, хотя спешил к себе в кабинет и был вовсе не рад, что она его задержала. Когда они спустились на первый этаж, он нечаянно выронил

карточку и, видимо, видел, как Влада ее подняла и сунула в сумку. И после этого объявил охоту, сначала на сумку, а потом и на саму Владу.

Рассказывая им с Радецким свою версию, Тихомиров даже не отрицал, что был у Нежинской в палате, просто интерпретировал события так, как ему выгодно. И это именно он обыскал ее сумку в ресторане, он был в офисе, чтобы выкрасть ключи, он дважды обыскал ее квартиру в поисках черного рюкзака, он ударил Надю по голове. И он не остановится, пока не найдет то, что ищет.

Так, наплевать на все на свете оперативки, нужно бежать к Радецкому, чтобы рассказать о карточке, забрать ее из камеры хранения и срочно звонить Зимину. Мерзавца Олега нужно задержать. Вскочив с коробки, Влада почти бегом отправилась обратно в подсобку, где оставила свои вещи. Зайдя туда, она обнаружила внутри Павла Белова и не сразу поняла, что именно он делает. А когда поняла, то на мгновение перестала дышать. Стоя у подоконника, главный инженер «Мед-Систем» рылся в оставленной ею сумке.

– Паша, – слабым голосом сказала Влада, и, услышав ее голос, он вздрогнул, повернулся, спрятав сумку за спиной, но тут же поставил ее обратно на подоконник, понимая, что отпираться бессмысленно. – Ты что ищешь, Паша?

– Владислава Игоревна? Вы же знаете, что я ищу. Не могли не догадаться, вы же умная. Куда вы ее дели?

– Ты про карточку с кодами доступа к банковской ячейке, в которой хранится четырнадцать миллионов долларов? – уточнила Влада.

Почему-то ей совсем не было страшно. Вот просто ни капельки. Где-то над ее головой, всего на один этаж выше, ходил, дышал, разговаривал Владимир Радецкий, и только это имело смысл и значение.

– Догадалась. Причем обо всем, – протянул Белов. – Какая же вы умная и хитрая сука, Владислава Игоревна.

– Какая есть, – Влада пожала плечами. – А ты к этим миллионам с какого бока, Паша? Ты-то откуда про них узнал? И про Нежинскую тоже.

– Не-ет, – протянул Паша, – не все вы, оказывается, знаете, не все. Я, так и быть, удовлетворю ваше любопытство, но только после того, как вы мне скажете, где карточка. Где она?

– То есть это ты ее потерял, а не Тихомиров. Я-то на него грешила, а он, значит, правду говорил, что пришел в палату к Нежинской, когда она была уже мертвая.

– Где карточка?

– Ты ее не достанешь, Паша.

Он вдруг оскалился как волк. Это было неприятно и страшно, и Влада мимоходом подумала, что совсем ничего, оказывается, не знает про своего главного инженера, которого когда-то перекупила у конкурентов за баснословную сумму. Почему тогда ее не царапнуло, что он так легко проданся?

– Достану. Вы мне поможете. Вы же всегда находите выход из самых неразрешимых ситуаций, правда, Владислава Игоревна?

Он метнулся к ней, поднимая руку, и Влада запоздало поняла, что бежать отсюда нужно было гораздо раньше. Бежать, спастись, а не задавать дурацких, никому не нужных вопросов. Туда, на второй этаж, где ее наверняка уже потерял самый лучший человек на свете. С этими последними словами было связано какое-то стихотворение, но Влада не успела вспомнить какое, потому что подскочивший Белов ударил ее по голове. Последним, что она заметила, был кастет на его правой руке.

«Вот чем он Надю», – успела подумать она и начала падать куда-то в бездонный черный колодец.

Когда она пришла в себя, то обнаружила, что сидит на стуле в той самой дальней комнате, в которой хранились коробки с основным оборудованием. Ноги и руки оказались примотанными к ножкам и спинке стула широким скотчем, им же ей залепили и рот. В комнате она была одна, поэтому сразу начала дергаться, пытаюсь понять, насколько крепко связана. Крепко, не вырваться. Ее сумка и шубка валялись в углу. Влада попыталась закричать, но лишь замычала.

Итак, попробуем оценить ситуацию. Напавший на нее Паша Белов уволок ее в самую дальнюю комнату будущего ультрасовременного оперблока, надежно связал и лишил возможности кричать. Зачем? Ответ напрашивался сам собой и давал некоторую отсрочку как от возможных мук, так и от смерти.

В разгар дня Белов ничего не может с ней сделать. Они на первом этаже крупной больницы, недалеко люди, а значит, ни пытаться Владу, чтобы выяснить судьбу карточки с банковским кодом, ни вытащить ее отсюда, чтобы перевезти в более тихое место, у него не получится. Мерзавцу нужно дожидаться ночи. До этого времени Владимир Радецкий точно ее хватится, хотя бы потому, что начнет удивляться, что Влада не приходит за своей собакой. Когда он поймет, что она пропала? Скорее всего, освободившись от всех своих совещаний, то есть в районе обеда. И что будет дальше?

Голова работала так усиленно, что Владе казалось, что она слышит, как в ней что-то щелкает. Как поведет себя Радецкий, обнаруживший, что Владислава Громова исчезла? Скорее всего, подумает, что она решила не отвлекать его от дел, а вызвала такси и отправилась забирать машину и заниматься своими ежедневными делами. По крайней мере, она сама подумала бы именно так.

В этом была логика – не путаться под ногами, а жить своей жизнью, чтобы к концу дня приехать за

псом уже на автомобиле, не объясняясь с таксистами, встречающими собаку в салоне с кислой миной. При таком раскладе Радецкий не хватится ее раньше пяти, а то и шести часов вечера. Пока хватится, пока начнет звонить, пока поймет, что она не отвечает не потому, что занята, а из-за того, что с ней что-то случилось, пока кинется искать, пока догадается сообщить следователю, закончится рабочий день, а это значит, что Белов сможет приступить к реализации своего плана.

На этом месте своих рассуждений Влада немного скисла и тут же рассердилась сама на себя. Нельзя сдаваться, никак нельзя. Она никогда так не поступала, а значит, и сейчас не сдастся тоже. В замке повернулся ключ, и в комнату вошел Белов, тщательно запирая за собой дверь. Влада снова замычала.

– Зря стараетесь, – равнодушно сообщил ей Паша. – Вас никто не услышит – комната на отшибе. Даже если вас и будут искать, то я просто скажу, что вы с утра заходили и ушли. Хотя кому вы нужны.

Он не знал про то, что Влада ночевала у Владимира Радецкого. Не знал и не мог знать, вот только давало это дополнительные козыри или выбивало последние? Если бы она вчера не оставила машину у ресторана, то сейчас ее BMW, точно такой же, как у главврача, стоял бы на служебной парковке, а значит, ее бы начали искать именно в больнице. Интересно, Паша уже подумал про ее машину или нет?

– Я ходил на парковку, хотел отогнать подальше вашу машину, чтобы никто здесь не задавал ненужных вопросов, – сказал он, словно прочитав ее мысли, – однако машины нет. Вы что, не за рулем сегодня приехали, Владислава Игоревна?

Влада снова замычала, давая понять, что не может ответить. Он засмеялся.

– Не-ет, я не такой дурак. Я не открою вам рот, чтобы вы смогли заорать. Если я буду задавать вопросы, то вы будете просто кивать или качать головой. Итак, начнем. Вы приехали сюда на машине, Владислава Игоревна?

Влада кивнула, потому что это действительно было так. Она приехала на машине, просто не на своей.

– Не ври, сука, – обманчиво ласково сказал Белов, подошел ближе и, размахнувшись, ударил Владу по щеке. Голова ее дернулась так, что стало больно шее. – Твоей машины здесь нет, и, хотя с тебя бы случилось прилететь на метле, это все-таки не так. После того как я по ошибке вместо тебя вырубил твою домработницу, ты не смогла сесть за руль. Ты не такая уж железная, как хочешь показать. Ты обычная хнычущая баба, которая всю ночь тряслась в страхе, что я вернусь, и рыдала.

Вообще-то почти всю ночь Влада занималась любовью с самым лучшим человеком на свете.

– Ладно, неважно, машины нет, а значит, никому не придет в голову тебя тут искать. Я сейчас тебя запру и уйду имитировать бурную деятельность. Я же хороший работник, ты же знаешь. Когда выяснится, что ты пропала, я, разумеется, очень встрежусь. Никто из тех, кто будет тебя искать, не сможет дозвониться. Я звук выключил, а телефон оставил на подоконнике в операционном зале. Ты его там забыла. А ключи от этой комнаты, наоборот, унесла с собой. Растя-апа. Не скучай, вернусь, когда все разойдутся, у меня к тебе много вопросов, хотя главный только один – где карточка. Ты пока смиришься с мыслью, что тебе придется ее отдать, чтобы умереть легко и без лишних мучений. Я умею пытаться, ты уж мне поверь как говорится, есть опыт.

Что значит есть опыт? Получается, что именно Белов двадцать лет назад напал на Нежинских и довел

бизнесмена до инфаркта? Но какое отношение он имел ко всей этой истории? Откуда знал про деньги? Впрочем, сейчас это было совсем неважно, спастись бы.

Проскрежетала запираемая снаружи дверь, и Влада снова осталась одна. Впереди у нее было несколько часов, которые нужно было потратить с толком, чтобы придумать, как спастись. Вот только мысли, которые лезли в голову, были совсем о другом. Несмотря на опасность, а может быть, благодаря ей Влада в мельчайших деталях и подробностях вспоминала прошедшую ночь.

То, что случилось между ней и Радецким, было прекрасно и волшебно. Пожалуй, это лучшее, что происходило с ней в жизни. И если уж ей суждено сегодня умереть, то как же здорово, что она успела испытать это волшебство. И то, что ее выставили в отдельную спальню, казалось сейчас совсем неважным. Это же понятно, что в их возрасте труднее идти на сближение, сложнее пускать на свою территорию, все яростнее желание отстаивать свои личные границы. Покушаться на них Влада не собиралась, но он же этого не знал.

Она была уверена, что смогла бы все объяснить. Не словами, нет, они в таких случаях бессильны, а тактичностью, умением приближаться лишь на разрешенное расстояние и останавливаться по первому движению бровей, по легкой морщинке на начинающей хмуриться переносице самого лучшего мужчины на свете. Точно, это из Роберта Рождественского. «Самый сильный, самый гордый, самый лучший человек на свете...» А еще в том же стихотворении есть фраза «если я тебя придумала – стань таким, как я хочу». Ошибочное желание, крайне ошибочное. Она бы не стала требовать, чтобы человек, которого она полюбила, стал таким, как ей хочется. Пусть остается

такой, какой есть. Ведь, когда по-настоящему любишь, принимаешь человека всего, целиком.

Надо же, приходится признать, что она влюбилась, а ведь была убеждена, что больше с ней никогда-никогда такого не случится. Уверенная в себе, привыкшая все и всегда решать сама, безжалостная и самостоятельная «железная кнопка» Владислава Громова была готова добровольно сдаться на милость победителя, выбраться из плена «я сама», признать мужское превосходство, которого ей, оказывается, так сильно не хватало.

Все элементарно. Для того чтобы мужчину любить, им надо восхищаться. А сделать это непросто, потому что для этого мужчина должен быть тебе даже не ровней, а гораздо сильнее. Что ж, ей, кажется, повезло. Как жаль, что такого мужчину она встретила незадолго до того, как Паша Белов ее убьет. В глазах что-то защипало, и Влада с изумлением поняла, что плачет. Она и не помнила, когда делала это в последний раз, «железные кнопки» не плачут.

Сколько она просидела так, привязанная к стулу, с текущими по щекам слезами, Влада не знала. Она вообще понятия не имела, сколько сейчас времени, потому что не понимала, как долго была без сознания. Странно, но голова после удара не болела совсем; впрочем, Паша наверняка бил не сильно, Влада нужна была ему живой, по крайней мере до тех пор, пока не скажет, где карточка.

Ей показалось или за дверью она услышала голос Радецкого? Да, это был он, и, напрягая слух, Влада слышала, как он спрашивает про нее, а Белов спокойно говорит, что она ушла примерно с час назад. Сейчас Радецкий найдет ее телефон, успокоится, что она не отвечает, потому что забыла его в больнице, и уйдет заниматься своими делами.

Заговорил кто-то еще, третий, кто пришел вместе с Радецким, но из-за большого расстояния и двери

Влада не могла разобрать, кто именно. Это голос Владимира Николаевича она узнала бы из тысячи, а этот третий, кем бы он ни оказался, не был ей ни дорог, ни интересен. Одно хорошо – Радецкий, не подозревая, что перед ним убийца, по крайней мере, не один, а значит, Паша не сможет причинить ему вред. Безопасность Радецкого была для нее гораздо важнее своей собственной. Вот ведь какая странность.

Голосов за стеной становилось все больше, в том числе, кажется, что-то говорил Олег Тихомиров. Если у нее получится привлечь их внимание, то, может быть, они ее услышат. Напрягая горло, Влада снова попыталась закричать, но единственное, что ей удавалось, это мычание, и оно было таким тихим, что не могло пробиться сквозь запертую металлическую дверь и специальные, усиленные при ремонте, практически бронированные стены. Господи, что же она будет делать, если все эти люди сейчас уйдут? Если Он уйдет.

Перенеся вес тела на перетянутые скотчем и затекшие ноги, Влада попыталась встать, согнувшись в три погибели, отклячив попу с привязанным стулом. Если допрыгать до двери и размахнуться, то можно попробовать ударить этим стулом по металлу двери, это же будет громко, наверное.

Но чего в ее жизни точно не было, так это секции акробатики. Музыкальная школа присутствовала, и художественная тоже, и даже фигурным катанием маленькая Влада занималась три года, а потом плаванием. Но ни один из полученных навыков не помогал сейчас совершать прыжки со связанными руками, ногами и стулом на спине. Ни один. Разумеется, сделав всего один прыжок, Влада упала. Раздавшийся при падении шум ее разочаровал, он был гораздо тише, чем она надеялась.

Голоса за стеной стихли, потом возобновились, став гораздо громче. Раздался какой-то крик, потом мат,

сердце зашлось от ужаса, но тут же успокоилось, потому что кричал не Радецкий, а, кажется, Паша. Топот ног по коридору, лязганье ключа в замке – дверь распахнулась, и лежащая на полу Влада (встать сама она не смогла бы ни за какие коврижки) на мгновение увидела смятенное лицо Олега Тихомирова, но тут же, оттолкнув его, в комнату влетел Радецкий, бросился к ней, приподнял голову.

– Жива? Цела?

Она закивала, как китайский болванчик, чья голова на пружинке начинала безостановочно двигаться при малейшем прикосновении.

– Черт, подожди, сейчас. Олег Павлович, ножницы несите.

Господи боже мой, даже в такой ситуации этот человек не терял своей чертовой политкорректности. Хотя нет, только что он же обратился к ней на «ты». Для этого всего-то и нужно было, чтобы ее ударили по голове, похитили и хотели убить. В комнате появился следователь Зимин, и Влада поняла, что смутно знакомый, но не идентифицированный ею голос принадлежал, оказывается, ему. Получается, ее что, искали?

Исчезнувший и снова появившийся Тихомиров молча протянул Радецкому ножницы, и тот начал освобождать руки и ноги Влады от врезавшихся в них липких пут. Пара мгновений – и она оказалась свободной от стула. Радецкий аккуратно помог ей подняться на ноги.

– Стоять можешь?

Влада кивнула, хотя затекшие ноги практически не держали. Чтобы не упасть, она вцепилась руками, которых не чувствовала, в его плечо. Запястья были опухшие, красно-синие, и она видела, как он менялся в лице, когда на них смотрел.

– Очень больно?

Она покачала головой, потому что говорить все еще заклеенным ртом не могла.

– Сейчас будет.

Радецкий протянул руку и резким движением дернул широкую клейкую ленту, делавшую Владу немой. Она вскрикнула от боли, потому что часть тонкой кожи губ, разумеется, осталась на скотче, подбородку скатилась капля крови, Радецкий нагнулся и слизнул ее, прижал ранку на губе языком, нимало не смущаясь того, что все смотрят. Тихомиров, крикнув, видимо, от неловкости, достал из кармана и протянул упаковку стерильных салфеток.

– Владимир Николаевич, держите. Я захватил.

Радецкий оторвался от ее губ, быстро достал из протянутой бумажной упаковки белый квадратик, протянул Владе.

– Держи. Потом обрабатываем. Идти сможешь?

– Смогу, – сказала она, пробуя свой вновь обретенный голос, и снова повторила, уже громче: – Конечно, смогу.

В будущем оперблоке два человека держали под руки Павла Белова, на запястьях которого блестели надетые наручники.

– Говоришь, уехала она, да? – спросил у него следователь, кивая на Владу.

Горящие ненавистью глаза были ему ответом.

– А как вы здесь очутились? – спросила Влада и снова прижалась к плечу Владимира Радецкого, потому что без него ощущала себя как-то неуверенно. – Как догадались, что меня надо спасать?

– Ты вряд ли могла уйти, не предупредив, – ответил тот, и Влада вновь почувствовала острый укол радости от этого «ты». – Хотя бы сообщение отправила, в этом я был уверен. Так что ты была в больнице, это очевидно, и первое место, где тебя стоило искать, как раз здесь.

- Это понятно, а Михаил Евгеньевич, он тут как очутился?

- Вопросы у меня появились к этому вот вашему товарищу, - степенно сказал следователь. - Вы с Владимиром Николаевичем, конечно, дюже лихо расследования проводите, но и мы не лыком щи хлебаем, умеем кое-что. После того как стало очевидно, что убийство Нежинской уходит своими корнями в далекое прошлое и к нему имеют отношение дети Корнилова и Ветюкова, мы направили запросы, куда следует. Владимир Николаевич нам помог, сообщив, что среди пациентов и сотрудников больницы Ветюковых не значится. Но тут как раз ответ на запрос в архив ЗАГСа и пришел. В 2003 году, то есть через три года после разразившегося скандала с продажей военных самолетов, некто Павел Сергеевич Ветюков подал заявление на смену паспортных данных и взял фамилию жены, став Павлом Сергеевичем Беловым.

- А я-то голову ломала, откуда Паша знал, что у Нежинских были деньги! - воскликнула Влада. Губа больше не кровила, только щипало немножко. - А он, оказывается, на самом деле Ветюков.

- Да, Ветюков, - хрипло заговорил Павел. Ненависть по-прежнему горела в его взоре, вот только никто из присутствующих его не боялся, и Влада тоже. - Когда разразился газетный скандал, а потом Нежинский избавился от этого неугомонного борца за справедливость, Суриков который, отец дело замял, но это стоило ему места. Он вышел в отставку и уехал из города, а мы с матерью остались. Нежинский, старая сволочь, всех кинул, ни с Корниловым не поделился, ни с отцом. Сказал, что позже деньги отдаст, когда шум уляжется. Еще про проценты что-то твердил, мол, деньги, пока в банке лежат, только дорожают. Отец был согласен подождать, а я нет. Четыре с половиной миллиона долларов, да они мне ночами снились, я все

пытался представить, как мы на эти деньги сможем жить, но близок был локоть, а не укусишь.

– И тогда вы решили за спиной отца отнять деньги у Нежинского силой? – спросил Зимин.

– Да, я договорился с двумя знакомыми, они плотно сидели на наркоте, им все равно было, что делать, и мы проникли к Нежинским в квартиру. Эта старая гнида ни за что бы не открыла дверь, он такой был осторожный, никому не доверял, у них квартира как крепость была. За семью замками. Но пока операция по продаже самолетов готовилась, наши семьи много общались, мама с Ираидой подружиться успела, та меня, разумеется, знала, поэтому мне они дверь открыли. Остальное уже было делом техники.

– Вы пытали Нежинских, не скрывая своего лица? То есть, узнав, где спрятан код доступа к швейцарскому банковскому счету, вы собирались их убить? Вряд ли в ваши планы входило оставлять свидетелей.

– Разумеется, но Нежинский ни в какую не говорил, где спрятана карта. Название банка я знал, все знали, и Корнилов, и отец, это Нежинский в тайне не держал, просто ключ был у него. То ли я переусердствовал малость, то ли он просто хлипким оказался, хоть на вид и хозяин жизни был, но ему стало плохо, а Ираида нажала тревожную кнопку, и нам пришлось убираться.

– Почему же она не сказала в полиции, кто организовал нападение?

Белов вдруг засмеялся, выглядело это страшно, как будто большой ослабившийся волк завыл.

– Мать мою пожалела, представляете? Такая дура. Она-то знала, что ее муженек партнеров попросту кинул, а деньги присвоил. Ей перед матерью вроде как неудобно было. А тут еще и я бы надолго сел. Мать бы не пережила. Но я думаю, что эта сказочка для матери была, а на самом деле скажи она, зачем я приходил, признаваться бы пришлось. Про самолеты, про деньги.

Скандал и так с большим трудом замяли, поднимать волну заново Нежинской было не с руки. Так что прагматизм ею двигал или человеколюбие, как она это матери подала, но ментам Ираида сказала, что не знает людей, которые на них напали. А взамен попросила, чтобы мы про деньги забыли и никогда ее больше не тревожили. Мол, смерть Нежинского обнулила отцовскую долю.

– Но вы так не считали?

– Не считал, конечно. Просто Ираида в Москву свалила, я тут остался. Через пару лет, чтобы вопросов не было, фамилию поменял. Все эти двадцать лет я думал про эти деньги. Я знал, что Нежинская их так из банка и не забрала. Я следил за ней, издалека, конечно, но посматривал. Не похожа она была на человека, который тратит миллионы долларов. Проценты, скорее всего, снимала, да и то не все.

– И неужели за все это время вы ни разу не хотели попробовать эти деньги отобрать?

Белов снова осклабился.

– Хотел, разумеется, а как, не привлекая внимания, я мог это сделать? Лихие годы позади остались, в Москве напасть на двух старух, чтобы выпытать, где ключ с кодом? В подъезде, нашпигованном камерами?

– А здесь, значит, рискнули?

– Я ее случайно увидел. Здесь, в больнице. В буфете. Сразу узнал, конечно. И она меня узнала, аж побелела вся. Помнила, сука старая, как я ее мужу пятки поджаривал паяльной лампой. Узнать, на каком этаже и в какой палате она лежит, было делом техники. На завтра я утром пришел, знал, что в это время она точно будет одна. У вас же тут вся жизнь по расписанию.

– Если Ираида Сергеевна так боялась этого мерзавца, то не могла захотеть его позвать, а мы знаем, что, находясь в страшном волнении и отменив

чаепитие, говорила своей приятельнице, что «надо попросить Юлю его привести», – задумчиво отметил Радецкий.

– Это было обо мне, – подал голос Тихомиров. – Ираида Сергеевна говорила про меня, это за мной она собиралась отправить Кондратьеву, а когда та не пришла на смену из-за того, что ее убили, позвонила моей матери и попросила, чтобы я с самого утра к ней зашел, потому что ей нужно сообщить мне что-то важное. Но я, как вы знаете, опоздал.

– Интересно, а почему никто из ваших, Владимир Николаевич, сотрудников не заметил Белова в отделении? Мы же всех опросили сразу после убийства, но все в один голос говорили, что не видели никого постороннего, – спросил Зимин у Радецкого.

– Так он не посторонний! – воскликнула Влада, вспомнив сценку в нейрохирургии, которой стала свидетелем сегодня утром. Всего-то пара часов прошло, а как давно это было. – Все, кто одет в медицинские костюмы или белые халаты, воспринимаются как свои. Чужие здесь не ходят.

– Я же говорил, что вы, Владислава Игоревна, слишком умная, – криво усмехнулся Белов. – Я же во всех отделениях давно свой, где только оборудование не настраивал. Сливаюсь с пейзажем, как и все. Приехал на лифте, пошел по коридору, да на меня даже не смотрел никто. Хотя и встретила-то мне одна фифа только. Высокая такая, яркая, на каблуках, словно не в больнице.

– Валуева, – кивнул Радецкий.

– Ну еще разносчица тарелками гремела, у нее упало что-то, пролилось, она вытирала, так вообще меня не заметила. Я оглянулся – никого, зашел в палату, там Нежинская, разумеется одна. Знаете, как мне было приятно видеть, как сильно она испугалась? Побелела, воздух ртом захватала, я даже заволновался,

что она сейчас повторит тот фортель, который ее муженек двадцать лет назад выкинул, помрет в одночасье. Но нет. Я про деньги спросил, она стала говорить, что мне за душегубство ни копейки не положено, что все достанется Косте Корнилову, дочери Сурикова и сыну какой-то ее подруги, а мне, значит, нет. Ну, я и сказал, что либо она мне карточку с кодом отдает, либо я всю семью и у Корнилова, и у этих двоих вырежу подчистую. Спросил, верит ли она, что я на это способен. Оказалось, верила, старая сволочь.

– Нежинская отдала вам карточку, и вы ее убили.

– Разумеется. Придушил подушкой. Один раз я ее в свидетелях оставил, второй раз не стал. Потом я ушел, никто меня не видел. Спустился вниз, занялся работой. Карточка у меня в кармане халата лежала: видимо, выпала, когда я его снял, чтобы не запачкать, пока коробки таскали.

– Ты видел, как я ее подняла и сунула в сумку, – сказала Влада.

– Да. Я не сразу понял, что вы ее нашли, иначе тогда же забрал бы. Вы же явно не знали, что это.

– Я была уверена, что это какой-то код от оборудования, собиралась отдать, но не успела, а потом забыла.

– А я понял, что именно вы в сумку сунули, только когда обнаружил, что карточка из кармана пропала. Чуть с ума не сошел. Все думал, как ее забрать. На завтра поехал в офис с утра. Наплел вам чего-то, зачем явился, дождался, пока вы уйдете, обыскал кабинет, сумку облазил, хотя видел, что она другая, не та, что накануне. Ничего не нашел, только ключи от квартиры. Забрал, потому что было понятно, что вчерашняя сумка дома. Где ей еще было быть.

– А в ресторане?

– Что в ресторане? – не понял Белов.

– Зачем ты в ресторане мою сумку трогал, если ее еще в офисе осмотрел?

– Не был я ни в каком ресторане.

– Скорее всего, там твоя сумка просто упала, – спокойно сказал Радецкий. – Никто ее не обыскивал, а мелочи рассыпались, потому что этот мерзавец, шаря по твоим многочисленным косметичкам в поисках кода, просто их не застегнул.

– Вечером вы дождались, пока Громова уйдет на прогулку с собакой, и влезли в ее квартиру, – сказал Зимин.

– Да, я знал, что у меня не так много времени, тогда я не хотел еще один труп на себя вешать. Просто осмотрел все в поисках нужной сумки, но ее нигде не было. Потом я несколько дней наблюдал, ждал, пока она снова с той сумкой придет, потому что карточка могла быть только там, а она все, как назло, ходила с другими. Зачем ей столько сумок-то, черт ее побери.

– И когда ваше терпение лопнуло, вы повторили налет.

– Да, я бы и раньше это сделал, но теперь квартира все время стояла на сигнализации, поэтому пришлось ждать благоприятного момента.

– Только вчера с собакой пришла гулять не я, а Надя. И не поставила квартиру на сигнализацию, поэтому Белов туда и проник.

– В этот раз я искал тщательнее, но этой проклятой сумки, точнее рюкзака, я же помнил, что это рюкзак, нигде не было. Я не мог уйти ни с чем, искал снова и снова и не заметил, как вернулась эта чертова дура с псом. Пришлось ее ударить, потому что нельзя было позволить, чтобы она меня увидела. Я думал, что ее убил. Я только сегодня утром, увидев Громову в отделении, понял, что та баба жива. Мне пришлось под каким-то предлогом заглянуть к ней в палату, чтобы убедиться, что она меня не узнает.

- То есть ты задержался не потому, что хотел в туалет, - сказала Влада.

- Нет. Мне нужно было удостовериться, что я в безопасности. Боже мой, я всю ночь был уверен, что убил двух человек ради карточки, которая открывала путь к миллионам. Но так ее и не нашел.

- Слушай, а где тогда твой рюкзак, если этот мерзавец его не брал? - удивленно спросил Радецкий.

- В химчистке. - Влада вдруг захохотала. Громко, безудержно, чувствуя, как спадает напряжение, в котором она, оказывается, жила всю последнюю неделю. - Рюкзак в химчистке, потому что в прошлую пятницу Надежда уронила его в ведро с жидкостью для мытья пола.

- То есть код доступа к четырнадцати миллионам долларов крутится в барабане химчистки? - воскликнул Тихомиров.

- Нет, моя домработница проверила отделения перед тем, как сдать рюкзак в чистку, обнаружила карточку и переложил ее в карман своего пуховика. Михаил Евгеньевич, она здесь, в больнице, в камере хранения. Туда при поступлении вчера унесли Надин пуховик.

Трехэтажный мат повис в воздухе. Грязно, отчаянно ругался все потерявший Белов.

- Что ж, пойдем изымать, - сказал Зимин, не обращая на страдания задержанного ни малейшего внимания. - Ребята, этого в машину уводите и возвращайтесь. Понятых на месте найдем. Оставим вас, Владимир Николаевич, и вас, Владислава Игоревна, в покое.

- Я могу быть понятым, - вызвался Тихомиров.

- Вам нельзя, Олег Павлович. Вы вместе с Константином Корниловым и Еленой Валуевой - наследник Нежинской, которому, после всех

необходимых следственных действий, эта карточка и будет вручена.

– Что значит наследник? Ираида Сергеевна ведь не успела нам ничего отдать.

– Но, как выяснилось, успела в Москве написать завещание, которое хранится у ее нотариуса, а в нем подробно описан открытый на ее имя счет в Швейцарском национальном банке, вся сумма с которого в равных долях распределяется между вами, дочерью Сурикова и Корниловым. Собственноручно она собиралась отдать вам только карточку, которая без завещания, кстати, попросту недействительна. Так что все ваши усилия все равно были напрасны, малоуважаемый Павел Сергеевич.

Белов задрал голову и завыл. В этом было что-то настолько жуткое, что Влада двумя руками закрыла уши. Радецкий прижал ее к себе, успокаивая, защищая и, как вдруг поняла Влада, навсегда принимая на себя за нее ответственность. Она уткнулась ему в грудь и затихла.

* * *

Зарево заливало небо. Оно было необычайно ярким: огненные зигзаги то и дело пронизывали ночную темноту, вспарывая грозное небо. Ну да, это и была первая в этом году гроза, пришедшаяся на середину апреля. Восход – Радецкий скосил глаза на стоявшие на тумбочке электронные часы, которые показывали половину четвертого утра, – через полтора часа. И зарево не означает ничего тревожного.

Он проснулся от всполохов молний, потому что терпеть не мог штор и никогда их не закрывал. Он вообще не выносил никаких ограничений своей свободы, будь то введенные запреты, какие-то нелепые

женские требования, задраенные люки, закрытые двери или задернутые шторы. И, несмотря на любые посягательства, всю жизнь оставался ничей. До последнего времени.

Радецкий покосился на спящую рядом женщину, сон которой совершенно не тревожили ни молнии, ни догнавший их наконец гром, и улыбнулся краешком губ, потому что всегда улыбался, когда на нее смотрел.

Он был уверен, что жизнь дана для того, чтобы получать от нее удовольствие, и черпал его большой ложкой отовсюду – из грозы за окном, хорошего фильма, удачной книги, порции суши в любимом японском ресторанчике, скорости, на которой привык гонять по трассе, занятий фитнесом, своего дома и у этой женщины, без которой теперь не представлял своей жизни.

Снизу раздалось сопение и тут же недовольное кряхтение. Кряхтел мопс Беня, а сопела проснувшаяся Фасолька, сидящая рядом с кроватью и смотрящая на хозяина с вопросом: волноваться уже или пока не стоит?

– Не стоит, – вслух заверил ее Радецкий, слез с кровати, подошел к незашторенному окну.

Очередная молния разрезала небо пополам, гроыхнуло практически сразу, с задержкой в доли секунды, что означало, что его коттеджный поселок находился в самом эпицентре грозы, тут же ливануло, скрыв за водной пеленой здание бани, беседку и растущие во дворе деревья. Стучал по подоконнику первый в этом году дождь, били в стекло ветви растущей под окном яблони. Тихо сопела Влада, которая совсем ему не мешала, когда спала в его постели. Другой уровень нежности, вспомнилось ему.

Радецкий не испытывал по поводу ночной грозы никаких эмоций. Разбушевавшаяся стихия не имела к нему и к его счастью никакого отношения, однако он

все стоял у окна, глядя на нее, потому что в неистовости природы было что-то завораживающее. Как и положено грозе, она довольно быстро начала уходить, унося огненные всполохи молний в сторону города. Бросив последний взгляд в окно, Радецкий снова лег в постель и тут же уснул. До звонка будильника, который каждое утро раздавался ровно в шесть, оставалось два часа.

notes

Примечания

1

Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Туман над темной водой».

Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой
«Дьявол кроется в мелочах».

3

Стихотворение Петра Давыдова.

Стихотворение Анны Брезовской.